

Спонсор научного мероприятия

группа компаний
ТИТАН

Dorzhi Banzarov Buryat State University
The Supreme Court of the Republic of Buryatia
The Association of Lawyers of Russian Federation of the Republic of Buryatia
China Comparative Law Association
Institute of Comparative Law at the Political and Law University of China
The Association of Lawyers of Mongolia
Mongolian State University
Regional Public Organization «The Union of Criminalists and Criminologists»

COMPARATIVE LAW IN THE COUNTRIES OF ASIA — XV
(within the framework of the I Asian Legal Forum)

*Proceedings of the Annual International Youth
Scientific and Practical Conference
(mixed format)*

(Ulan-Ude, June 27, 2024)

Ulan-Ude
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Publishing Department
2024

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Верховный суд Республики Бурятия
Региональное отделение Ассоциации юристов России в Республике Бурятия
Ассоциация сравнительного правоведения Китая
Институт сравнительного правоведения
при Политико-юридическом университете Китая
Ассоциация юристов Монголии
Монгольский государственный университет
Союз криминалистов и криминологов

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИИ — XV
(в рамках I Азиатского юридического форума)

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(смешанный формат)*

(Улан-Удэ, 27 июня 2024 г.)

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
им. Д. Банзарова
2024

УДК 340.5
ББК 67.0
С 75

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № 5 от 18 октября 2024 г.

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Ответственный редактор

Ю. П. Гармаев, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Бурятия

Редакционная коллегия

К. А. Будаев, проф., канд. юр. наук, доц.; *Е. В. Гулина*, канд. юр. наук;
С. В. Доржиева, канд. юр. наук, доц.; *С. Ж. Дугарова*, д-р ист. наук, доц.;
К. С. Латыпова, канд. юр. наук, доц.; *Э. Л. Раднаева*, канд. юр. наук, доц.;
Ю. Г. Хамнуев, канд. юр. наук, доц.; *О. В. Хышиктуев*, канд. юр. наук, доц.;
А. М. Бянкина (отв. секр.)

Рецензенты

П. В. Троцинский, канд. юр. наук, ведущий научный сотрудник
Института Китая и современной Азии, Российская академия наук
А. П. Алексеенко, канд. юр. наук, доц., научный руководитель образовательной программы
«Юриспруденция с углубленным изучением китайского языка и права КНР»,
Санкт-Петербургский государственный университет

С 75

Сравнительное правоведение в странах Азии — XV (в рамках I Азиатского юридического форума): материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции (смешанный формат) (Улан-Удэ, 27 июня 2024 г.) / ответственный редактор Ю. П. Гармаев. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2024. — 116 с. ISBN 978-5-9793-1953-7

В настоящий сборник по традиции вошли лучшие статьи молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов вузов России, Китая, Монголии, Узбекистана, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам сравнительного правоведения стран Азии.

Сборник предназначен для студентов, магистрантов и аспирантов, преподавателей вузов, практикующих юристов, а также широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и актуальными проблемами права стран Азии, международным сотрудничеством в «азиатском» направлении.

Comparative Law in Asian Countries — XV (within the framework of the I Asian Legal Forum): Proceedings of the Annual International Youth Scientific and Practical Conference (mixed format) (Ulan-Ude, June 27, 2024) / science editing Yu. P. Garmaev. — Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2023. — 116 p. ISBN 978-5-9793-1953-7

Traditionally, this collection includes the best articles of young scientists, graduate students, undergraduates and students of universities in Russia, China, Mongolia, and Tashkent, devoted to topical theoretical and practical problems of comparative law in the countries of the Asia.

The collection is intended for students, undergraduates and graduate students, university professors, practicing lawyers, as well as a wide range of readers interested in comparative law and relevant issues of the law of the Asia, as well as international cooperation in the «asian» direction.

УДК 340.5
ББК 67.0

ISBN 978-5-9793-1953-7

© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ / PREFACE

27 июня 2024 г. в Республике Бурятия состоялся **I Азиатский юридический форум** (далее — **АЮФ**), организаторами которого выступили Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (БГУ) и Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (ВСГУТУ) как ведущие юридические вузы региона.

АЮФ открыли две конференции — международная научно-практическая конференция «Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты» и международная молодежная научно-практическая конференция «Сравнительное правоведение в странах Азии – XV», прошедшая уже в юбилейный 15-й раз (подробнее о мероприятиях по ссылкам https://vk.com/wall2396823_6442; https://vk.com/wall2396823_6440; https://vk.com/wall3708104_1830).

Поскольку конференция в этом году прошла в рамках АЮФ, научное мероприятие было проведено на площадке вуза-партнера — ВСГУТУ. Этот новый интересный опыт организации мероприятия позволил в еще большей степени обеспечить взаимодействие и установление научных и образовательных контактов участников мероприятия.

Участие в молодежном форуме по компаративистике приняло более 130 человек из пяти стран (России, Китая, Кыргызстана, Монголии и Узбекистана) и 14 городов нашей страны — Воронежа, Иркутска, Казани, Красноярска, Москвы, Новосибирска, Омска, Орла, Санкт-Петербурга, Саратова, Тулы, Улан-Удэ, Уфы и Читы.

Соорганизаторами молодежной конференции традиционно выступили БГУ в лице лаборатории сравнительного правоведения, Верховный суд Республики Бурятия, региональное отделение Ассоциации юристов России в Республике Бурятия, Ассоциация сравнительного правоведения Китая, Институт сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая, Ассоциация юристов Монголии, Монгольский государственный университет, Союз криминалистов и криминологов.

Спонсором научного мероприятия, как и в прошлом году, выступила группа компаний «Титан» <https://megatitan.org/company/index.php>, за что организаторы выражают большую признательность.

Отдельно нужно отметить ежегодную поддержку молодежной конференции Союзом криминалистов и криминологов. Его президент, принявший участие в конференции, Николай Филиппович Бодров, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз МГЮА имени О. Е. Кутафина (г. Москва), лично вручил лучшим участникам памятные подарки. Небольшое интервью с Н. Ф. Бодровым можно посмотреть по ссылке: <https://vk.com/wall23968236558>.

Благодаря объединению творческих усилий БГУ и ВСГУТУ пленарное заседание было проведено в необычном формате. Оно стало общим для этих двух научных мероприятий. В рамках пленарного заседания была открыта работа АЮФ, прозвучали приветственные слова и заслушаны интересные доклады. Далее молодежная конференция продолжила работу по собственной программе.

В 2024 году произошло обновление секций, были скорректированы и уточнены их названия. Работа прошла по пяти большим направлениям:

Секция 1 «Сравнительное правоведение: национально-правовые системы стран Азии»;

Секция 2 «Конституционно-правовые и международно-правовые проблемы в странах Азии»;

Секция 3 «Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах Азии»;

Секция 4 «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения в Азии»;

Секция 5 «Трансформация моделей социально-экономического, экологического и инновационного развития азиатских стран в современных условиях». Эта секция впервые появилась в организационной структуре конференции.

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги научного форума, ведь конференция – это всегда еще и конкурс. Авторы лучших докладов по целому ряду номинаций получили дипломы, благодарственные письма, а также ценные призы от правоохранительных и судебных органов Республики Бурятия.

Среди награжденных следует отметить:

Дипломом 1 степени Пленарного заседания награжден Трощинский Павел Владимирович (руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), кандидат юридических наук, Россия, г. Москва).

Благодарственным письмом Генерального консула Монголии награжден Гаврилов Борис Яковлевич (профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, генерал-майор юстиции (в отставке), Россия, г. Москва).

НАУЧНАЯ СЕКЦИЯ I СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ

Дипломом 1 степени награждена Жалбагаева Арина Баировна (студентка колледжа БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Дипломом 2 степени награждена Казазаева Диана Валерьевна (студент 1-го курса БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Дипломом 3 степени награжден Тарасенко Данил Андреевич (студент БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Генерального консула Монголии награждена Попова Ирина Евгеньевна (студентка 1-го курса БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Народного Хурала РБ награжден Ли Ваньли (магистрант 1-го курса Забайкальского государственного университета, г. Чита).

Благодарственным письмом Адвокатской палаты награждена Аюшеева Чимита Булатовна (студентка колледжа БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Нотариальной палаты Республики Бурятия награждена Якимова Адисса Олеговна (студентка колледжа БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Управления по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия награждена Тирская Вера Андреевна (студентка колледжа БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Управления по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия награждена Хамаева Дарима Тумэновна, Султумова Чимита Эрдэниевна (студентки колледжа БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Прокуратуры Республики Бурятия награждена Пушкарёва Маргарита Викторовна (студент Колледжа БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

НАУЧНАЯ СЕКЦИЯ II КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СТРАНАХ АЗИИ

Дипломом 1 степени награждена Томсина Дарья Сергеевна (студентка 1-го курса Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург).

Дипломом 2 степени награжден Крылов Владислав Юрьевич (студент 1-го курса Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург).

Дипломом 3 степени награжден Осеев Никита Александрович (студент БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Народного Хурала Республики Бурятия награждена Бянкина Кристина Михайловна (юрисконсульт, Чита).

Благодарственным письмом Прокуратуры РБ награжден Денисов Сергей Юрьевич (УрГЮА).

Благодарственным письмом Верховного Суда Республики Бурятия награжден Харанутов Андрей Александрович (БГУ).

НАУЧНАЯ СЕКЦИЯ III ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ

Диплом 1 степени награжден Балдаев Дмитрий Иванович (студент 3-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Дипломом 2 степени награждена Борисова Лика Павловна, Климова Алина Александровна (студентки 2-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Диплом 3 степени награждена Михалёшкина Софья Александровна (студентка Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Нотариальной палаты награждена Серебренникова Виктория Борисовна (студент 4-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Народного Хурала РБ награждена Корнакова Светлана Александровна (студентка 4-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Верховного Суда РБ награждена Щепина Анастасия Юрьевна (студентка Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Прокуратуры РБ награждена Иванова Должид Эрдэмовна (магистрант 1-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

НАУЧНАЯ СЕКЦИЯ IV УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В АЗИИ

Дипломом 1 степени награжден Тарасенко Данил Андреевич (студент БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Дипломом 2 степени награждены Восковская Дарья Сергеевна, Лаптырева Алина Николаевна (студентки 3-го курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов).

Дипломом 3 степени награждена Тарчимаева Эржена Владимировна (магистрант 2-го курса ВСГУТУ, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Генерального консула Монголии награждена Попова Ирина Евгеньевна (студентка 1-го курса БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Адвокатской палаты награждена Сафина Анжелика Васильевна (магистрант 1-го курса БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом МВД по Республике Бурятия награжден Глухов Виталий Геннадьевич (адъюнкт 1-го курса Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск).

Благодарственным письмом МВД по Республике Бурятия награждены Восковская Дарья Сергеевна, Лаптырева Алина Николаевна (студентки 3-го курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов).

Благодарственным письмом МВД по Республике Бурятия награждена Нуртдинова Баярма Вячеславовна (аспирант 2-го курса БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Бурятия награжден Осипов Григорий Павлович (аспирант 1-го года обучения, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск).

Благодарственным письмом Следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Бурятия награждена Тарчимаева Эржена Владимировна (магистрант 2-го курса ВСГУТУ, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Бурятия награжден Вашагин Вадим Алексеевич (студент 3-го курса БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом УФСИН по Республике Бурятия награждены Дианова Дарья Витальевна, Русанова Вероника Александровна (студентки колледжа БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом УФСИН по Республике Бурятия награжден Шварц Глеб Константинович (студент 1-го курса Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург), Тарасенко Данил Андреевич (студент 2-го курса БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Верховного суда Республики Бурятия награждена Пархоменко Светлана Валерьевна (доктор юридических наук, профессор Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия, г. Иркутск).

Благодарственным письмом УФМС РФ по Республике Бурятия награждена Какешова Карина Бакытовна (абитуриент, г. Бишкек, Кыргызстан).

Благодарственным письмом Адвокатской палаты награждена Гомбожапова Наталья Будажаповна, Галданова Нарана Артуровна (студентки колледжа БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

НАУЧНАЯ СЕКЦИЯ V

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКИХ СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Дипломом 1 степени награжден Усов Алексей Юрьевич (доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, к.ю.н, г. Иркутск).

Дипломом 2 степени награждена Поломошнова Елена Александровна (магистрант 2-го курса БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Дипломом 3 степени награжден Ванчиков Арсений Сергеевич (студент БГУ им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Благодарственным письмом Нотариальной палаты Республики Бурятия награжден Усов Алексей Юрьевич (доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, к.ю.н, г. Иркутск).

Ценные подарки от Союза криминалистов и криминологов РФ получили:

Какешова Карина Бакытовна (абитуриент, г. Бишкек, Кыргызстан).

Глухов Виталий Геннадьевич (адъюнкт 1-го курса Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск).

Вашагин Вадим Алексеевич (студент 3-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Попова Ирина Евгеньевна (студентка 1-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Сафина Анжелика Васильевна (магистрант 1-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ).

Организаторы молодежного форума и всего АЮФ надеются, что научное мероприятие еще не раз сможет в теплой и дружеской атмосфере объединить усилия и интеллектуальный потенциал всех, кому интересны проблемы и перспективы развития стран Азии и компаративистики, внесет свой вклад в формирование многостороннего «азиатского» диалога. В настоящее время особенно актуально взаимодействие именно на «азиатском» направлении при колоссальном «развороте» на Восток не только России, но и многих зарубежных государств, что требует укрепления партнерских отношений по всем ключевым направлениям для государств.

Представленные авторами на молодежном международном форуме лучшие научные статьи и тезисы материалов традиционно вошли в сборник, подготовленный по итогам работы конференции.

Материалы, вошедшие в сборник по итогам работы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции «Сравнительное правоведение в странах Азии - XV» (в рамках I Азиатского юридического форума) могут быть полезны преподавателям, аспирантам и магистрантам, студентам, и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами стран Азии.

Организаторы конференции традиционно выражают особую признательность и благодарность деловым партнерам Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова в организации и проведении международного форума: Верховному суду Республики Бурятия, Региональному отделению общероссийской организации «Ассоциация юристов России» в Республике Бурятия, Ассоциации юристов Монголии, Монгольскому государственному университету, Институту сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая, Ассоциации сравнительного правоведения Китая, Союзу криминалистов и криминологов и лично Николаю Филипповичу Бодрову за активное участие и поддержку научного мероприятия!

Очередной выпуск научного издания по итогам работы конференции сможет порадовать всех любителей компаративистики. Оргкомитет выражает признательность всем, кто принимал участие в подготовке, организации и проведении международного молодежного форума!

Благодарим всех, уважаемые друзья и коллеги, за активное участие, помощь, содействие в организации и подготовке конференции!

В 2024 году начнется подготовка уже к конференции 2025 года! Будем рады видеть друзей и единомышленников на нашей научной площадке в гостеприимной и солнечной Бурятии! До новых встреч!

*Заведующий лабораторией сравнительного правоведения
Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР
Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова,
заслуженный юрист Республики Бурятия,
доктор юридических наук, профессор
Ю. П. Гармаев*

I. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ

I. COMPARATIVE LAW: NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF ASIAN COUNTRIES

УДК 343.16(517.3)

История становления и развития прокуратуры в Монголии*

© И. Е. Попова*

студентка 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
popovairinushka2005@yandex.ru

Автор на основе изучения различного рода источников, описывает историю становления прокуратуры в Монголии. Внимание уделяется основным характеристикам современной регламентации деятельности прокурора. Резюмируется схожесть полномочий прокурора в Монголии и России. Отмечается определенные различия законодательства в рассматриваемой сфере обеих стран.

Ключевые слова: Монголия, уголовно-процессуальное законодательство, прокурор, надзорная деятельность, сравнительное правоведение.

© I. E. Popova

1st year student,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
popovairinushka2005@yandex.ru

The author, based on the study of various sources, describes the history of the formation of the prosecutor's office in Mongolia. Attention is paid to the main characteristics of the modern regulation of the prosecutor's activities. The similarity of the prosecutor's powers in Mongolia and Russia is summarized. Certain differences in the legislation in this area of both countries are noted.

Key words: Mongolia, criminal procedure legislation, prosecutor, supervisory activities, comparative law.

Впервые решение о создании прокуратуры в Монголии было принято на Национальном собрании в 1930 году. Именно в то время было издано постановление Президиума Национального собрания, в котором были утверждены «Правила привилегий и обязанностей исполнительной власти, которым должны следовать прокуроры». Первым прокурором был назначен Л. Дендев.

На Прокуратуру того времени были возложено следующее:

- контрольно-надзорные функции за неотступным следованием революционному законодательству молодого советского Монгольского государства. Такие функции могли быть реализованы в отношении министерств, торговых и промышленных организации, учреждений и предприятий, а также граждан;

- производство дознания и расследования по уголовным делам, контроль в отношении деятельности сотрудников правоохранительных органов и возможность осуществления руководства за их деятельностью;

- прокурорский контроль и прокурорский надзор в отношении сотрудников Государственного департамента внутренней безопасности и подчиненными ему (департаменту) организациями;

- надзорная функция в отношении судебной деятельности как по уголовным, так и по другим категориям дел. При этом прокурор был наделен полномочиями защищать государственные общественные интересы;

* Доклад отмечен Благодарственным письмом Генерального консула Монголии, 27 июня 2024 г.

* Награждена Ценным подарком от Союза криминалистов и криминологов РФ, 27 июня 2024 г.

- прокурорский контроль и прокурорский надзор за своевременным и верным исполнением судебных решений (приговоров и иных) и за отбыванием наказания преступниками осужденными к тюремному заключению, принудительным работам и другому наказанию;

- организация борьбы с преступностью;
- участие в разработке законов;

На 4-м заседании Военно-морского флота в 1939 году прокуратура была отделена от подчиненных ей судов и учреждена независимо.

В 1940 году в Монголии была принята новая Конституция, которая впервые официально закрепляла статус прокуратуры (глава 7) следующим образом: Государственный прокурор должен осуществлять надзор за всеми органами исполнительной власти (министерства, различные ведомства центрального и местного уровня), а также подчиненными и должностными лицами. Также новая Конституция Монгольского государства включала в себя еще и принципиально важное положение, согласно которому никто (органы государственной власти, должностные лица, граждане и др.) не вправе вмешиваться в деятельность прокуратуры. А прокуроры, исполняя свои профессиональные обязанности, вправе самостоятельно принимать необходимые решения при реализации возложенных на них задач и должны подчиняться исключительно вышестоящему прокурорскому работнику.

В период Второй мировой войны, прокуратура отвечала и за базовую военную подготовку населения, контролировала ход мобилизации ресурсов для помощи советскому народу и красной армии СССР.

С 1930 по 1976 год судебное преследование регулировалось специально разработанными Правилами.

Только в первоначальном уставе 1930 года говорилось, что «все министерства будут находиться под государственным контролем за тем, как учреждения и граждане соблюдают закон, и если они нарушат его, они будут привлечены к ответственности». В 1976 году был принят Закон «О прокурорском контроле». Законом было установлено, что «прокурор осуществляет высший контроль за исполнением законов правительством и всеми иными организациями, и лицами в сферах, которые поднадзорны прокуратуре.

Были определены 4 направления прокурорского контроля:

1. Осуществление общей надзорной деятельности за монгольским законодательством.
2. Прокурорский надзор за производством расследования преступных посягательств, за охраной правопорядка, защитой от различного рода социальных угроз, а также надзорная деятельность за военными, включая пограничную службу. Кроме того прокуратура имела право самостоятельно расследовать преступления и/ или осуществлять руководство деятельностью сотрудников правоохранительных органов, занимающихся расследованием.
3. Судебный контроль. Соответствующие полномочия предполагали возможность защиты прав и законных интересов лиц и организаций в гражданском и уголовном процессе.
4. Особый контроль за исправительными учреждениями.

Конституция Монголии 1992¹ года установила следующие принципиально важные положения. Во-первых, прокурор наделялся полномочиями по надзору за регистрацией противоправных посягательств и расследованием уголовных дел. Во-вторых, принимать участие в судебных заседаниях (во всех инстанциях), в том числе поддерживая обвинение. В-третьих, на работников прокуратуры возлагались функции по надзору за отбыванием наказания» (ч. 1 ст. 56). В-четвертых, Конституцией была закреплено, что структура, порядок организации и правовые основы деятельности органов монгольской прокуратуры должны обязательно определяются на уровне отдельного закона. Последнее положение, безусловно, повлекло необходимость внесения изменений в закон «О прокуратуре». Такие изменения вносились не разом, а с определенной периодичностью вплоть до 2017 года.

В итоге было установлено, что прокуратура это «независимый судебный орган, уполномоченный обеспечивать соблюдение уголовного законодательства на территории Монголии, регистрировать дела, осуществлять надзор за расследованиями и судебным преследованием, а также участвовать в судебных процессах от имени государства» (ст. 42).

В настоящее время прокуратура Монголии осуществляет свою деятельность на основе следующих принципов:

- Репрессивности;

¹Конституция Монголии. Принята 13 января 1992 г. URL: <https://faolex.fao.org/docs/texts/mon127760R.doc> (дата обращения: 29.08.2024).

- Строгого следования закону для защиты прав, свобод человека и общественных интересов;
- Централизованного управления; Независимости;
- Прозрачности и открытости.

Ключевые права в сфере уголовного судопроизводства перечислены ст. 4.1 Уголовно-процессуального кодекса Монголии. Так законом закреплено, что прокурор обязан надзирать за регистрацией сообщений о преступлениях и их расследованием, принимать участие в судебном разбирательстве по уголовным делам, в том числе поддерживая государственное обвинение. В ходе досудебного и судебного производства по уголовным делам на прокурора возложены следующие обязанности (обозначим их сгруппировав по смыслу):

- осуществлять контрольно-надзорную деятельность за соблюдением действующего законодательства Монголии в части: получения, регистрации, а также проверки информации (сообщения) о противоправной деятельности; продления сроков, определенных для регистрации преступления и его расследования, а также решения вопроса о направлении уголовного дела по подследственности; отказа в возбуждении уголовных дел, приостановлении, возобновлении, прекращении, восстановлении, объединении и выделении в отдельное производство материалов уголовного дела;

- обеспечение безопасности свидетелей и потерпевших, предотвращение причинения вреда участникам в нарушение закона;

- внесение изменений в постановления об уголовном преследовании, его отмене;

- если личность преступника известна, начать расследование с дальнейшим направлением уголовного дела в Следственный орган;

- инициирование и участие в избрании меры пресечения, ее отмене, продлении, изменении;

- участвовать в расследовании (в том числе самостоятельно проводить расследование преступных посягательств), осуществлять контрольно-надзорную деятельность за деятельностью следователя (детектива), возвращать дело следователю (детективу) для дальнейшего дополнительного расследования, а также производить прокурорские проверки за ходом расследования, давать поручения следователю (детективу) об устранении выявленных нарушений;

- рассматривать жалобы, поступившие от различного рода заявителей на действия / бездействие детективов (следователей), иных должностных лиц, принимавших участие в производстве по уголовным делам, принимать процессуальные решения по таким жалобам;

- вызывать и допрашивать непрофессиональных участников уголовного судопроизводства (в частности, свидетеля, потерпевшего (пострадавшего), гражданского истца и гражданского ответчика, эксперта);

- при наличии к тому оснований инициировать представление суду предложений о передаче уголовных дел в суд или ходатайствовать об упрощенном порядке рассмотрения уголовных дел в соответствии уголовно-процессуальным законодательством;

- обжаловать в соответствии с законом работу адвоката, участвующего в производстве по конкретному уголовному делу;

- получать информацию и документы, которые могут понадобиться для анализа и исследования доказательств по уголовным делам, знакомиться с такой информацией и документами по месту их нахождения, запрашивать и получать профессиональные заключения и проверки экспертов и специалистов, изучать досье в тех или иных архивах;

- и др. полномочия.

Таким образом, функции прокуратуры Монголии во многом схожи с российскими. Тем не менее, имеют и свою специфику.

Литература

1. Конституция Монголии. Принята 13 января 1992 г. URL: <https://faolex.fao.org/docs/texts/mon127760R.doc> (дата обращения: 15.06.2024).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии. URL: <https://legalinfo.mn/mn> (дата обращения: 15.06.2024).

3. Попова Е. И. Поддержание государственного обвинения в особом порядке судебного разбирательства / Е. И. Попова; Российский государственный университет правосудия. Москва: Юрлитинформ, 2020. 176 с.

4. Тумуртоого Т. Правовой статус прокурора в досудебном производстве Монголии // Преемственность и новации в юридической науке: материалы всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей (Омск, 21 мая 2019 г.). Омск: Изд-во Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 102–104.

5. Цэрэнбалтав Ц. Прокурорский надзор. Улан-Батор, 2013. С. 174.

II. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СТРАНАХ АЗИИ

II. CONSTITUTIONAL-LEGAL AND INTERNATIONAL-LEGAL PROBLEMS IN ASIAN COUNTRIES

УДК 342(5)

Модели конституционного судебного контроля в Азии (на примере отдельных органов конституционного контроля в странах Восточной и Юго-Восточной Азии)¹

© А. В. Антонов

преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета,
Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, г. Санкт-Петербург
alexeyantonov@mail.ru

Статья посвящена анализу моделей конституционной юстиции в Восточной и Юго-Восточной Азии. Автор дает описание существующих в регионе моделей. Приводится описание полномочий органов конституционного судебного контроля. В заключении делается вывод, что не так важна конкретная модель конституционного контроля. Главное, чтобы она соответствовала национальной правовой традиции и способствовала обеспечению верховенства и прямого действия Конституции, защите прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: конституционализм в Азии; конституционные суды Азии; Юго-Восточная Азия; сравнительное конституционное право.

Models of Constitutional Judicial Control in Asia (on the example of constitutional control bodies in the countries of East and Southeast Asia)

© A. V. Antonov

lecturer at the department of constitutional law, the Faculty of Law,
St. Petersburg State University
Russia, St. Petersburg
alexeyantonov@mail.ru

The article is devoted to the analysis of models of constitutional justice in the region of East and Southeast Asia. The author gives a description of the models existing in the region. The author describes the powers of the constitutional judicial control bodies. In conclusion, it is concluded that a specific model of constitutional control is not so important for the state. The main thing that it conforms to the national legal tradition and contributes to ensuring the supremacy and direct operation of the Constitution, the protection of human and civil rights and freedoms.

Key words: constitutionalism in Asia; constitutional courts of Asia; East and Southeast Asia; Asia-Pacific Region; comparative constitutional law.

*«Пусть расцветают сто цветов,
пусть соперничают сто школ».
Председатель ЦК КПК
товарищ Мао Цзэдун*

Традиционно специалисты, занимающиеся сравнительно-правовыми исследованиями в области судебного конституционного контроля, в качестве объектов исследования избирают европейские органы конституционного правосудия. Это естественно, поскольку опыт стабильных демократий сформировал основу и послужил источником вдохновения для многих новых государств, стремящихся

¹Статья посвящается 300-летию юбилею Санкт-Петербургского государственного университета.

создать сходные формы конституционного правления. Библиография по данному вопросу включает десятки источников, им были посвящены как статьи, диссертации, так и специализированные монографии [17, 13].

В тоже время деятельность конституционной юстиции стран Восточной и Юго-Восточной Азии (далее В и ЮВА) – Конституционных судов Таиланда и Индонезии, ВС Японии и Филиппин, КС Тайваня, Конституционного совета Камбоджи, и других органов стран Восточной и Юго-Восточной Азии не получила широкого освещения. Можно указать на статьи Н. В. Даниловой [10], Ю. М. Опалева, Е. Л. Львовой [18], но большинство работ написаны более 10 лет назад.

Однако с недавнего времени внимание исследователей все больше привлекает развитие конституционных институтов в странах так называемой «третьей волны демократии» [1, с. 26].

В настоящее время возрастает значение стран ЮВА как партнеров России и, следовательно, необходимость в изучении их политической и правовой систем.

Азия в широком смысле простирается от Турции и стран арабского Востока до Индонезии. Таким образом, можно представить себе дугу, которая протянулась от Африки до Тихого океана и пролегает по странам региона Центральной Азии, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Принимая во внимание количество и качество преобразований последнего времени – 2020/2024 годы и, в том числе, происходящих в азиатском регионе конституционные реформы, реформирование органов конституционного контроля, на наш взгляд, происходит новый цикл конституционного обновления. В этом ряду изменения и конституционные реформы в странах Центральной Азии в 2020/2024, а также ряде стран В и ЮВА. Например – недавние конституционные реформы в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, которые затронули и деятельность органов конституционной юстиции и привели к изменению моделей конституционной юстиции в данных странах. В этом ряду и реформа КС Тайваня, который в соответствии с новым законом получил право рассматривать конституционные жалобы [2, с. 24–32].

Страны региона В и ЮВА ранее являлись частью европейских колониальных империй, после Второй мировой войны провозгласивших или получивших независимость.

После обретения независимости большинство из них прошли через период авторитарного правления, военных переворотов. Многие страны пребывают в процессе конституционного самоопределения в попытках отыскать свой собственный путь в условиях правовой глобализации.

Становление конституционализма в государствах Азии проходило под влиянием различных правовых систем, как правило, заимствованных у бывших метрополий.

В статье будут рассмотрены некоторые тенденции, которые можно выявить при анализе органов конституционной юстиции региона.

Модели конституционного контроля

В литературе посвященной конституционной юстиции, с точки зрения организации судебного конституционного контроля выделяют следующие модели [3, с. 22–68]: «австрийская/континентальная» модель¹, «американская» модель, «французская» модель. Некоторые авторы [16, с. 25; 11], более детально выделяют дополнительные подвиды.

Говоря о модели (моделях), мы должны дать определение этого явления. Под **«моделью конституционной юстиции»** мы имеем в виду сложившуюся на территории отдельной страны или региона систему органов конституционного правосудия.

В юридической литературе сложился определенный консенсус, что конституционный контроль является одним из элементов механизма защиты конституции, который представляет собой систему правовых институтов и процедур, обеспечивающих ее действие и соблюдение [4, с. 11].

Конституционный контроль понимается в широком и узком смысле.

В узком смысле конституционный контроль – судебный конституционный контроль, осуществляемый, в зависимости от принятой модели, судами общей юрисдикции и конституционными судами.

О термине «азиатская модель»

Когда мы говорим об «азиатской модели» конституционного контроля, то мы не имеем в виду стандартное единообразие, «идеальную модель».

Азия – очень неоднородна. Это огромная территория, на которой расположены страны, имеющие различные правовые традиции. Поэтому модель обусловлена историческими, политическими и ины-

¹ Иногда говорят об «кельзеновской», европейской модели.

ми факторами, причем она обладает определенными сходными признаками, достаточными и позволяющими утверждать о ее обособлении.

В теории и практике пока отсутствуют единые представления о наборе полномочий специализированного конституционного контроля и о его объектах.

Трудность заключается в том, что органы конституционного контроля различных стран даже в рамках одной модели наделены широким кругом самых разных полномочий, не все из которых совпадают.

Когда мы говорим о модели, то, можно сравнивать по разным критериям, но принимая во внимание ограниченность формата статьи, будет проведено сравнение органов конституционного контроля объема полномочий (компетенции) органов конституционного контроля.

К 2023 году из 16 стран В и Ю-В А большинство, кроме Брунея, Вьетнама и Лаоса, приняли ту или иную форму конституционного контроля. В Азии приняты две основные модели конституционного судебного надзора: одна централизованная, путем создания конституционного суда, и другая децентрализованная, с судебным надзором, распространяющимся на все уровни судебной системы.

Например, из 17 стран – членов, представленных в Азиатской ассоциации конституционных судов и эквивалентных органов, 13 являются конституционными судами, осуществляющих централизованный контроль и только в 4 странах имеется децентрализованный контроль [5].

Напомним, что «австрийская-германская» модель конституционного контроля в своей основе имеет идеи Ганса Кельзена (1920 г.), которая опирается на взаимосвязь принципа верховенства конституции и иерархии правовых норм [6, с. 85–103]. В Юго-Восточной Азии – это Таиланд, Южная Корея, Мьянма, Индонезия.

Американская модель, основана на идее верховенства Конституции, основанном на прецеденте, положившем начало развитию конституционного контроля в США, решение Верховного суда США [7, с. 77–78] по делу «Мэрбери против Мэдисона» 1803 года.

«Американская» модель представлена Верховным судом Японии и Верховным судом Филиппин. Кроме того, к данной модели, с определенными оговорками, можно отнести ВС Сингапура¹ и ВС Малайзии.

В Азии остался один представитель, условно относимый к «французской» модели – Конституционный совет Камбоджи.

Конституционно правовой статус органов контроля в странах Юго-Восточной Азии

Если обратиться к Конституциям, то схематично можно отметить как сходства, так и различия, а также выделить определенные черты.

Можно сделать вывод, что, как правило, специализированный орган конституционного контроля, не относится к судебной власти; следовательно, он находится вне судебной иерархии, которая включает только Верховный суд, систему апелляционных судов и суды первой инстанции. В Японии и на Филиппинах органы, наделенные полномочиями конституционного контроля – Верховные суды. В соответствии с Конституцией своих стран они возглавляют судебную систему² [8, с. 26–32].

С точки зрения проверки конституционности, существующие в регионе конституционные суды и Совет, является скорее внутренним регулятором «взаимодействия властей», а не настоящим судом. Они осуществляют контроль, который ограничивается проблемами и вопросами конституционности. Другие аспекты контроля законности относятся к компетенции судов судебной иерархии.

Таким образом, во всех странах региона органы конституционного судебного контроля относятся к высшим органам власти, чей статус закреплен в Конституции государства. Они обладают авто-

¹Конституционный контроль в Сингапуре осуществляет Верховный суд (статья 100 Конституции и - в части толкования норм конституции) и Высокий суд, который в соответствии со статьей 56А Закона о нижестоящих судах, (Subordinate Courts Act). Subordinate Courts Act. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act-Rev/SCA1970/Published/20070731?DocDate=19990801> (дата обращения: 01.06.2024); Также подробнее: Ромазанов А. А. Организационно-правовой аспект судебной системы Республики Сингапур // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 2. С. 224–229.

²Конституция Республики Филиппины от 2 февраля 1987 года. Перевод на русский язык: Конституции государств Азии. Т. 3. Дальний Восток. Москва: НОРМА, 2010. Статья VIII «Судебная власть» С. 940–944; Антонов А. В., Гриценко А. С. Верховный суд Японии как орган конституционного контроля: Общий обзор и анализ отдельных постановлений. Часть 1 // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 3. С. 26–32; Окончание Часть 2: Журнал конституционного правосудия. 2021. № 4. С. 24–29.

номией (в большинстве случаев), и являются представителями судебной власти, но не входят в систему судов.

Их основные полномочия закреплены в конституции и конституционном или органическом законе. Более детально в данных странах полномочия прописаны в соответствующих конституционных законах «О Конституционном суде» или как в Камбодже – в органическом законе «О Конституционном совете».

Сравнение полномочий:

Можно разделить полномочия органов судебного конституционного контроля на 5 групп:

1. Полномочия судов по рассмотрению дел о соответствии конституции законов и других нормативных актов органов государственной и региональной власти, а также международных договоров. Такими полномочиями обладают органы конституционного контроля: КС Индонезии, Республики Кореи (п. 1, ч. 1 ст. 111 Конституции, Таиланда (ст. 210 Конституции), Тайваня, КТ Мьянмы и КС Камбоджи (ст. 141 Конституции).

Список нормативно - правовых актов может варьироваться от страны. Сюда же можно включить и проекты законов о внесении изменений конституции. Большинство органов имеет полномочие проверки международных договоров, не вступивших в законную силу. КС Камбоджи имеет полномочия проверять регламенты Палат парламента (статья 140 Конституции королевства Камбоджи)¹.

2. Полномочия конституционных судов по рассмотрению споров о компетенции органов государственной власти. В ЮВА этими полномочиями обладают органы конституционного контроля Индонезии², Республики Кореи (п. 4 ст. 111 Конституции), Таиланда (п. 2 статьи 210 Конституции), Тайваня [9, с. 24-32].

Причем это могут быть споры как о компетенции между высшими органами власти, так и о компетенции между центральными и региональными органами.

3. Полномочия конституционных судов по рассмотрению дел о соответствии конституции нормативных актов по запросам судов. В Ю-ВА таким полномочиями наделены КС Кореи (п. 1 ст. 111 Конституции), КТ Мьянмы (ст. 323 Конституции), КС Таиланда (ст. 212 Конституции).

4. Полномочия конституционных судов по рассмотрению жалоб граждан на нарушения их конституционных прав и свобод. В ЮВА такими полномочиями обладают Таиланд,³ Индонезия, Корея⁴, Тайвань, КС Камбоджи (косвенный доступ).

5. Другие полномочия конституционных судов Азии.

5.1 Участие в импичменте или рассмотрение дела об отрешении от должности публичных должностных лиц (в том числе Президента, Премьер-министра, членов Кабинета Министров, судей Конституционного Суда, судей или членов Национальной избирательной комиссии) в связи с нарушением Конституции и законов.

Такими полномочиями обладают КС Республики Корея (п. 2 ст. 111 Конституции), КС Индонезии и КС Таиланда⁵, КС Тайваня (статья 68 Закона «О процедуре в Конституционном суде».

Дела о роспуске политических партий

Это полномочие свойственно большей части органам конституционного контроля ЮВА. Такими полномочиями закреплено у КС Индонезии, КС Республики Корея (п. 3 ст. 111 Конституции), КС Таиланда (ст. ст. 82, 170, п. 2 статьи 210)⁶, Совета высоких судей Тайваня (Китай) (статья 77 Закона «О процедуре в Конституционном суде»)⁷.

¹Конституция королевства Камбоджи. Указ. соч. С. 205.

²Конституция Республики Индонезия от 18 августа 1945 года. Указ. соч. Часть 1 статьи. 24с. С. 165.

³Статья 49 Закона «О Конституционном суде». The Organic Act on Procedures of the Constitutional Court from 27.02.2018. URL: [https://constitutionalcourt.or.th/occ_web/download/constitutionalcourt/lawrespon/statute/Organic%20Act%20on%20Procedures%20of%20CC\(2018\).pdf](https://constitutionalcourt.or.th/occ_web/download/constitutionalcourt/lawrespon/statute/Organic%20Act%20on%20Procedures%20of%20CC(2018).pdf) (дата обращения: 27.05.2024).

⁴Статья 68 Закона «О Конституционном суде». Constitutional Court Act. URL: <http://www.aaccsrd.org/en/dbLst.do#1> (дата обращения: 27.05.2024).

⁵Статья 82 Конституции «...лишение мандата члена Палаты представителя или Сената», статья 170 «Отрешение премьер министра или министра от должности».

⁶Когда цели или деятельность политической партии противоречат «фундаментальному демократическому порядку, Правительство может подать запрос в Конституционный суд для вынесения решения о том, следует ли распустить и запретить партию, что является полномочием Конституционного суда статьей 111(1), 3. Конституции.

⁷Статья 77 Закона «О процедуре в Конституционном суде». Constitutional Court Procedure Act. URL: <https://law.judicial.gov.tw/LAWENG//FLAW/dat02.aspx?lsid=FL000849> (дата обращения: 11.05.2024). См. подробнее: Антонов А. В., Некрасов П. Ю. Указ. соч. С. 24–32.

Отдельной особенностью можно выделить особенности КС Камбоджи, который использует «французскую» модель и, следуя «материнской» модели, имеет полномочия рассматривать избирательные споры (статья 136 Конституции).¹

Заключение

Анализ материалов показывает, что для модели судебного конституционного контроля в Азии характерно, как правило, наличие именно конституционного суда. В большинстве стран это специализированный орган, который осуществляет централизованный конституционный контроль.

Конституционный суд или Совет может иметь полномочия по абстрактному и конкретному контролю. Наряду с последующим контролем предусматривается и предварительный контроль. Решения данного органа имеют обязательную силу.

Основная цель – обеспечение верховенства и прямого действия Конституции, а также закрепленных в конституциях прав и свобод человека и гражданина и, в отдельных случаях, иных полномочий.

Само по себе введение этого института и укоренение его в правовой традиции представляет важный шаг в продвижении конституционализма в конкретной стране. Это возможность перевести политические споры с «улиц» в зал суда, снизить накал противостояния. Их наличие способствует и развитию идеи конституционализма, идеи правового государства, формированию группы юристов, праведов иных специалистов в области публичного права, специализирующихся на конституционном процессе. Все это способствует внедрению правовых форм разрешения правовых конфликтов и демократизации общественных отношений и развитию конституционного права.

Представляется, что неважно для государства, какая конкретно модель судебного конституционного контроля, была выбрана, главное — чтобы она максимально соответствовала национальной правовой традиции и реализации основной задачи: обеспечение верховенства и прямого действия Конституции, а также защите закрепленных в конституциях прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Сэмюэл Хантингтон; [пер. с англ. Л. Ю. Лапшиной]. Москва: РОССПЭН, 2003. 365 с.
2. Антонов А. В., Некрасов П. Ю. Совет великих судей Судебной палаты Тайваня (Китай) как орган конституционного контроля // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 2. С. 24–32.
3. Гриценко Е. В. Конституционный Суд России: осмысление опыта / Е. В. Гриценко. Москва: Центр конституционных исследований, 2022. Гл. 1. С. 22–68.
4. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция Российской Федерации: учебное пособие / В. А. Кряжков, Л. В. Лазарев. Москва, БЕК, 1998. 439 с.
5. Access to Justice: Constitutional Perspectives. AACC SRD Research reports Published by AACC SRD. Date of publication 20.12.2023. P.5. URL: <https://www.aaccsrd.org/en/pubsDtl.do> (дата обращения: 20.06.2024).
6. Танчев Е. Рождение и развитие конституционного контроля проблемы конституционного контроля в сравнительно-правовой перспективе и с позиций болгарской правовой системы // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1(86). С. 85–103.
7. Конституционный контроль в зарубежных странах: учебное пособие / отв. ред. В. В. Маклаков. Москва: Норма: Инфра-М, 2007. С. 77–78.
8. Антонов А. В., Гриценко А. С. Верховный суд Японии как орган конституционного контроля: Общий обзор и анализ отдельных постановлений. Часть 1 // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 3. С. 26–32; Окончание: Журнал конституционного правосудия. 2021. № 4. С. 24–29.
9. Антонов А. В., Некрасов П. Ю. Совет великих судей Судебной палаты Тайваня (Китай) как орган конституционного контроля // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 2. С. 24–32.
10. Данилова Н. В. Становление института конституционной юстиции в Камбодже // Закон и право. 2010. № 5. С. 82–85.
11. Клишас А. А. Основные концепции конституционного контроля и конституционного правосудия: политико-правовое основание // Вестник экономической безопасности. 2010. № 7. С. 82–92.
12. Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция Российской Федерации: учебное пособие / В. А. Кряжков, Л. В. Лазарев. Москва, БЕК, 1998. 439 с.

¹Конституция Королевства Камбоджи. Конституции государств Азии: в 3 томах / под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 3. Дальний Восток. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. С. 204.

13. Маклаков В. В. Конституционный контроль в странах-членах Европейского союза: справочник / В. В. Маклаков; Российская академия наук. Институт научной информации по общественным наукам. Москва: ИНИОН, 1995. 64 с.

14. Ромазанов А. А. Организационно-правовой аспект судебной системы Республики Сингапур // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 2. С. 224–229.

15. Конституции государств Азии: в 3 томах / под ред. Т. Я. Хабриевой. Т. 3: Дальний Восток. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. 1040 с.

16. Chen A. H. Y., Harding A. (ed.). Constitutional Courts in Asia: A Comparative Perspective. Cambridge University Press, 2018. P. 25.

17. Боботов С. В. Конституционная юстиция: сравнительный анализ / С. В. Боботов; Российская правовая академия Министерства юстиции РФ. Москва: Изд-во РПА МЮ РФ, 1994. 127 с.

18. Львова Е. Л. Контрольные полномочия Верховного суда Японии и его место в системе центральных органов государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 57–64.

УДК 341.48 (470:510)

**Международное сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики
в борьбе с транснациональной организованной преступностью:
основные направления, проблемы и пути их преодоления**

© Ш. И. Шарифходжаев
аспирант кафедры криминалистики,
Саратовская государственная юридическая академия
Россия, г. Саратов
sharif. sharif.sharif12@mail.ru

В данной статье освещены основные направления международного сотрудничества России с Китаем в борьбе с транснациональными организованными преступлениями. Выделены наиболее часто встречающиеся проблемы, которые могут возникнуть в ходе сотрудничества, такие как политические изменения, коммуникационные проблемы и т. п. Предложены пути их преодоления, например, борьба с коррупцией, создание платформы для обмена опытом в области расследования подобных преступлений. Автором описана опасность и влияние указанных преступлений на безопасность государств, подчеркивая, что такие преступления не только наносят ущерб мировой экономике, но и подрывают основы безопасности стран.

Ключевые слова: международное сотрудничество, транснациональная преступность, транснациональная организованная преступность, борьба, проблемы и пути их преодоления, Россия, Китай.

**International cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China
in the fight against transnational organized crime: main directions, problems and ways to overcome them**

Sh. I. Sharifkhodzhaev
Postgraduate student of the Department of Criminalistics,
Saratov State Law Academy
Russia, Saratov
sharif. sharif.sharif12@mail.ru

This article highlights the main areas of international cooperation between Russia and China in the fight against transnational organized crimes. The most common problems that may arise during cooperation are highlighted, such as political changes, communication problems, etc. Ways to overcome them are proposed, for example, the fight against corruption, the creation of a platform for the exchange of experience in the investigation of such crimes. The author describes the danger and impact of these crimes on the security of states, emphasizing that such crimes not only damage the global economy, but also undermine the foundations of the security of countries.

Key words: international cooperation, transnational crime, transnational organized crime, struggle, problems and ways to overcome them, Russia, China.

Транснациональная преступность, имеющая древние корни, сохраняет свою актуальность и в наши дни. Данный термин был официально утвержден на V Конгрессе ООН в 1975 году, когда исполнительный секретарь использовал его для обозначения преступлений, выходящих за пределы национальных границ [1, с. 14]. Однако отметим, что понятие «транснациональный» впервые было предложено Филиппом Джессапом в 1956 году, который предложил включить его в правовые нормы, регулирующие международные действия или события, выходящие за рамки государственных границ [2].

Транснациональные преступления представляют серьезную опасность для мирового сообщества: у них нет границ, дестабилизируют государства, оказывают значительное влияние на мировую экономику и жизнь людей по всему миру. С развитием и появлением новых информационно-телекоммуникационных технологий данные категории преступлений претерпели изменения, породив новые виды, например киберпреступления. Для борьбы и противодействия с данными преступлениями чрезвычайно важно установление международного сотрудничества с различными странами.

Однако, несмотря на глобальные угрозы, исходящие от транснациональных преступлений, некоторые страны, руководствуясь политическими соображениями, отказываются в сотрудничестве с РФ в рамках экстрадиции и взаимной правовой помощи по уголовным делам [3]. Тем не менее, несмотря на отказ в сотрудничестве со стороны некоторых международных организаций Россия тесно сотрудничает со многими странами. Ярким примером можно назвать сотрудничество Российской Федера-

ции с Китайской Народной Республикой, между которыми подписано несколько международных договоров и соглашений: Соглашение о сотрудничестве между МВД РФ и МОБ КНР (1992 г.); Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (1993 г.); Договор о выдаче (1996 г.); Договор о передаче осужденных (2006 г.); Договор между Российской Федерацией и Специальным административным районом Гонконг Китайской Народной Республики о взаимной правовой помощи по уголовным делам (2022 г.). О необходимости усиления сотрудничества отметил и министр общественной безопасности (МОБ) КНР Ван Сяозун в ходе встречи в Пекине с главой МВД Владимиром Колокольцевым. Китайский министр выразил готовность Китая совместно с Россией содействовать в обеспечении глобальной безопасности и стабильности, а также усилить сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью [4].

Отметим, что акцентированное внимание на усиленное сотрудничество КНР с РФ в борьбе с транснациональными преступлениями не является случайным. Дело в том, что существует китайская транснациональная преступная организация, так называемая «триада», которая является одной из могущественных и влиятельных преступных организаций не только в КНР, но и во всем мире. Известно, что в РФ, особенно на Дальнем Востоке, активно существуют и функционируют такие китайские триады, как RedSun, BigCircle, «14K», «SunYeeOn» [5, с. 540]. В основном деятельность указанных преступных организаций заключается в контрабанде наркотических веществ, торговле людьми (как правило, женщин в сексуальное рабство), организации незаконной миграции, незаконном обороте лесных ресурсов, металлов, камней и т.п. Как верно отметил Д. С. Хижняк, опасность подобных преступлений заключается в том, что они, распространяясь на определенные регионы мира, оказывают существенное воздействие на их экономику, вызывая рост безработицы и вовлекая других лиц в криминальную деятельность [6, с. 131].

Следует подчеркнуть, что китайские триады могут развивать некий симбиоз с российскими преступными группировками. Такое сотрудничество создает потенциальную опасность, так как с их помощью триада может совершать преступления, оставаясь незамеченной. Это ведет к усилению и расширению преступной деятельности на территории РФ. Так, появляются новые каналы сбыта алкоголя, наркотических и других запрещенных веществ, контрабанда ценных ресурсов, таких как древесина и полезные ископаемые. Так, сформированная в 2008 году трансграничная преступная группа состояла из граждан России и Китая и осуществляла свою деятельность на территории Хабаровского края. Их деятельность была связана с контрабандой ценных пород древесины на территорию КНР. Согласно оперативным данным, объем нелегально вырубленной и экспортированной в Китай древесины за три года превысил 100 миллионов рублей [7].

В последнее время мы можем наблюдать тесное сотрудничество РФ и КНР в противодействии транснациональной преступности. Так, Россия и Китай активно продолжают сотрудничать между собой в рамках борьбы с разными видами транснациональных преступлений, так используя Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) КНР и РФ могут эффективно содействовать региональной борьбе с торговлей наркотическими веществами. Заместитель главы Государственного комитета по борьбе с наркотиками КНР Цзэн Вэйсюн отметил, что совместное использование РФ и КНР ШОС позволит им объединять усилия в борьбе с наркотическими веществами [8]. 6 июня 2021 года председатель политической партии «Единая Россия» Дмитрий Медведев принял участие в онлайн-конференции, организованной Коммунистической партией Китая. В своем выступлении Медведев подчеркнул важность расширения сотрудничества между Россией и Китаем в области информационной безопасности и борьбы с киберпреступностью, особенно в условиях всеобщей цифровизации, охватывающей все аспекты современной жизни [9].

Вместе с тем существуют определенные угрозы и вызовы, с которыми могут столкнуться обе страны. Во-первых, коррупция. Данная проблема не является новой. Транснациональные преступные организации, например китайская триада, являясь влиятельной, законспирированной и могущественной преступной организацией, обладает значительными ресурсами и связями и часто в целях противодействия расследования они могут подкупать правоохранительных органов или угрожать им. Также коррупция может подорвать доверительные отношения между странами и ослабить усилия по борьбе с указанными преступлениями.

Во-вторых, политические изменения. На примере нами были указаны прекращение сотрудничества в расследовании преступлений из-за различий в политических взглядах. Это негативно сказывается на борьбе с преступностью, так как преступления укorenяются и становятся более влиятельными.

ми, открывая возможности для манипуляции политическими инструментами с целью усиления своего положения в стране и на мировом сообществе.

В-третьих, для международного сотрудничества могут потребоваться дополнительные финансовые ресурсы и организационные мероприятия.

В-четвертых, различия в правовых системах и законодательствах могут затруднить совместные усилия, направленные на расследования транснациональных преступлений и обмен информацией.

В-пятых, коммуникационный барьер, который может стать препятствием для сотрудников правоохранительных органов в ходе расследования преступлений.

Для преодоления указанных проблем необходимо усилить международные механизмы контроля, надзора и борьбы с коррупцией, что в свою очередь, может привести к укреплению доверительных отношений между правоохранительными органами данных стран. Во время официального визита в КНР в период от 20-24 февраля 2019 года глава комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции В. И. Пискарев отметил, что Россия очень заинтересована в опыте Китая по борьбе с коррупцией и кибертерроризмом. Также он подчеркнул важность выявления и пресечения транснациональных преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет» и заявил о необходимости расширения сотрудничества между парламентариями двух стран [10].

Необходимым является обучение и культурный обмен между правоохранительными структурами данных стран, повышение квалификации и разработка стандартов для борьбы с транснациональными организованными преступлениями. Важным является и соблюдение международных договоров, соглашений и конвенций, независимо от политических изменений и конфликтов.

Согласимся с Сюй Кай, который среди факторов усиления сотрудничества выделил международное сотрудничество ученых обоих государств в области научного исследования транснациональной организованной преступности [5, с. 546]. Такое научное взаимодействие способствует решению актуальных проблем, возникающих в правоохранительной практике путем организации конференций, форумов, научных семинаров. Также может быть создана специализированная платформа для обмена опытом между учеными и специалистами. Данное сотрудничество в настоящее время активно развивается, так в 2023 году профессор Л. Г. Шапиро, заведующая кафедрой криминалистики «СГЮА», приняла участие в Международном криминалистическом форуме в КНР. Ее доклад был посвящен основным направлениям развития криминалистической науки и судебной экспертологии в эпоху цифровизации, обсуждалась необходимость обучения практикующих следователей и судебных экспертов работе с цифровыми технологиями в связи с цифровизацией преступлений [11].

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, несомненно, являются мощными и самодостаточными государствами. Их стремление к укреплению международного сотрудничества, проявляющееся не только в борьбе с преступностью, но и развитием других сфер жизнедеятельности, должно служить примером для других стран. Преступность, являясь негативным социальным явлением, требует объединенных усилий государств для ее искоренения вне зависимости от политических разногласий и конфликтов, только тогда мы можем получить существенный результат.

Литература

1. Док. A/CONF.203/15.11.53. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v05/825/80/pdf/v0582580.pdf?token=UvcFCe2f4bWbAdPUej&fe=true> (дата обращения: 20.06.2024).
2. Jessup Ph.C. Transnational Law. Yale University Press, 1956.
3. Резолюция CM/Res (2022)2 о прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы. URL: <https://rm.coe.int/0900001680a6b1ae> (дата обращения: 20.06.2024).
4. Встреча Министра внутренних дел РФ Владимира Колокольцева и Министра общественной безопасности КНР Ван Сяохуна. URL: <https://мвд.рф/news/item/44678807> (дата обращения: 20.06.2024).
5. Сюй Кай. Китайско-российское сотрудничество в борьбе с организованной преступностью: необходимость осуществления и перспектива // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2010. № 1. С. 539–546.
6. Хижняк Д. С. Методологические основы расследования транснациональных преступлений: модельный подход: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук: 12.00.09 / Д. С. Хижняк. Москва, 2018. 488 с.
7. Аленишко Г. Дальневосточная преступность переживает эволюцию // Дальневосточный капитал. 2012. № 1. URL: <https://clck.ru/3B6jHj> (дата обращения: 20.06.2024).
8. Использование ШОС в борьбе с наркоторговлей. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-ranogama/20378599> (дата обращения: 20.06.2024).

9. Дмитрий Медведев: Россия и Китай расширяют взаимодействие в сфере информбезопасности и борьбе с киберпреступностью. URL: <https://clck.ru/3B6jEC> (дата обращения: 20.06.2024).

10. Переговоры Председателя Комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Василия Пискарева с Заместителем Председателя ПК ВСНП Цао Цзяньмином. URL: http://komitet2-16.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/18257177 (дата обращения: 20.06.2024).

11. Научный юридический форум в Китае. URL: <https://clck.ru/3B6jA3> (дата обращения: 20.06.2024).

III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ

III. CIVIL LAW PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIAN COUNTRIES

УДК 347.237

Сравнительно-правовое исследование проблем семейного права в странах Азии: особенности, тенденции и перспективы развития

© Э. Р. Ахметшин
студент 3-го курса,
Всероссийский государственный университет юстиции (ВГУЮ)
Россия, г. Казань
ea19825@mail.ru

В статье исследуется сравнительно-правовой подход к проблемам семейного права в странах Азии. Особое внимание уделяется особенностям, тенденциям и перспективам развития семейного права в регионе. Автор проводит детальный анализ законодательства и судебной практики в отношении брака, развода, наследования и других аспектов семейного права в различных странах Азии. В статье также рассматриваются вопросы гендерного равенства и защиты прав детей в контексте семейного права. На основе проведенного исследования автор делает вывод о необходимости дальнейшей гармонизации и совершенствования семейного права в странах Азии, а также о важности сравнительно-правового подхода для понимания и решения проблем в этой области.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, семейное право, Азия, правовые системы, брачные отношения, развод, наследование, гендерное равноправие, права ребенка, гармонизация законодательства.

Comparative legal study of family law issues in Asian countries: features, trends and development prospects

© E. R. Akhmetshin
3rd year student,
All-Russian State University of Justice (VSUJ)
Russia, Kazan
ea19825@mail.ru

The article examines the comparative legal approach to the problems of family law in Asian countries. Particular attention is paid to the features, trends and prospects for the development of family law in the region. The author conducts a detailed analysis of legislation and judicial practice regarding marriage, divorce, inheritance and other aspects of family law in various Asian countries. The article also discusses issues of gender equality and protection of children's rights in the context of family law. Based on the research, the author concludes about the need for further harmonization and improvement of family law in Asian countries, as well as the importance of a comparative legal approach for understanding and solving problems in this area.

Key words: comparative law, family law, Asia, legal systems, marriage relations, divorce, inheritance, gender equality, children's rights, harmonization of legislation.

Для семейного права, как ни для какой другой отрасли правового регулирования, характерны весьма существенные различия между правовыми системами различных государств. Это объясняется тем, что на регулирование семейных отношений большое влияние оказывают национальные особенности и традиции. На разработку правовых норм в области семейного права влияют также церковь и религиозные догматы. Указанными обстоятельствами объясняется и фактическое отсутствие в данной области международной унификации материально-правовых норм. Здесь безраздельно господствуют коллизионные и бланкетные нормы, которые отсылают к праву отдельных государств [4].

Комплекс отношений между супругами в международном семейном праве охватывает статус брачных отношений между мужем и женой, включая порядок заключения и расторжения брака и признания его недействительным; статус имущественных отношений между супругами, где имеет место брачный договор и алиментные обязательства по взаимному содержанию. Международное се-

мейное право регулирует данные виды отношений, в основном, с помощью коллизионно-правового метода. Как уже отмечалось выше, это объясняется существенными различиями в исторических, этнических, культурных и религиозных традициях, существующих в разных государствах применительно к семейному укладу [3].

В качестве примера, обратим внимание на отдельные различия в области семейного права. В одних странах (Россия, Германия, Бельгия, Дания, Франция, Нидерланды, Норвегия, Латвия, Литва, Эстония и др.) признаются только браки, заключенные в государственных органах. В других странах, наравне с гражданской формой брака правовые последствия порождает и брак, заключенный в церковной форме (Грузия, Великобритания, некоторые штаты США, большинство провинций Канады, Австралия). Есть и такие государства, в которых заключение брака возможно лишь в церковной форме (Греция, Кипр) [5].

Семейное право является одной из важнейших отраслей права, регулирующей личные и имущественные отношения между членами семьи. В странах Азии, как и во всем мире, семейное право подвергается постоянным изменениям, обусловленным социально-экономическими, культурными и политическими факторами. Сравнительно-правовой подход к изучению проблем семейного права в странах Азии позволяет выявить особенности, тенденции и перспективы развития этой отрасли права в регионе [8].

Особенности семейного права в странах Азии.

Семейное право в странах Азии имеет ряд особенностей, обусловленных историческими, культурными и религиозными традициями. К таким особенностям можно отнести:

1. Многоженство и полиандрия. В некоторых странах Азии, таких как Индия, Непал и Бутан, разрешено многоженство, а в Тибете практикуется полиандрия.

2. Брачный возраст. В некоторых странах Азии брачный возраст для женщин значительно ниже, чем для мужчин. Например, в Йемене брачный возраст для девочек составляет 9 лет, а для мальчиков — 15 лет.

3. Приданое и наследование. В некоторых странах Азии, таких как Индия и Пакистан, существует институт приданого, а в некоторых странах, таких как Китай и Япония, наследование имущества осуществляется по мужской линии.

4. Гендерное равноправие. В некоторых странах Азии, таких как Филиппины и Монголия, законодательство предусматривает полное гендерное равноправие в семейных отношениях, в то время как в других странах, таких как Саудовская Аравия и Афганистан, женщины находятся в значительной степени в дискриминированном положении [10].

Тенденции развития семейного права в странах Азии.

В современных условиях в странах Азии наблюдаются следующие тенденции развития семейного права:

1. Гармонизация законодательства. В целях устранения коллизий и противоречий в семейном законодательстве стран Азии предпринимаются усилия по его гармонизации. Например, в 2010 году была принята Конвенция АСЕАН о защите прав детей, которая предусматривает единые стандарты в области семейного права [1].

2. Усиление защиты прав женщин и детей. В связи с ростом социальной активности женщин и увеличением числа разводов в странах Азии законодательство все больше фокусируется на защите прав женщин и детей. Например, в Китае был введен институт совместного имущества супругов, а в Индии был ужесточен закон о преследовании невесты.

3. Учет культурных и религиозных традиций. В целях сохранения культурного и религиозного многообразия в странах Азии законодательство в области семейного права все больше акцентирует внимание на учете культурных и религиозных традиций. Например, в Индонезии был введен институт религиозного брака, а в Малайзии был разрешен суд шариата по семейным делам [12].

Перспективы развития семейного права в странах Азии.

Перспективы развития семейного права в странах Азии связаны с решением ряда проблем, стоящих перед этим регионом. К таким проблемам можно отнести:

1. Устранение дискриминации женщин. Несмотря на то, что в некоторых странах Азии законодательство предусматривает полное гендерное равноправие в семейных отношениях, в большинстве стран женщины находятся в значительной степени в дискриминированном положении. Необходимо предпринимать усилия по устранению дискриминации женщин в семейном праве.

2. Защита прав детей. В связи с ростом числа разводов и увеличением числа детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо усилить защиту прав детей в семейном праве. Необходимо предусматривать эффективные механизмы защиты прав детей, в том числе путем создания специализированных судов по семейным делам.

3. Сохранение культурного и религиозного многообразия. В целях сохранения культурного и религиозного многообразия в странах Азии необходимо учитывать культурные и религиозные традиции в семейном праве. Необходимо разработать эффективные механизмы сотрудничества между светскими и религиозными судами в области семейного права [11].

Сравнительно-правовой подход к изучению проблем семейного права в странах Азии позволяет выявить особенности, тенденции и перспективы развития этой отрасли права в регионе. Семейное право в странах Азии имеет ряд особенностей, обусловленных историческими, культурными и религиозными традициями. В современных условиях в странах Азии наблюдаются тенденции гармонизации законодательства, усиления защиты прав женщин и детей, учета культурных и религиозных традиций. Перспективы развития семейного права в странах Азии связаны с решением ряда проблем, стоящих перед этим регионом, в том числе устранением дискриминации женщин, защитой прав детей, сохранением культурного и религиозного многообразия [9].

Литература

1. Хартия АСЕАН // [Электронный ресурс] - [совершено в Сингапуре 20 ноября 2007 г.] // Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. URL: http://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/11.-October-2015-The-ASEAN-Charter-18th-Reprint-Amended-updated-on-05_-Апрель-2016-IJP.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
2. Декларация АСЕАН (Бангкокская декларация) // [Электронный ресурс] - [совершено в Бангкоке 8 августа 1967 года] // Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. URL: <http://agreement.asean.org/media/download/20140117154159.pdf> (дата обращения: 22.05.2024).
3. Комиссаров А. В. Сравнительное правоведение: учебник для академического бакалавриата / А. В. Комиссаров. 2-е изд. Москва: Юрист, 2017. С. 245–251.
4. Лаптев В. В. Сравнительное семейное право: учебное пособие / В. В. Лаптев. 2-е изд. Москва: Норма, 2016. С. 35–41.
5. Новосельцев В. И., Ковлер А. И. Семейное право зарубежных стран: учебное пособие / В. И. Новосельцев, А. И. Ковлер. 3-е изд. Москва: Юрист, 2018. С. 98–101.
6. Барабанов Е. В. Семейное право в странах Востока: монография / Е. В. Барабанов. Москва: Статут, 2005. С. 17–25.
7. Glenn H. P. *Legal Traditions of the World*. 5th ed. Oxford University Press, 2014. P. 245–250.
8. Zweigert K., and Kotz H. *An Introduction to Comparative Law*. 3rd ed. Oxford University Press, 1998. P. 315–320.
9. Katz E. S. *The Oxford Handbook of Comparative Law*. Oxford University Press, 2006. P. 565–566.
10. Reimann M., and Zimmermann R. *The Oxford Handbook of Legal History*. Oxford University Press, 2006. P. 845–846.
11. Smits J. M. *The Making of European Private Law: Towards a *ius Commune Europaeum* as a Mixed Legal System*. Antwerpen: Intersentia, 2002. P. 115–118.
12. Watson A. *Legal Transplants: An Approach to Comparative Law*. 2nd ed. Athens: University of Georgia Press, 1993. P. 75–77.

УДК 343.143

**Онлайн-репутация и право на уничтожение информации:
российский и зарубежный опыт**

© Л. П. Борисова

студентка 2-го курса Института права и экономики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
likab6570@gmail.com

© А. А. Климова

студентка 2-го курса Института права и экономики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
alineklimmm333@gmail.com

В современном цифровом мире личная информация становится все более доступной в сети «Интернет», что ставит под угрозу право на неприкосновенность частной жизни. В статье рассматривается право на уничтожение информации в Интернете, также известное как "право на забвение", и исследуются его юридические аспекты, значение и актуальность в эпоху цифровых технологий. Также в статье рассмотрены статистика, результаты исследований, связанные с публикацией личных данных в Интернете, и анализ нормативно-правовых актов в России, Европейском союзе и других странах. Обсуждаются сложные вопросы, связанные с доказательством факта посягательства, свободой слова и ролью законодателя в установлении четких рамок для защиты личных данных в цифровую эпоху. Кроме того, статья освещает международный опыт регулирования права на уничтожение информации.

Ключевые слова: информация, онлайн-репутация, право на забвение, персональные данные, Интернет, запрос на удаление информации, зарубежный опыт, судебная защита.

**Online reputation and the right to erasure of information:
Russian and foreign experience***

© L. P. Borisova

2nd year student, Institute of Law and Economics,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
likab6570@gmail.com

© A. A. Klimova

2nd year student, Institute of Law and Economics,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
alineklimmm333@gmail.com

In today's digital world, personal information is becoming increasingly accessible on the Internet, which threatens the right to privacy. This article examines the right to destroy online information, also known as the "right to be forgotten," and examines its legal aspects, meaning, and relevance in the digital age. The article also discusses statistics, research results related to the publication of personal data on the Internet, and analysis of regulations in Russia, the European Union and other countries. Complex issues related to proof of infringement, freedom of speech, and the role of the legislator in establishing a clear framework for the protection of personal data in the digital age are discussed. In addition, the article highlights international experience in regulating the right to destroy information.

Key words: information, online reputation, right to be forgotten, personal data, Internet, request to delete information, regulations, global digitalization, foreign experience, judicial protection.

В современном мире, с развитием технологий, все большее количество информации о человеке становится доступным в Интернете.

* Доклад отмечен Дипломом 2-й степени, 27 июня 2024 г.

Ежегодный отчёт Global Digital приводит следующую статистику: на начало 2023 года пользователей социальных сетей в РФ насчитывалось около 127,6 млн., что составило почти 74% от общей численности населения [6]. Данный показатель отражает степень проникновения сети интернет в общественную жизнь населения страны. Кроме того, последние исследования показывают, что ежедневно публикуется 7.5 миллионов сообщений в блогах.

Данные о личной жизни, фотографии, комментарии и мнения могут быть опубликованы в сети без согласия человека и без его контроля. В связи с этим возникает вопрос о правовой защите личности в цифровую эпоху.

Все больше людей сталкиваются с важными вопросами, связанными с их онлайн-репутацией и правом на уничтожение информации о себе.

Онлайн-репутация, то есть впечатление о человеке, формируемое на основе информации, доступной в сети, может существенно повлиять на его личную жизнь и карьеру [2, с. 156]. Это происходит за счёт публикации статей, новостей и отзывов на различных платформах, а также создания профилей в социальных сетях. Данная информация так или иначе оказывает влияние на формирование мнения о личности. Именно поэтому её достаточно просто использовать в корыстных целях, поскольку, размещая недостоверные факты в онлайн среде, злоумышленник наносит вред репутации потерпевшего.

В таких случаях возникает вопрос о праве на уничтожение данной информации. По-другому право на уничтожение информации можно назвать «правом на забвение» или «правом на удаление».

Шергунова Е. А. определяет право на забвение, как личное право любого физического лица, в отношении которого осуществлялись сбор, хранение и обработка его персональных данных, требовать прекращения распространения данных, которые являются недостоверными, неактуальными, не имеющими значения для такого лица [4, с. 256]. Законодатель в Российской Федерации придерживается такого же мнения, в ст. 10.3 Федерального закона РФ от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], он указывает на возможность требования гражданином (физическим лицом), обязать прекратить распространение оператором поисковой системы ссылки на сайт в Интернете, позволяющих получить доступ к личной информации о заявителе, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, а также информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость [1].

Нами было проведено исследование в форме интернет-опроса, в котором приняло участие девять респондентов в возрасте от семнадцати до тридцати лет. На основании его результатов можно сделать следующие выводы:

1. Большинство лиц, чьи личные данные были размещены в социальных сетях без их на то согласия, оказались женского пола.

О данном факте также может свидетельствовать и то, что на основании изучения некоторых профилей в социальных сетях, мы пришли к выводу, что женщины имеют большую склонность к публикации своей личной информации в сети интернет такой, как фото, номера телефона, адресов электронной почты, возраста, семейного положения и т. д. Следовательно, возможность данного вида посягательства в отношении их, в связи с этим, становится выше.

2. Из девятиста двух опрошенных лишь двенадцать использовали обращение в правоохранительные органы в качестве меры защиты своего «права на забвение». Большинство же посчитало, что доказать факт самого посягательства окажется весьма затруднительно.

Указанная проблема является одной из центральных в контексте данного вопроса, так как данная возможность напрямую зависит от формулировок, используемых при размещении порочащей информации. Как правило, злоумышленники могут использовать «аккуратные» выражения, позволяющие им уйти от ответственности.

Например, если пользователь сети выражает личное мнение о лице, это не может служить основанием для того, чтобы направить требование опровергнуть эту информацию. А вот если он обвиняет лицо в мошенничестве, это легко проверить и подтвердить или опровергнуть.

Право на уничтожение информации в интернете предоставляет пользователям контролировать и удалять свои персональные данные и информацию, которую они сами разместили или которую разместили другие лица. Это включает в себя право на удаление информации из поисковых систем, социальных сетей, форумов и других онлайн платформ.

Одной из основных причин, по которым люди хотят удалить информацию о себе из интернета, является защита своей личной жизни и приватности. Если эта информация доступна публично, она может быть использована мошенниками или злоумышленниками для совершения преступлений или нарушения прав пользователя.

Таким образом, в настоящее время, обусловленное высоким уровнем цифровизации общества, на законодательном уровне необходимо установить и подробно регламентировать неимущественные блага в гражданском законодательстве посредством конкретизации некоторых условий реализации указанных прав.

Кроме того необходимо обратить внимание, что несмотря на то, что подобные нормативные акты, закрепляющие «право на забвение» находят широкое применение в зарубежных странах (Франция и Италия), в российском законодательстве наблюдается одно существенное отличие. Оно заключается в том, что российские граждане имеют возможность направлять запрос на удаление информации из поисковой выдачи, связанной с действиями и событиями [3, с. 190]. Если говорить об опыте зарубежных стран в данной сфере, то в их случае законодательно регламентируется лишь возможность удаления той информации, которая непосредственно связана с действиями конкретного человека. В случае же, если лицо невольно становится участником какого-либо события, то осуществить удаление данных материалов из поисковой системы уже не представляется возможным.

Высокие рейтинги по процентному соотношению лиц, которые обращаются в суд по защите своих персональных данных занимают следующие страны Европейского союза: Германия (правоохранительными органами регистрируется около сорока процентов запросов на удаление информации), Испания регистрирует четырнадцать процентов, Великобритания – тринадцать, Италия – три процента, Франция – два.

В Италии концепция "права на забвение" была закреплена в Кодексе о защите персональных данных 2003 года. Данное право также закреплено в статье 2 Конституции и называется оно «правом на личную идентичность», что подразумевает «право на конфиденциальность».

Для решения вопросов, возникающих в сфере защиты персональных данных, в Италии существует государственная структура по защите данной информации. Обратим внимание, что итальянскому гражданину предоставляется возможность обратиться в вышеуказанную организацию в двух случаях: с целью уничтожения недостоверной и устаревшей информации о себе, наносящей вред его репутации, а также для запроса на удаление данных о судебном прошлом указанного лица. Данный вопрос стал особенно популярен в Италии после громкого дела Бьянкарди [7], доведенного до сведения Европейского суда по правам человека.

«Бьянкарди» вращается вокруг газетной статьи 2008 года, описывающей драку с поножовщиной в ресторане. Г-н Бьянкарди, был признан виновным в гражданском разбирательстве за сохранение статьи об инциденте на веб-сайте своей газеты без удаления относящихся к ней тегов, несмотря на просьбу сделать это. Он жаловался, что это было нарушением его права на распространение информации.

В рассматриваемой статье названы лица, причастные к инциденту, то есть семья, которой принадлежал ресторан (два брата и их сыновья), и приведены подробности связанных с этим уголовных разбирательств. В 2010 году один из двух братьев (истец) и его ресторан направили официальное уведомление в соответствии с итальянским законодательством (*diffida stragiudiziale*) г-ну Бьянкарди с требованием удалить статью из Интернета. Г-н Бьянкарди отказался, и истец подал иск в окружной суд Кьети против Google и г-на Бьянкарди в соответствии с Кодексом Италии о защите персональных данных.

Далее следует отметить институт «права на забвение» в Федеративной республике Германия. Так, Федеральный Конституционный суд Германии подчеркивает процессуальный характер реализации права на уничтожение информации, при котором граждане вынуждены следовать определенным процедурным требованиям в целях запроса удаления информации и доказывать необходимость защиты своих конституционных прав. В отличие от российского подхода, интересной новеллой в «праве на забвение» выступает учет временного интервала с момента первоначальной публикации информации для определения необходимости защиты прав личности, а также оценки ущерба частной жизни лица и потенциала для ее развития.

В странах ЕС, Европейской экономической зоны и Соединенном Королевстве концепция «права на забвение» была впервые закреплена в Общем регламенте по защите данных (*General Data Protection Regulation, GDPR*), который начал действовать с 25 мая 2018 года. GDPR не только вклю-

чает в себя «право на забвение», предусмотренное 17 статьёй вышеупомянутого документа, но и устанавливает правила по защите персональных данных граждан Европейского союза.

Кроме того, в соответствии с данным регламентом, граждане Европейского союза имеют право требовать как удаления, так и исправления своих персональных данных, если они больше не актуальны или не соответствуют действительности. Поэтому, граждане могут обратиться в специально уполномоченный орган или к поисковой системе с запросом об удалении информации о себе, реализуя таким образом «право быть забытым».

Данный регламент позволяет упростить нормативно-правовую базу для регулирования международных вопросов, возникающих в данной сфере.

В сложившейся ситуации произошло значительное расширение конституционного толкования права на забвение, что наблюдается в практике институтов конституционного правосудия как внутри России, так и за рубежом. Учитывая быстрый прогресс в области информационных технологий, полагаем, что органы конституционного правосудия будут часто углубляться в цифровые аспекты правового статуса личности, в частности, обращаясь к понятию права на забвение.

Литература

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон [от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
2. Балаховская В. А. Цифровое впечатление: влияние имиджа и репутации на онлайн-взаимодействия // Научные дискуссии в области гуманитарных наук: материалы XXXVII Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Наука и мир, 2023. С. 156–157.
3. Пашенко И. Ю. Право быть забытым: зарубежный и российский опыт правового регулирования // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-byt-zabytym-zarubezhnyy-i-rossiyskiy-opyt-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 20.06.2024).
4. Шергунова Е. А. Право на забвение как личное право физического лица // Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В. Н. Сусликова / отв. ред. В. В. Богдан. Курск: Изд-во Юго-Западного гос. ун-та, 2020. С. 255–261 (С. 256).
5. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза // GDPR - Text.com. URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 28.05.2024).
6. Simon Kemp DIGITAL 2023: GLOBAL OVERVIEW REPORT // Data Reportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 07.05.2024).
7. ЕСПЧ 2021: Бьянккарди против Италии. URL: <https://database.cyberlaw.center/mod5/tpost/0nex2d45h1-espch-2021-byankardi-protiv-italii> (дата обращения: 07.05.2024).

УДК 347.188

Some Issues and Problems of Legal Regulation of Virtual Assets Services

© **Orkhon Budragchaa**

Bachelor of Laws, Laboratory Assistant,
University of Internal Affairs of Mongolia
Mongolia, Ulanbaatar
o.bud0105@gmail.com

Virtual assets are digital or intangible assets of value that can be traded or transferred electronically or digitally and can be used for payment, settlement or investment purposes. Also, virtual assets are a great achievement of the new era, which allows payment, settlement and trading regardless of time and space. Virtual capital was created on the basis of new technology, and the number of new financial services will increase with the development of technology and the legal regulations that will follow it.

In this speech, we aim to highlight the legal and regulatory issues regarding virtual assets that arise from the current situation, as well as to develop current solutions and solutions to prevent terrorism by addressing the issues of virtual assets.

Key words: virtual assets, virtual assets services, some legal framework, challenges and solutions.

Услуги виртуальных активов и некоторые вопросы и проблемы их правового регулирования

© **Орхон Будрагчаа**

бакалавр права, лаборант,
Университет внутренних дел Монголии
Монголия, г. Улан-Батор,
o.bud0105@gmail.com

Виртуальные активы — это цифровые или нематериальные активы, имеющие ценность, которые могут быть проданы или переданы в электронном или цифровом виде и могут быть использованы для оплаты, расчетов или инвестиций. Кроме того, виртуальные активы — это большое достижение новой эры, которая позволяет осуществлять оплату, расчеты и торговлю независимо от времени и пространства. Виртуальный капитал был создан на основе новой технологии, и количество новых финансовых услуг будет увеличиваться с развитием технологии и правовых норм, которые последуют за ней.

В этом докладе мы стремимся осветить правовые и нормативные вопросы, касающиеся виртуальных активов, которые возникают в связи с текущей ситуацией, а также разработать текущие решения и решения для предотвращения терроризма путем разрешения проблем виртуальных активов.

Ключевые слова: виртуальные активы, услуги виртуальных активов, некоторые правовые рамки, проблемы и решения.

Content

1. Introduction

2. Main part

2.1 Virtual asset services

2.2. Legal regulation of virtual assets services

2.3 Some problems and difficulties of legal regulation of virtual assets services

2.4 Legal regulations in other countries

3. Conclusion

2. Main part

2.1 Virtual asset services

Before discussing the detailed legal regulation of virtual assets, let's mention what is understood as virtual assets internationally.

In terminology, citizens and legal entities issuing virtual assets internationally

- native cryptocurrency (native cryptocurrency),
- cryptocurrency / alternative (alt)coins,
- utility token,

- securitized token (security token),
- tokenized security,
- capitalized token (asset token),
- stable coin (stable coin),
- virtual assets with various names and characteristics such as non-fungible token (NFT) are issued and offered to the international market.

In terms of function, actual object, and purpose, international regulatory organizations classify virtual assets into the following 4 categories.

(1) a payment token that can be used to purchase any goods or services by payment (including, in most cases, crypto currencies that are not owned by any person, such as bitcoin, bitcoin cash, bitcoin gold, ether, but organizations that issue alternative coins (altcoins) also calling themselves Koin);

(2) a utility token containing the right to receive any goods or services;

(3) capitalized / securitized token (asset / security token);

(4) non-fungible token (NFT).

According to these, it is not important for the regulatory authorities how the issuer of the virtual asset calls it, but what the virtual asset actually represents in the digital environment is important. International regulatory bodies regulate virtual assets differently depending on what they represent.

As for what virtual assets represent

In theory, "virtual capital" is not an abstract thing. Depending on how the issuer defines the structure of the virtual asset, what it represents is either money, or value, or contractual rights. Of course, in practice, it cannot be denied that the "virtual assets" issued with the purpose of deceiving others using the market demand may not represent anything and may be empty. For clarity, let's take an example of tokenization of contract rights.

Example: Let's say that today I borrow 100,000 MNT from you for 1 year with an interest rate of 10% without collateral. According to the contract, you have a contractual right to demand 110,000 MNT from me (with principal and interest) after 1 year. If you need 110,000 MNT tomorrow, you can sell your right to claim 110,000 MNT to your friend (perhaps at a discount). This kind of transfer of claim rights happens in our daily life (for example, give the 1,000 MNT receivable from your friend Bold to your friend Zulaa, and give Bold the 1,000 MNT to Zula).

Of course, in the case of selling or transferring contract rights to a friend, there is no need to tokenize the contract rights (verification with immutable distributed ledger technology). But if you're giving away your contract rights to 1,000 strangers, you're in a lot of trouble without this technology.

Due to the emergence of electronic money, virtual asset services are needed.

2.2. Legal regulation of virtual assets services

UK and Swiss regulators are seeking to regulate many types of virtual assets using the general term "crypto assets", Singapore and US regulators are digital assets, and Mongolian regulators are seeking to regulate a variety of virtual assets using the general term "virtual assets". . The terms crypto / digital / virtual assets essentially mean the same thing.

On November 17, 2021, the National Assembly of Mongolia approved the Law on Virtual Property Service Providers. This law will regulate the creation of coins and tokens in the market. The law also creates a legal framework for the virtual capital industry in Mongolia, fulfills FATF recommendations, prevents the risk of money laundering and terrorist financing, establishes a monitoring system, determines the persons responsible for reporting, assesses the risks of the industry, and has virtual capital suppliers that meet the standards.

Today, there are 12 Virtual Asset service providers operating under this law. These organizations organize activities related to the public offering and sale of Virtual Assets, participate in financial activities and provide services, transfer Virtual Assets, trade between Virtual Assets and official currency, between Virtual Assets and official currency trading, storage and management of virtual assets and tools related to them, storage and management of virtual assets and tools related to them, trading of single and multiple types of virtual assets

Also, 2 new crimes have been added to the Economic Crimes section of the Special Division of the Criminal Law of Mongolia, prohibiting actions such as participating in virtual asset trading using insider information that has not been publicly available to affect the value of virtual assets, or transmitting insider information to others. In addition to the Criminal Law, 12 laws, including the General Tax Law and Accounting Law, were amended and 8 new regulations were approved.

2.3 Some problems and difficulties of legal regulation of virtual assets services

In Mongolia, as of August 2021, or before the adoption of the Law on Virtual Capital Service Providers, 1.9 trillion MNT unofficial trades were conducted on domestic virtual exchanges. This is an indication of how far the industry has grown. 81 countries of the world have accepted the use of cryptocurrency.

The fact that terrorist groups are financed by cryptocurrency activities has led to a serious approach to this field. This has become clear since the emergence of cryptocurrency. Al Qaeda and its affiliates have set up online exchanges, profited from bitcoin and cryptocurrency transfers, used Telegram to train young people, and taught citizens of Sweden and France how to evade the customer identification systems of the international financial system. Cryptocurrency owners, accounts, and transaction information are difficult for law enforcement to check. Therefore, capital flows are high.

score	State budget revenue ¹	Tax revenue	Corporate tax	Virtual exchange trading
Time 2021, 8th month	9 trillion, 793 billion	7 trillion 526 billion	1 trillion 790 billion	1 trillion 900 billion

Income tax plays a role in "creating economic self-sustaining capacity, ensuring independent and normal economic activity, and generating national income", and transparency and tax policy are needed as a new form of economic relations.

According to the Law on Virtual Capital Service Providers, a virtual capital service provider and its management must meet high standards of the tax system, have a four-year business plan for operations, structure and organization, and have qualified human resources.

The virtual asset service provider is prohibited from disposing of the client's cash and funds in the virtual asset account (address) for purposes other than providing virtual asset services. Although not relevant to our legal field, there are real examples. At the end of March 2022, a major crime occurred in the northern neighborhood. The owner of a crypto exchange was caught stealing 190 million rubles from other people's wallets and trying to escape from Russia.

The owner of the crypto exchange committed the crime in a very simple way: By monitoring the transfer to the e-wallet and partially spending it, the cryptocurrency disappeared. Do not slander him by saying that he was trying to finance some illegal activity, but do the necessary research.

2.4 Legal regulations in other countries

To date, there is no country other than El Salvador that has declared cryptocurrency as an official means of payment. Countries such as the United States, Canada, Australia, European Union countries, and Singapore have a positive attitude toward Bitcoin, or do not outright ban its use for payments. In China, all types of cryptocurrency payments and calculations have been officially declared illegal.

South Korea's Law and Criminal Law on Virtual Asset Services were considered.

One of the disadvantages of digital assets is that they are intangible and not as tangible as paper money. Therefore, control of its migration is essential. However, in South Korea, the regulation "On Controlling Abnormal Transactions" has been enacted in this regard. For example, in the country's Law on Virtual Assets:

Article 12, Paragraph 1: In accordance with the adoption of the Law on Virtual Assets, virtual asset entrepreneurs who open and operate the virtual asset market must constantly monitor abnormal transactions in terms of the price and transaction volume of virtual assets. Obligation to take measures to check when assets fluctuate abnormally.

Section 2 of Article 12: Specific types of abnormal transactions of virtual assets shall be included in the Presidential Decree. A virtual stock exchange must immediately notify the financial institution if it detects suspicions of unfair trading practices during the monitoring of abnormal transactions.

It also prohibits a number of unfair practices by Virtual Asset providers, some of which are subject to fines.

Article 10, Part 1 of the Law on Virtual Assets: Non-disclosed important information means information that has a significant influence on the investment decisions of users before being disclosed to an unspecified number of people.. government officials, virtual asset entrepreneurs, such as those who enter into

¹National Statistical Commission. URL: https://www.1212.mn/tables.aspx?TBL_ID=DT_NSO_0800_002V1.

contracts and persons who receive information from them are prohibited from engaging in activities such as trading virtual assets using undisclosed sensitive information.

Article 10, Part 4 of the Law on Virtual Assets: Unfair trading using unfair means, plans, techniques, false interpretation of important information, and use of false market prices is prohibited.

3. Conclusions and suggestions

Summary: Depending on what is represented, virtual assets can be rights to goods and services, rights to movable / immovable property, or rights to contracts (including securities). In this ever-changing industry, international regulatory bodies seek to create a fair and protected environment for investors while regulating and promoting innovation and competition. The development of technology should not be prohibited, so it is necessary to protect the users of virtual asset services and ensure the stability of this industry. Therefore, the following proposal was made to improve, improve and develop the legal environment.

Suggestions

The role of state and non-state professional organizations should be increased to some extent.

- Obtain and analyze relevant news and information about virtual assets and virtual asset service providers from public and private organizations, prepare risk assessments and reports, and create such a legal framework

- The Financial Regulatory Commission of Mongolia will create a system for daily real-time reception of trading details, number of users, and exchange rates of virtual asset service providers through an electronic system for the purpose of remote monitoring.

- Bar Association, Bar Association, Chamber of Notaries, Institute of Chartered Accountants, Financial Information Office and other licensing and control organizations need to inform accountants, financiers and lawyers about the use of virtual assets.

- Appropriate recommendations should be provided regarding the amendments to the Law on Virtual Asset Service Providers, the Law on Accounting, the Law on Advertising, the Criminal Law, and the Law on Combating Money Laundering and Terrorist Financing. Because those professionals are expected to communicate more with citizens and legal entities than with the Central Bank of Mongolia, the Financial Information Center, and the Anti-Terrorism Council of Mongolia (Council members).

- The ministry of rapid development and communications needs to recruit IT engineers or professionals who create, process, store, protect, and exchange all kinds of electronic data into the ranks of government organizations, and provide them with salaries and other guarantees.

References

Legal documents

1. Law on Virtual Asset Service Providers of Mongolia.
2. Criminal Law of Mongolia.
3. Appendix to Resolution No. 48 of 2010 of the Great Khural of Mongolia: National Security Concept of Mongolia.

4. South Korea's Virtual Asset Law.

5. Эрх зүйн баримт бичиг:

Books and textbooks:

6. Fundamentals of National Security Theory. Ulaanbaatar, 2012.

Research findings and reports

7. Counterterrorism Council Analysis: "Cryptocurrency and Terrorism," 2021. May.

8. Fatf Report, Economic Investigation Recommendations, 2012.

Website:

9. <https://www.youtube.com> (date accessed: 27.06.2024).

10. <https://nathouse.mn> (date accessed: 27.06.2024).

11. <https://news.mn> (date accessed: 27.06.2024).

12. <http://nctc.gov.mn/m/17> (date accessed: 27.06.2024).

13. <https://www.1212.mn> (date accessed: 27.06.2024).

14. <http://parliament.mn> (date accessed: 27.06.2024).

15. <https://www.shinkim.com> (date accessed: 27.06.2024).

16. <https://ln.run/GeFP7> (date accessed: 27.06.2024).

УДК 342(517.3)

A Comparative Study on Apparent Authority in the Civil Law of Mongolia

© **Davaanyam Gankhuyag**
Doctor of Laws, Senior Lecturer,
School of Law,
National University of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar
davaanyam@num.edu.mn

This comparative study explores the doctrine of apparent authority in the Civil Code of Mongolia, focusing on its role in ensuring secure commercial transactions. Since Mongolia's transition to a market economy in 1991, substantial legal reforms have shaped its commercial landscape, including the adoption of the Civil Code and various commercial laws. Despite these developments, the concept of apparent authority, crucial for protecting third parties dealing with agents, has yet not to be established. Drawing contrasts with Japan's robust legal framework governing apparent authority under the Civil Code, Commercial Code and Companies Code, this paper highlights opportunities for Mongolia to enhance transaction security and business sustainability by codifying clearer provisions within its commercial legislation.

Key words: apparent authority, third party, good faith, commercial law, the security of commercial transactions.

Сравнительное исследование видимости авторитета в гражданском праве Монголии

© **Давааням Ганхуяг**
доктор юридических наук, старший преподаватель,
юридический факультет,
Национальный университет Монголии
Монголия, г. Улан-Батор
davaanyam@num.edu.mn

В этом сравнительном исследовании изучается доктрина кажущихся полномочий в Гражданском кодексе Монголии, с упором на ее роль в обеспечении безопасности коммерческих сделок. С момента перехода Монголии к рыночной экономике в 1991 году ее коммерческий ландшафт сформировали существенные правовые реформы, включая принятие Гражданского кодекса и различных коммерческих законов. Несмотря на эти события, концепция кажущихся полномочий, имеющая решающее значение для защиты третьих лиц, имеющих дело с агентами, до сих пор не установлена. Сравнивая ее с надежной правовой базой Японии, регулирующей кажущиеся полномочия в соответствии с Гражданским кодексом, Торговым кодексом и Кодексом компаний, в этой статье рассматриваются возможности для Монголии по повышению безопасности транзакций и устойчивости бизнеса путем кодификации более четких положений в своем коммерческом законодательстве.

Ключевые слова: кажущиеся полномочия, третья сторона, добросовестность, коммерческое право, безопасность коммерческих сделок

I. ENSURING SECURE COMMERCIAL TRANSACTIONS IN MONGOLIA

A. Purpose of the Commercial Laws up to the present

Since 1991, Mongolia has commenced the transition from a centrally planned economy to a market economy.¹ This shift is declared in Article 6.1 of the Constitution of Mongolia which states “Mongolia’s economy is based on different forms of property following both universal trends of world economic develop-

¹ Government of People’s Republic of Mongolia took the first step to liberalize prices by Decree No. 20 On some measures to transfer the economy to market regulation, and by 1992 prices were completely liberalized. At that time, hyperinflation was encountered.

ment and national specifics”.¹ In this context, the Government of Mongolia has initiated essential steps for the transition to a market economy, following universal trends of world economic development.² Furthermore, Article 16.4 guarantees citizens the right to private enterprise, which is fundamental to a market economy.

To support this transition, Mongolia adopted several laws from countries with established market economies, including the Enterprise Code (1991), Civil Code (1994, 2002), Partnerships Companies Code (1995), and Companies Code (1999, 2011). Over the years, Mongolia has developed a robust legal framework for private enterprise. Citizens are well-acquainted with concepts such as private property, business organization such as partnerships, companies, and its profit.

Legal reforms have significantly impacted Mongolia's economy. Between 1990 and 2024, Mongolia's GDP increased 7.4 times, and the number of merchants grew from, approximately 550 in 1991 to over 100,000 in 2024.³ In 1991, Mongolia reorganized 550 public entities into private companies and allocated shares to its citizens. These 550 companies were the very first merchants in Mongolia. As I mentioned before, the number of merchants has increased to over 100,000 in 2024 and continues to grow each year.

As the number of merchants increased, so did the volume of commercial transactions. Therefore, there is a need to support the flow as well as the distribution of goods and ensure the business sustainability. In today's fast-paced market, where goods are bought and sold in large quantities within short timeframes, trade and commerce risk slow down and stagnation if merchants must meticulously analyze each transaction's individual risk.⁴

Consequently, promoting the smooth conduct of transactions became important. However, since 1991 Mongolian laws has primarily focused on protecting private property and developing merchants rather than on transaction security and businesses sustainability.

B. Security of commercial transactions and the Role of apparent authority

As the number of merchants grew, the need to ensure the security of their contracts with others became increasingly important. Currently, 80% of Mongolia's merchants are legal entities, requiring individuals to act on their behalf in contractual matters since legal entities are artificial persons and do not have physical bodies. Therefore, an individual must carry out business on behalf of these entities. According to the Companies Code, comprehensive representative authority is typically limited to an individual known as the Chief Executive Officer (referred to as CEO).⁵ In the Partnership Law, comprehensive authority can be given to partners⁶, but the Registration Law allows only one individual to be registered as the managing partner.⁷

However, in large businesses, it is impractical for the CEO or a managing partner to oversee every transaction, leading to situations where employees may undertake unauthorized transactions with third parties. For example, one of the largest banks in Mongolia, Khaanbank, has 97 branches in Ulaanbaatar and 449 branches in the countryside. The managers of all these branches enter into contracts with third parties on behalf of the bank. In such circumstances, where a transaction conducted by the branch manager on behalf of the bank was invalidated, the security of the transaction would be compromised.

Large businesses cannot have every transaction approved by the CEO, so employees' authority often extends beyond their formal authorization. This lack of control poses questions about the liability of the agent and the principal. While third parties are expected to verify an agent's authority, they cannot know all the internal details of legal entities. If parties to a transaction were required to verify whether the representatives of the other party have the authority to act, as is currently the case in Mongolia, the transaction costs would be significantly higher. Therefore, enhancing transaction security remains a significant challenge in Mongolia.

Theorytically, “there are three different types of authority granted by law which produce, in effect, the same legal consequences as authority created by an explicit jural act⁸ of the principal”.¹ These are called doctrine of “implied authority”, “tolerated authority”, and “apparent authority”.²

¹ Government of People’s Republic of Mongolia, Decree No. 20 On some measures to transfer the economy to market regulation.

² Gan-Ochir.D et al, Mongolian economy – 30 years: lessons and solutions, *Tovkhimol* 15, 11 (2018).

³ Buyankhishigh.B, Transition of property system in Mongolia, 45 (2023).

⁴ Davaanyam.G, Concept of the Apparent Authority in The Article 65.1 of Civil Law and its Application, 64 *NUM L.Rev.1* № 4 124, 125 (2023).

⁵ Article 83.8 of Companies Code.

⁶ Article 21.1&21.2, 28.2, 32.4 of Partnership Code.

⁷ Article 10.1.10 of Legal Entities Registration Code.

⁸ Express authority.

Implied authority is created when the principal's behavior can be interpreted as authorizing the agent. It is based on the principal's intent to transact, but it is not made expressly known to the third party.³

Tolerated authority is an omission by a principle who knows about the conduct of his de facto agent and shows his consent by failing to do anything that would prevent the appearance of authority.⁴

Apparent authority is created when someone acquires the legal appearance of authorization although, in reality, such individual is unauthorized.⁵

The Civil Code of Mongolia addresses only "implied authority" among these three types. Article 65.1 of the Civil Code states that if a person creates a situation where another reasonably believes they have authority, the principal cannot deny that authority. However, this provision is not enough to protect transaction security and business sustainability. Because of that Article 65.1 covers only one aspect of the well-developed doctrine widely used in countries with long-established market economies. In other words, Article 65.1 of the Civil Code reflects the concept of "implied authority" among the three concepts. This raises the question: Can article 65.1 of the Civil Code be applied in the context of disputes related to the concept of "apparent authority"?

In modern commercial relations, the notion of apparent authority is crucial for business sustainability⁶. In Mongolia, most of the cases regarding the application of Article 65.1 of the Civil Code are the aspect of apparent authority. The concept of apparent authority is a doctrine that protects third parties who rely on an external representation that, while differing from reality, is attributable to the true owner of the right.⁷The doctrine is based on Article 13, Section 13.1 of the Civil Code, encompassing the "principle of good faith," including the doctrine of estoppel, which prohibits acts or omissions that contradict one's own previous actions or omissions.⁸The Supreme Court of Mongolia has applied this doctrine based on article 65.1 of the Civil Code in several cases, but the article 65.1 lacks a precondition that requiring third parties to act in good faith.

The rotetically, application of the apparent authority doctrine requires that the following preconditions must be met simultaneously⁹:

The expression differs from reality.

The expression is attributable to the true owner of the rights.

The third-party relied on the expression in good faith.

It is essential to determine the reliance of the third party. The legislator used the legal term "in good faith" to define this reliance.¹⁰In other words, if the third party did not know or could now know that the representative lacks authority, they are considered in good faith.¹¹ However, if the third party knew or could have known but failed to do so due to carelessness, they are deemed in bad faith. ¹²If the third party neither

¹Edwin R. Holmes, Apparent authority and undisclosed principal under German Law, 4 California Western Inter. L. J, 340, 348 (1974).

²Id.

³ Kropholler, Die Anscheinshaftung im internationalen Recht der Stellvertretung, 36 NEUE JURISTISCHE WOCHENSCHRIFT 1641 (1965); Edwin R. Holmes, Apparent authority and undisclosed principal under German Law, 4 California Western Inter. L. J, 340, 348 (1974)

⁴See Apparent authority and undisclosed principal under German Law, 4 California Western Inter. L. J, 340, 348 (1974).

⁵Id., at 349.

⁶ Vaidas Jurkevičius, Yuliia Pokhodun, The Doctrine of Apparent Authority as a Precondition for Sustainable Business, 6 The International Journal of Entrepreneurship and Sustainability Issues 2, 649, 651-652 (2018).

⁷Krückmann, Rechtsbesitz, Rechtsschein in der Theorie des Gemeinen Rechts, Archiv für die civilistische Praxis, 1912, 108. Bd., H. 2/3, 179, 180 (1912).

⁸ Robert Brand Stone, Agency--Reco Agency--Recovery in Tort Under the Theor t Under the Theory of Apparent Authority or Agency by Estoppel, 69 West Virginia University College of Law 2, 186, 186-187, 192 (1967); Robert James Gerstung, Delivery to Imposters May be Effective: Apparent Authority of Estoppel? - Regal Shop Co. v. Legum Co., 16 Maryland Law Review 2, 154, 155(1956); See also Davaanyam.G, Concept of the Apparent Authority in The Article 65.1 of Civil Law and its Application, 64 NUM L.Rev.1 №4 124, 129(2023).

⁹ Robert James Gerstung, Delivery to Imposters May be Effective: Apparent Authority of Estoppel? - Regal Shop Co. v. Legum Co., 16 Maryland Law Review 2, 154, 155(1956); Walter Wheeler Cook, Agency by Estoppel, 5 Columbia Law Review 1, 36, 46 (1905).

¹⁰Article 65.1, 90.1, 90.2, 92.1 of Civil Code.

¹¹Buyankhishig.B, Introduction to Civil Law, 246 (Soembo., 4th ed.,2021).

¹²Id., at 246.

knew nor could have known that the representative lacked authority, reliance on the representative is established, and the protection of that reliance becomes a relevant issue.

In court practice, Article 65.1 of the Civil Code is frequently applied to transactions conducted by representatives who are not authorized to represent the company.¹ However, when deciding the case, the court does not assess whether the third party acted in good faith, if the third party acted in bad faith². For example, in Supreme court case No. 2018.05.24, No. 001/XT2018/00848 involving "Ts" LLC versus "H" LLC, "Ts" LLC is liable for fulfilling obligations under a credit-based cement sales contract with "H" LLC, seeking recovery of 135,908,400 MNT.

However, "H" LLC contended that the signatory lacked authority to represent the company. The facts revealed that 1) the "Cement Sale-Purchase Agreement" between "C" LLC and "H" LLC was signed on September 19, 2012, bearing the stamp of "H" LLC, and 2) it was established that G.L., not employed by the company nor authorized to represent it, signed as chairman of the board directors.

Despite these findings, the Supreme court concluded that there was no basis under Article 65.1 of the Civil Code to declare the agreement invalid. To protect third-party reliance in such cases, it is crucial to ascertain whether the third party knew or should have known about the representative's authority. However, the resolution did not examine whether the third party was aware or negligent regarding the representative's lack of authority, as article 65.1 of the Civil Code does not explicitly protect third parties in good faith. Particularly, in protecting third party in good faith, although article 65.1 of the Civil Code was considered applicable based on the contractual stamp of "H" LLC, the assessment of the third party's integrity remains unaddressed in the Supreme court resolution.

III. DOCTRINE OF APPARENT AUTHORITY OF JAPANESE LEGISLATION

A. Doctrine of apparent authority in Japanese Civil Code

Apparent authority (表見代理) is a fundamental doctrine within the Japanese legal framework governing agency relationships and contractual obligations. It addresses situations where third parties engage with agents whom they reasonably believed to have authority to act on behalf of a principal, even if that authority is not explicitly granted.³

Apparent authority is primarily governed by provisions within the Civil Code of 1896, specifically Articles concerning agency relationships (mandate) and contracts (obligations). Key articles are article 110, 112.1, 109.1 of Civil Code.⁴ For example, Article 109.1 states that "A person who indicates to a third party that the person granted certain authority to represent to another person is liable for an act performed between that other person and that third party within the scope of the authority to represent; provided, however, that this does not apply if the third party knew or did not know due to negligence that the other person has not been granted the authority to represent".

The doctrine of apparent authority under the Japanese Civil Code plays a crucial role in facilitating commercial transactions and protecting the reliance of third parties. By ensuring that principals are held accountable for the actions of their agents when third parties reasonably rely on apparent authority, the law promotes reliability in business dealings.⁵

Doctrine of apparent authority in Japanese Commercial Code and Companies Code

Apparent authority is a vital concept in Japanese commercial and corporate law, governing the relationship between principals (companies) and third parties who transact with their agents. This paper explores the legal foundations of apparent authority under both Japanese Commercial Code (商法 / Shouhou) as well as Companies Code (会社法 / Kaishahou).

Doctrine of apparent authority in Japanese Commercial Code of 1899

As the business grows, there is a need for someone to assist the merchant in some way.⁶ So the Japanese Commercial Code of 1899 recognizes three types of the apparent authority doctrine. The doctrine protects

¹ Supreme Court 2018.02.02 №001/XT2018/170; Supreme Court 2018.10.12 №001/XT2018/1387; Supreme Court 2019.03.14 №001/XT2019/354; Supreme Court 2020.05.28 №001/XT/249; Supreme Court 2022.04.28 №001/XT2022/537; Supreme Court 2022.11.08 №001/XT2022/1058; Supreme Court 2022.12.06 №001/XT2022/1215; Supreme Court 2023.05.02 №001/XT2023/69.

² Supreme Court 2023.05.02 №001/XT2023/69.

³ Hiroto Dogauchi, Legal bases: Introduction to Civil Law, 105 (Japanese Keizai Shinbun print., 2019).

⁴ Hiroto Dogauchi, Legal bases: Introduction to Civil Law, 105-106 (Japanese Keizai Shinbun print., 2019).

⁵ Manabu Wagatsuma, Tomoko Ariizumi, et al., Commentary on Civil Code, 238 (Nihon Hyoronsha, 7th ed., 2021).

⁶ Kogaki Noritake, Ito Yoshihiro et al., Basics of Japanese Commercial Law, 251 (Yuhikaku., 2022).

innocent third parties who have relied on the representations of those whom the principal presents as having the authority to act on their behalf.

Firstly, under Article 21.1 the Manager's authority to act as agent is authorized to engage in all acts, both in and out of court, on behalf of the merchant in connection with the merchant's business. It stipulates that any limitation on a manager's authority cannot be invoked against a third party acting in good faith.¹

Secondly, Apparent Manager, as defined in Article 24.1 designates an employee with a title indicating responsibility for operations at a merchant's place of business as having authority to conduct all out-of-court acts related to those operations, unless the other party is aware to the contrary.²

Thirdly, Salem an of stores at which it is intended that goods will be sold, according to Article 26.1, specifies that employees of stores where goods are intended for sale or transfer are deemed to have authority to sell or transfer those goods, with the provision that this authority does not apply if the other party is aware otherwise.³ To protect public trust and ensure transaction security, store salesman are considered authorized to act on behalf of the stores, regardless of their actual authorization status.⁴

B. Doctrine of apparent authority in Japanese Companies Code of 2005

In the realm of Japanese Companies Code, both Joint Stock Companies and Membership Companies confer significant authority upon their representatives.⁵ According to Article 349, Representative Directors of Joint Stock Companies wield comprehensive authority, encompassing all judicial and non-judicial acts pertaining to the company's operations.⁶ Crucially, any limitation on this authority cannot be invoked against a third party acting in good faith.⁷

Similarly, under Article 599.4, members representing Membership Companies, who enjoy similar comprehensive authority, are empowered to execute all judicial and non-judicial acts related to the company's operations.⁸ As with Representative Directors, limitations on the authority of these members cannot be asserted against a third party who acts in good faith.⁹ These provisions underscore the importance of protecting the reliance of third parties in corporate transactions, ensuring stability and security in business dealings under Japanese law.¹⁰ However, this doctrine does not apply to tort cases as it is designed for transactional security.¹¹

In Summary, The Apparent authority under the Japanese Commercial Code and Companies Code is essential for fostering trust and reliability in commercial transactions. By clarifying the extent of an agent's authority and holding principals accountable for the actions of their agents within the scope of apparent authority, the law promotes stability and security in corporate governance and business dealings.

Conclusion

Thirty-four year long gradual progression of Mongolia's commercial legislation has focused on establishing a fundamental understanding of private property and business ownership. However, with the evolution of market economy and the increase in the number of merchants, a legal framework that ensures the business sustainability has become crucial. This study, primarily discussed in the context of protecting the transaction security, compares the doctrine of apparent authority in legal regulations of Mongolia as well as Japan.

Article 65.1 of the Civil Code of Mongolia may be rooted in the concept of "implied authority." Nevertheless, in practice, the Supreme Court of Mongolia has adjudicated cases based on the doctrine of "apparent authority." However, the entry only articulates the idea of "implied authority," making it challenging to apply the provisions consistently and to establish necessary preconditions. Notably, the court does not determine whether the third party knew or could have known that the representative lacked authority.

In Japan, the doctrine of "apparent authority" is legislated not only in the Civil Code but also in the Commercial Code and Companies Code to secure the commercial transactions. The Japanese framework

¹ Article 21.3 of Commercial Code.

² Mitsuo Kondo, Current study of Japanese Commercial Law, 32 (Yuhikaku, 10th ed., 2019).

³ Mitsuo Kondo, Current study of Japanese Commercial Law, 30, 32-33 (Yuhikaku, 10th ed., 2019).

⁴ Mitsuo Kondo, Current study of Japanese Commercial Law, 33 (Yuhikaku, 10th ed., 2019).

⁵ Tanaka Wataru, Corporate Law, 239, 769-770 (Tokyo Daigaku., 3rd ed., 2022).

⁶ Article 349.4 of Companies Code.

⁷ Article 349.5 of Companies Code.

⁸ Article 599.4 of Companies Code.

⁹ Article 599.5 of Companies Code.

¹⁰ Tanaka Wataru, Corporate Law, 239, 769-771 (Tokyo Daigaku., 3rd ed., 2022).

¹¹ Takahashi Mika, Kasahara Takeaki et al., Company Law, 181 (Seibundou, 3rd ed., 2022).

considers that it would be fair to protect the warranty of a clause if the third party did not know or could not have known that the agent lacked full authority to represent within the scope of the preconditions.

Therefore, to enhance merchants' transaction security, the doctrine of "apparent authority" should be codified in Mongolia's Commercial as well as Company Codes. This codification will significantly reduce transaction costs and promote the business sustainability in Mongolia.

References

I. Books, articles

1. Buyankhishig.B, Introduction to Civil Law, 245 (Soembo., 4th ed., 2021).
2. Buyankhishig.B, Transition of property system in Mongolia, 45 (2023).
3. Davaanyam.G, Concept of the Apparent Authority in The Article 65.1 of Civil Law and its Application, 64 NUM L.Rev.1 №4 124 (2023).
4. Gan-Ochir et al, Mongolian economy – 30 years: lessons and solutions, *Tovkhimol* 15, 11 (2018).
5. Gerard Dannemann, Reiner Schulze, German Civil Code: Article by Article Commentary, 230 (Verlag., 2020).
6. Hiroto Dogauchi, Legal bases: Introduction to Civil Law, (Japanese Keizai Shinbun print., 2019).
7. Kropholler, Die Anscheinshaftung im internationalen Recht der Stellvertretung, 36 NEUE JURISTISCHE WOCHENSCHRIFT 1641 (1965).
8. Krückmann, Rechtsbesitz, Rechtsschein in der Theorie des Gemeinen Rechts, *Archiv für die civilistische Praxis*, 108. Bd., H. 2/3, 179 (1912).
9. Manabu Wagatsuma, Tomoko Ariizumi, et al., Commentary on Civil Code, (Nihon Hyoronsya, 7th ed., 2021).
10. Mitsuo Kondo, Current study of Japanese Commercial Law (Yuhikaku, 10th ed., 2019).
11. Robert Brand Stone, Agency--Reco Agency--Recovery in Tort Under the Theor t Under the Theory of Appar y of Apparent Authority uthority or Agency by Estoppel, 69 West Virginia University College of Law 2, 186 (1967).
12. Robert James Gerstung, Delivery to Imposters May be Effective: Apparent Authority of Estoppel? - Regal Shop Co. v. Legum Co., 16 Maryland Law Review 2, 154(1956).
13. Vaidas Jurkevičius, Yuliia Pokhodun, The Doctrine of Apparent Authority as a Precondition for Sustainable Business, 6 The International Journal of Entrepreneurship and Sustainability Issues 2, 649 (2018).
14. Walter Wheeler Cook, Agency by Estoppel, 5 Columbia Law Review 1, 36 (1905).
15. Edwin R. Holmes, Apparent authority and undisclosed principal under German Law, 4 California Western Inter. L. J, 340 (1974).
16. Tanaka Wataru, Corporate Law (Tokyo Daigaku., 3rd ed., 2022).
17. Takahashi Mika, Kasahara Takeaki et al., Company Law (Seibundou, 3rd ed., 2022).

II. Court decision

1. Supreme Court 2018.02.02 №001/XT2018/170.
2. Supreme Court 2018.10.12 №001/XT2018/1387.
3. Supreme Court 2019.03.14 №001/XT2019/354.
4. Supreme Court 2020.05.28 №001/XT/249.
5. Supreme Court 2022.04.28 №001/XT2022/537.
6. Supreme Court 2022.11.08 №001/XT2022/1058.
7. Supreme Court 2022.12.06 №001/XT2022/1215.
8. Supreme Court 2023.05.02 №001/XT2023/69.

УДК 340(510)

**Проблемы органов управления юридического лица,
опыт Китайской Народной Республики***

© Ли Ванли
магистрант 1-го курса,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита; КНР, г. Харбин
liwanli6000@163.com

В данной статье рассматриваются проблемы деятельности органов управления юридических лиц в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Особое внимание уделяется вопросам прозрачности управления, защиты прав миноритарных акционеров и эффективности процедур ликвидации юридических лиц в России. Представлены рекомендации по переносу китайских практик в российскую систему корпоративного управления для повышения ее эффективности и прозрачности.

Ключевые слова: органы управления, юридические лица, корпоративное управление, Китайская Народная Республика, прозрачность управления, правоприменение.

**Problems of bodies of a legal entity,
the experience of the People's Republic of China**

© Li Wanli
1st year master's student,
Transbaikal State University
Russia, Chita; China, Harbin
liwanli6000@163.com

This article examines the problems of the activities of the governing bodies of legal entities in the Russian Federation and the People's Republic of China. Special attention is paid to the issues of transparency of management, protection of the rights of minority shareholders and the effectiveness of liquidation procedures for legal entities in Russia. Recommendations on the transfer of Chinese practices to the Russian corporate governance system to increase its efficiency and transparency are presented.

Key words: governing bodies, legal entities, corporate governance, People's Republic of China, transparency of management, law enforcement.

На сегодняшний день современная наука и правоприменительная практика требуют тщательного изучения порядка деятельности и организации работы в органах управления юридических лиц как в корпоративном праве Российской Федерации так на примере зарубежного законодательства. Необходимо отметить, что аспекты деятельности органов управления в настоящее время являются предметом большого интереса исследований как практиков, так и у научного сообщества.

Органы управления юридическими лицами в России и Китае имеют свои сходства и различия, обусловленные спецификой правовых систем и экономических моделей каждой страны. Чтобы лучше понять данные характеристики, нужно кратко охарактеризовать особенности органов управления юридических как на примере Российской Федерации, так и Китая.

В России юридические лица управляются несколькими ключевыми органами. Так, например, высшим органом общества с ограниченной ответственностью является общее собрание участников общества (п. 1 ст. 32 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2]), (либо для акционерных обществ - акционеров), которое принимает важные решения, Так например в ст. 48 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [1] к компетенции общего собрания акционеров относятся принятие, утверждение либо изменение устава, выплата дивидендов, избрание единолично исполнительного органа организации, утверждение годовых отчетов и распределение прибыли. Это собрание также решает вопросы реорганизации и ликвидации компании.

* Доклад отмечен Благодарственным письмом от Народного Хурала Республики Бурятия, 27 июня 2024 г.

Следующий уровень управления в юридическом лице представлен советом директоров (иначе может быть наблюдательный совет). Этот орган занимается стратегическим руководством организации, определяет основные направления развития деятельности, а также может формировать исполнительные органы. В данном случае можно сказать, что совет директоров как орган юридического лица осуществляет важную роль в обеспечении баланса интересов акционеров и аппарата управления лица.

И наконец, исполнительный орган, который может быть представлен как единоличным руководителем, так и коллегиальным органом. В Российской Федерации данный уровень управления несет ответственность за текущее управление деятельностью компании. Он может быть представлен как генеральным директором так, например и правлением. Исполнительный орган реализует решения, принятые советом директоров и общим собранием акционеров или участников, и отвечает за повседневное функционирование компании.

Далее рассмотрим особенности в Китайской Народной Республике. В Китае структура управления юридическими лицами во многом схожа с российской, однако имеет свои особенности.

Основным органом управления юридического лица является общее собрание акционеров, которое, как и в Российской Федерации, обладает достаточно обширным кругом полномочий, таким как выбор и отзыв членов правления и наблюдательного совета, утверждение стратегических планов и отчетов. Только общее собрание акционеров обладает полномочиями по изменению основных документов компании, таких как устав.

Правление либо же совет директоров в свою очередь выполняет функции, аналогичные российскому совету директоров юридического лица. Однако в Китае в состав правления часто входят представители трудового коллектива и партийных организаций, что отражает влияние государства и партийных структур на управление предприятиями, но также как и в российских компаниях, оно руководит организацией и назначает исполнительные органы. В соответствии с законодательством Китайской Народной Республики, регулирующее корпоративное право, функции совета директоров являются относительно смешанными. Так, например, в соответствии с пп. 1–2 ст. 46 Закона КНР «О компаниях» данный орган обязан исполнять решения общего собрания акционеров, а в соответствии с пп. 3–10 ст. 46 того же закона совет директоров должен принимать решения по делам, связанным с текущей деятельностью организации.

Исполнительный директор в свою очередь отвечает за повседневное управление. В китайском законодательстве положения об исполнительном органе компании изложены недостаточно подробно. Однако предусматривается, что данный орган управления назначается и подчиняется правлению, но бывают случаи что один и тот же человек занимает должности председателя правления и исполнительного директора одновременно, что, по нашему мнению, может способствовать укреплению контроля и управления на уровне высшего менеджмента. Ян Тяньфан в своем исследовании указывает, что «Статья 13 Закона «О компаниях» [3] предусматривает, что председатель совета директоров, исполнительный директор или директор компании занимает должность законного представителя компании в соответствии с зарегистрированным уставом компании. Множественность единоличного исполнительного органа китайским законодательством не разрешается» [5, с. 117].

Китайское законодательство уделяет особое внимание к наблюдательному совету юридического лица, который должен состоять не менее чем из трех членов. В своей деятельности контролирует работу правления. Наблюдательный совет подчиняется общему собранию акционеров и назначает членов правления. Для того чтобы применять многогранный подход к контролю и снизить риски злоупотреблений полномочиями правления, в данный орган избираются представители акционеров и работников. При определенных условиях наблюдательный совет и совет директоров даже могут не создаваться. Соответственно, вместо них выполняют функции наблюдатель(и) и исполнительный директор.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в обеих рассмотренных странах имеется схожая система органов власти, но имеются некоторые особенности, которые на наш взгляд имеют положительный опыт функционирования и управления деятельностью организации.

Теперь рассмотрим основные проблемы, которые встречаются в практике управления юридическими лицами в Российской Федерации.

Во-первых, недостаточная прозрачность управления компаниями. Данная проблема особенно актуально для крупных российских компаний с большим составом акционерами. Достаточно часто возникают конфликты интересов между акционерами и управляющими органами юридического лица.

Миноритарные акционеры часто оказываются в уязвимом положении из-за отсутствия надежных механизмов защиты своих прав. Также иногда управленческие решения принимаются в пользу узкого круга лиц, что подрывает доверие к корпоративному управлению в целом.

С этим связана ещё одна проблема – злоупотребления со стороны мажоритарных акционеров. В российских компаниях это явление встречается довольно часто: крупные акционеры могут манипулировать акциями, распределять прибыль в свою пользу и игнорировать интересы малых акционеров. Это создает дополнительные риски и препятствия для привлечения инвестиций, особенно иностранных, которые ищут стабильные и предсказуемые условия для ведения бизнеса.

Во-вторых, сложность процедур ликвидации юридических лиц. Данный процесс зачастую требует значительных временных и финансовых затрат, что может негативно сказаться на бизнесе. В случае банкротства этот процесс часто затягивается, что увеличивает риски для кредиторов и партнеров компании.

Проблемным аспектом в России является и то, что несмотря на достаточно частые внесения изменений и дополнений в национальное законодательство относительно регулирования юридических лиц, оно все еще не полностью соответствует мировым стандартам. Данный факт негативно складывается в сфере инвестирования, так как иностранные инвесторы зачастую хотят четкости и стабильности в деятельности организации.

Учитывая вышеперечисленные факты, считаем, что для устранения пробелов и коллизий в законодательстве Российской Федерации можно перенять положительный опыт других стран. По мнению исследователей, в Китае также существуют проблемы с органами управления юридических, однако есть и интересные идеи, которые могли бы быть полезны в практике организации и управления юридическими лицами.

Одним из таких полезных инструментов являются рассмотренные нами ранее наблюдательные советы, в частности подход к детальному закреплению функции в законодательстве, который более детализировано и точно закрепить их, и избежать расплывчатости в деятельности данного органа. Также, по нашему мнению, привлечение работников к управлению является фактором включения в управленческую деятельность мнения людей, которые видят деятельность организации изнутри, а также бы способствовало уменьшению конфликтов. Наконец из практики корпоративного управления Китая можно перенять в российское законодательство необходимость создания специальных комитетов в управлении, таких как комитеты по аудиту, назначениям и вознаграждениям. Создание данных комитетов способствовало бы эффективности отслеживания ключевых аспектов работы юридического лица, а также и снижению рисков его деятельности.

Таким образом, несмотря на то, что имеются различия, как в правовых системах, так и в экономических моделях рассматриваемых стран, перенос некоторых китайских практик в российскую систему законодательства регулирующее деятельность органов юридических лиц, по нашему мнению, может способствовать повышению прозрачности, подотчетности и эффективности управления, но при этом необходимо подчеркнуть важность культурных и экономических особенности каждой страны, чтобы адаптировать лучшие практики и обеспечить их успешное внедрение.

Литература

1. Об акционерных обществах: федер. закон [от 26.12.1995 № 208-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Рос. газета. 1995. № 248. 29 декабря.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон [от 08.02.1998 № 14-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Рос. газета. 1998. № 30. 17 февраля.
3. Закон Китайской Народной Республики «О компаниях». URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-useful-info/China_law_companies.pdf (дата обращения: 15.06.2024).
4. Ян Тяньфан. Правовое регулирование корпоративного управления в РФ и КНР: сравнительное исследование: дис. ... канд. юр. наук: 5.1.3. (12.00.03) / Ян Тяньфан. Москва, 2022. 268 с.

УДК 339.742(470+510)

Электронные средства платежа по законодательству России и Китая

© В. А. Лютов

старший преподаватель кафедры
уголовного права и уголовного процесса,
Забайкальский государственный университет,
Россия, г. Чита
lyutovva89@gmail.com

В статье рассматривается понятие, виды и предмет электронного средства платежа по законодательству России и Китая. Акцентировано внимание на разнице правового регулирования электронных средств платежа в России и Китае. Проведен сравнительный анализ положений законодательства России и Китая, касающиеся электронных средств платежа.

Ключевые слова: электронные средства платежа, цифровая валюта, электронные деньги, средства платежа, платежная карта, информационно-коммуникационные технологии.

Electronic means of payment under the legislation of Russia and China

© V. A. Lyutov

Senior Lecturer,
Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
Transbaikal State University,
Russia, Chita
lyutovva89@gmail.com

The article discusses the concept, types and subject of electronic means of payment under the legislation of Russia and China. Attention is focused on the difference between the legal regulation of electronic means of payment in Russia and China. A comparative analysis of the provisions of the legislation of Russia and China concerning electronic means of payment is carried out.

Key words: electronic means of payment, digital currency, electronic money, means of payment, payment card, information and communication technologies.

Развиваясь до начала 2020-х годов в условиях глобализации Россия и Китай стремились обеспечить максимально возможную совместимость регулирования и основных понятий с международными и устоявшимися в мире понятиями и нормами. Как отмечают китайские аналитики, правительство Китая сталкивается с необходимостью разработки «всеобъемлющего регулирования» в рассматриваемой сфере соответствии с международными нормами и стандартами» [1]. В то же время, эскалация санкций в отношении России и усиление экономического давления на Китай со стороны США вынудили обе страны, защищая свой рынок и безопасность, скорректировать свои позиции, ориентировать регулирование на решение национальных задач, а также задач двустороннего взаимодействия.

Понятие «средства платежа» активно применяется в финансовом и экономико-правовом дискурсе, а также разрабатывается в экономической теории уже не одно столетие. Сегодня устоялась их следующая классификация:

- наличные деньги (банкноты и монеты) – законное средство платежа (статьи 29 и 30 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»);
- депозитные деньги обеспечивающие доступ к банковскому счёту, в том числе банковские карты, обеспечивающие доступ к специальным банковским счетам посредством протоколов взаимодействия и клиринга международных и российских платёжных систем.
- электронные деньги – имеющие ценность реальных денег бессрочные денежные обязательства, представленные в электронном виде.

Легальное определение электронных денежных средств в п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» только в своей основной части [2] состоит из 59 слов и чрезвычайно сложно. Закон выводит за рамки определяемого понятия денежные средства, полученные организациями, участниками рынка ценных бумаг, занимающихся клирингом, при-

влекающих инвестиции, операторов финансовых платформ, управляющих инвестиционными и иными фондами.

В российской финансово-правовой доктрине под электронными деньгами понимаются виртуальные денежные единицы для виртуальных расчетов, имеющие равную с наличными ценность, но обращающихся в интернете [3]. С другой точки зрения электронные деньги понимаются как указано выше, как специфическое денежное обязательство с возможностью погашения наличными деньгами [4]. Кроме того, часть исследователей считают электронные деньги новым средством платежа, способным обеспечить транзакции без доступа к депозитным счетам [5]. В контексте предмета настоящего исследования сосредоточимся на этом направлении.

В соответствии с п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» под электронным средством платежа понимается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств.

Определение многословно (49 слов), логически не выстроено, основное понятие «...*средство* платежа» определяется через «*средство* и (или)...», т. е. через само себя. Кроме того, формулировка закона содержит указания на неопределенные процессы и явления, как например, на «*применяемые формы*» или «*иные технические устройства*». Неточностью отличается и дублирующее указание на «использование информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также *иных* технических устройств». Дело в том, что технологии уже реализованы в носителях, картах и иных устройствах и отдельно от них применяться не могут. Указание «в том числе» должно, вероятно, предполагать наличие и иных носителей, однако, в законе почему-то указаны только платежные карты, а если понятие носителей универсально и поглощает все виды, то нет смысла уточнять «в том числе платежных карт». Также некорректным и устаревшим представляется употребление дефиниции «технические устройства», так как в процессах, обеспечивающих рассматриваемые транзакции применяются электронные и цифровые устройства, программно-аппаратные средства, но не «технические устройства» в их традиционном понимании. Отметим и некорректную формулировку: «...в рамках применяемых форм безналичных расчетов», так как клиент оператора, как и сам оператор, не могут использовать иные, «не применяемые» формы.

Прежде чем перейти к анализу доктринальных позиций по пониманию и определению электронных средств платежа, отметим, что упомянутый выше цифровой рубль в соответствии с концепцией Банка России — это проектируемая цифровая форма национальной валюты, дополняющая обращающиеся сегодня формы денег в равных по номиналу наличной, безналичной и цифровой формах. Обратим внимание, что информацию о цифровом рубле и соответствующую концепцию Банк России разместил на странице «Развитие финансовых технологий», а не на странице «Средства платежа» [6].

Что касается легального определения электронных средств платежа в законодательстве КНР, то здесь следует обратить внимание на специфику китайского подхода к регулированию, на который российские исследователи уже обращали внимание [7]. Так, разрабатывая и принимая акты правотворчества в рассматриваемой нами сфере, приоритет в Китае отдается реализации экспериментального порядка действия нормативно-правовых актов, а также подзаконному нормотворчеству.

Так, в Китае широко применяется оперативное реагирование путем принятия ведомственных актов, которые нередко не публичны и имеют режим секретности или ограниченного доступа. Так, например, с сентября 2022 г. действует секретная «директива № 79», в соответствии с которой уже к 2027 г. Китай в стратегически значимых отраслях и государственном управлении планирует полностью отказаться от импортного программного обеспечения. Так реализуется лозунг «Удалить Америку» [8]. В отличие от Китая в России аналогичные задачи ставятся легально и оформляются официально [9].

Китайский подход удобен и национальным цифровым корпорациям, освобожденным государством от западной конкуренции. Большинству западных цифровых платформ и экосистем фактически невозможно работать в Китае в силу прямого запрета, блокировки, либо крайней неопределенности законодательства в рассматриваемой сфере [10]. Кроме того, отсутствие четко формализованного механизма защиты прав интеллектуальной собственности активно помогает китайским корпорациям,

которые активно копируют и присваивают новейшие зарубежные цифровые технологии, получая на них вполне законные, по китайскому законодательству, права [11].

В то же время, для внутренних участников цифрового рынка перед регулированием ставятся приоритетные задачи: защиты прав интеллектуальной собственности в цифровом пространстве, обеспечении безопасных виртуальных сделок, регламентации деятельности цифровых платформ и экосистем, защиту прав потребителей, а также развитие безопасных и стабильных каналов международной электронной коммерции [12]. Всё это обеспечивается нормами кн. 2 недавно принятого первого в истории Китая Гражданского кодекса КНР от 1 января 2021 г., законов «О кибербезопасности» от 1 июня 2017 г. и «Об электронной торговле» от 1 января 2019 г.

Китайское законодательство пока не содержит легального понятия «цифровая валюта». Её концепция сформулирована Верховным народным судом КНР во взаимодействии с Госпланом КНР – Госкомитетом по делам развития и реформ. В этом состоит специфика китайского регулирования, при которой принцип разделения властей и компетенций действует условно, подчиняясь задачам целесообразности). Упомянутые органы оформили официальный курс на правовое и административное обеспечение защиты новых (цифровых, виртуальных) видов прав. Речь, кроме цифровой валюты идёт об информации, хранимой в цифровом виде [13]. Эта позиция нашла отражение в ст. 127 недавно принятого первого Гражданского кодекса КНР: «если законом предусмотрены нормы об охране цифровых данных или виртуального имущества, то применяются нормы соответствующего закона» [14].

С 2014 г. Народный банк Китая (далее – НБК) разрабатывает технологии национальной цифровой валюты. С начала 2020-х годов акцент сместился на развитие удобной, стабильной и эффективной инфраструктуры [15]. Правовое регулирование в этой сфере разрабатывает Народный банк Китая. С 2016 г. НБК учредил Институт цифровой валюты, который разработал общую концепцию (PoC) цифровой фиатной валюты. В конце 2017 г., с одобрения Государственного совета, приступив к проектированию верхнего уровня, НБК привлёк коммерческие организации к разработке и тестированию цифровой фиатной валюты (e-CNY). В июле 2021 г. Народный Банк Китая опубликовал релиз, концепцию цифрового юаня «Прогресс исследований и разработок e-CNY в Китае» [16].

В китайской юридической литературе цифровая валюта признается средством платежа, однако, есть и иные подходы, представляющие её как разновидность ценных бумаг или данных, записанных в электромагнитной форме, имеющих значение имущества. В свою очередь Ян Яньчао выводит природу цифровой валюты из технологий блокчейн и криптографии.

Ли Цзяньцзюнь, возражая Ци Айминю, считает цифровой валютой электронные деньги, виртуальные валюты, а также шифрованные цифровые валюты, включая фиатные, эмитированные центральными банками, дополняя этот перечень частными, т.е. не государственными цифровыми валютами. Конкретизируя свою позицию, автор предлагает объединить в общем понятии шифрованные цифровые валюты, как неофициальные (криптовалюта), так и официально эмитируемые (включая CBDC).

Эта позиция близка глобальным либеральным трендам и поддерживается рядом китайских аналитиков. Так, необходимость формирования эффективной международной системы регулирования цифровой валюты, Чун Ли аргументирует потребностью минимизировать издержки различий в национальных системах регулирования, юрисдикционных споров, пресечении трансграничных преступлений [17].

Как видно, китайские авторы уделяют основное внимание цифровой валюте (CBDC), которую активно разрабатывают в России, Китае, как и центральные банки многих развитых государств.

Народный банк Китая в 2014-2019 гг. формировал систему цифрового юаня (数字人民币; e-CNY) в назначении цифрового средства платежа (DC/EP – Digital Currency Electronic Payment). В ст. 19 закона КНР о Народном банке от 23 октября 2020 г. содержится указание на то, что юань эмитируется и обращается в наличной и виртуальной, цифровой форме [18], которая, будучи официальной цифровой валютой, не есть легализация криптовалюты. В данном случае речь идёт о придании официального статуса новому виду платежного средства (фиатной валюте).

По своей юридической природе цифровой юань аналогичен наличному юаню, имея в то же время, свойства безналичных юаней, позволяя держателям проводить удаленные платежи и виртуальные расчеты. Цифровой юань, как и разрабатываемый цифровой рубль, существует как уникальный цифровой код, аккумулируется в специальном электронном кошельке, где все пользователи должны быть идентифицированы.

Планируемое внедрение российского цифрового рубля потребует уточнения или его сопряжения с понятием «средство платежа». Несмотря на легальное закрепление рассматриваемого понятия, оно продолжает активно обсуждаться в специальной экономической и юридической литературе, где сложилось несколько основных подходов. Согласно первому, ЭСП это не что иное как платежные инструменты, согласно второму – это вид ценной бумаги. В данном случае банковская карта признается эмитируемым банком документом, подтверждающим действительность и объемы, аккумулированных на счете средств. Таким образом, владея такой «ценной бумагой», держатель карты осуществляет транзакции со своего счёта [19]. Слабость такого рода позиции в том, что карты, которые применяются в доминирующих сегодня виртуальных расчётах и переводах не являются документами, ведь, лишившись доступа к счёту, а также при отсутствии на нём средств они лишаются своей ценности.

ЭСП это разновидность, либо синоним электронных денежных средств (далее – ЭДС). Приведём в качестве примера позицию Минфина РФ, который допускает использование рассматриваемых понятий как синонимов. В российской литературе нередко приводятся предельно лаконичные определения электронных средств платежа, например, как «платежных инструментов, не требующих контактного обращения в банк».

В специальной литературе банковские карты нередко признаются ЭСП, как разновидностью электронных денег. При этом электронные платежные системы классифицируются на два основных вида:

- системы электронного (удаленного) доступа к банковским счетам;
- «свободные» от банков и обязательного открытия счетов платежные системы.

Иной подход, в соответствии с регулированием Европейского центрального банка (далее – ЕЦБ), определяет такие системы как денежную стоимость в электронной (цифровой, виртуальной) форме на цифровом устройстве. Практическое их применение – упрощённые в сравнении с традиционными, платежи без транзакций с банковских счетов. В данном случае речь идёт о предоплаченном (авансированном) финансовом продукте. В целом же электронные платежные системы могут функционировать, используя два подвида ЭСП, с доступом и без такового к банковскому счету.

Несмотря на близость (применительно к общей сфере обращения/ применения) рассматриваемых понятий, они все же не синонимы, так как ЭДС представляют собой форму безналичных денежных средств, имеющих внутреннюю стоимость, тогда как ЭСП это лишь резервуар, который наполняется ЭДС, но сам по себе ценности не имеющий, если нет доступа к источнику наполнения, т. е. банковскому счету.

Наиболее, на наш взгляд, близким для определения ЭСП является их простое понимание как законного платежного инструмента, посредством которого субъект может осуществить денежную транзакцию. Институционализация ЭСП важна, так как предоставляет им равные права с традиционными платежными инструментами.

Реализуя свои конституционные права собственности и свободы экономической деятельности, гражданин вправе распоряжаться деньгами посредством любых расчетных документов, в том числе, электронных или удостоверенных с помощью ЭЦП. По сути, эта позиция лишь соглашается с комментарием А. М. Эрделевского положений ГК РФ, в соответствии с которыми гражданин может распоряжаться своими и иными, при наличии на то полномочий, деньгами с использованием различных инструментов [20].

В российской литературе нередко указания на ЭСП как на «постоянно видоизменяющийся инновационный платежный инструмент» [21]. В части доминирующего сегмента платежных карт это не соответствует действительности, так как первую успешную пролонгированную кредитную карту Bank of America запустил в Калифорнии ещё в 1958 г., а с 1966 г. эта система начала работу в Великобритании, а затем и других странах, а магнитная полоса была стандартизована ещё в 1971 г. В этом смысле карта и заложенные в её основу принципы работы (расчётов) инновацией, как это полагает М. В. Лушникова, считаться не могут.

Важно, что ЭСП не трансформируют деньги в иные формы и состояния, не придают им новых качеств, а лишь оптимизируют форму и способ обращения под современные требования и реалии информационной экономики. Здесь ЭСП выступают не «новыми» деньгами, а денежными (в национальной или иной валюте) обязательствами, номинированными в цифровой платежной системе [22]. В данном случае ЭСП, не будучи деньгами, а лишь платежными инструментами, упрощают доступ к находящимся на банковском счете деньгам, а также, как полагает большинство авторов «обеспечивают безопасность» [23].

Еще одно исследовательское направление сосредоточилось на том, что ЭСП это ни что иное как заменители наличных денег. В частности А. В. Юров исходит из того, что, будучи электронными аналогами наличности, ЭСП активно содействуют не только оптимизации денежного обращения, но также и снижают потребность в наличности в обращении [24]. Эта позиция представляется не вполне аргументированной. Так, например, по данным ЦБ РФ на 1 января 2023 г. объём наличных рублей в обращении достиг 16,4 трлн. руб., что на 2,3 трлн. руб. больше, чем в соответствующий период 2022 г. На 1 июля 2023 г. в обращении было уже более 17,8 трлн. руб., что свидетельствует об устойчивом росте наличной денежной массы в обращении, несмотря на развитие ЭСП. Эта тенденция характерна и в глобальном масштабе. Так, несмотря на рост доли безналичных платежей, прослеживается и устойчивая тенденция роста объема наличной денежной массы.

Практика рассмотрения ЭСП как прямой альтернативы наличным деньгам представляется ошибочной. Следует согласиться с Г. И. Лунтовским в том, что даже самое интенсивное развитие ЭСП (рост числа и объемов совершаемых с ними операций) демонстрирует их значимую роль и востребованность, что, однако, не свидетельствует о возможности, а тем более – цели полного замещения наличных денег [25].

В то же время, Банк Китая констатирует снижение доли наличных транзакций до 16-20% от всего оборота, что вызывает сомнения, так как данные приводятся на основании опросов, не включают теневую экономику и мелкие бытовые сделки, а кроме того, начавшаяся пандемия искусственно сократила наличный оборот.

Рассматривая функции ЭСП через призму одной из форм денег, то функции этих средств будут идентичны функциям тех денег, доступ к которым они обеспечивают. При этом функционал ЭСП работает лишь в сочетании с банковским счетом или ЭДС, не имея самоценности.

В цивилистических исследованиях правовая природа ЭДС понимается неоднозначно. Они представляются как право требования их владельца к эмитенту, он же оператор виртуальных транзакций. Есть и сторонники выделения ЭДС как особого вида денег, имеющего вещно-правовую природу. Также следует принять во внимание и позицию отрицания того, что ЭДС это не объект гражданских прав как таковой (в классическом понимании), а «средство распоряжения правом требования выплаты денежных средств» [26].

В целом статус ЭДС в системе объектов гражданских прав сохраняет неопределенность, которая возникает из устоявшегося отнесения всего «безналичного» исключительно к содержанию счёта в банке. В деловом обороте устоялось собирательное понятие «безналичные денежные средства». При этом понятие безналичных денежных средств (ст. 128 ГК РФ) следует признать родовым для всех виртуальных денежных средств.

В заключении, отметим, что в условиях быстрого развития информационного общества и использования электронных средств платежа китайский законодатель ориентируется не на точность, логику и строгость определений, а в большей степени на поддержание неопределенности нормативно-правового регулирования в цифровой сфере, что позволяет правительству КНР активно прибегать к «ручному», ситуативному, в том числе и политически мотивированному управлению цифровой сферой, российское же законодательство имеет фиксированное нормативное определение электронных платежных систем. Соответственно необходимо развивать платежную инфраструктуру, предназначенную для обслуживания данных средств и осуществлять научное исследование природы и сущности электронных средств платежа.

Литература

1. Ван Юэ. Регулирование электронной коммерции в КНР // *Мировая наука*. 2020. № 1(34). С. 144–147.
2. Вторая часть, куда включены исключения из первой — это одно предложение, состоящее из 81 слова.
3. Садыки М. М. А. Понятие и виды электронных денег. Качественные характеристики функционирования // *Евразийский союз ученых*. 2019. № 4. 8 (61). С. 55–57.
4. Гаврилова Э. Н. Электронные деньги: сущность, функции и роль в экономике // *УЭПС: управление, экономика, политика, социология*. 2016. № 3. С. 80–86.
5. Бажанов С. В., Бут Н. Д. Состояние законности в кредитно-финансовой сфере в условиях экономического кризиса // *Банковское право*. 2017. № 3(12). С. 23–28.
6. Цифровой рубль // Банк России. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr> (дата обращения: 20.06.2024).
7. Трощинский П. В., Молотников А. Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // *Правоведение*. 2019. Т. 63. № 2. С. 309–326.

8. China Intensifies Push to 'Delete America' From Its Technolog. URL: <https://www.wsj.com/world/china/china-technology-software-delete-america-2b8ea89f> (дата обращения: 20.06.2024).

9. См.: Об утверждении требований к программному обеспечению, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, используемому органами государственной власти, заказчиками, осуществляющими закупки в соответствии с Федеральным законом "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" (за исключением организаций с муниципальным участием), на принадлежащих им значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: постановление Правительства РФ [от 22 августа 2022 г. № 1478] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 35. Ст. 6108; а также: Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации: приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ [от 18 января 2023 г. № 21] // Официальный сайт справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 16.08.2024).

10. Kynge, James; Yu, Sun Virtual control: the agenda behind China's new digital currency // Financial Times. 2021. February, 16.

11. Линлин Вэй, Боб Дэвис. Как Китай отбирает технологии у американских компаний. Пекин считает это справедливой ценой за доступ к своему рынку // Ведомости. 2018. 1 октября.

12. Регулирование электронной торговли в Китае: риски и возможности для международного сотрудничества. URL: <https://iorj.hse.ru/en/2017-12-4/212730677.html> (дата обращения: 16.08.2024).

13. Верховный народный суд КНР. URL: <http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-242911.html> (дата обращения: 16.08.2024).

14. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/75ba6483b8344591abd07917e1d25cc8.shtml> (дата обращения: 16.08.2024).

15. [央行数研所牵手蚂蚁集团将推动建设数字人民币技术平台 Тао Ли Институт цифровых исследований Центрального банка сотрудничает с AntGroup в продвижении создания цифровой технологической платформы в юанях. URL: https://finance.sina.com.cn/money/bank/bank_hydt/2021-04-25/doc-ikmxzfink8853878.shtml (дата обращения: 16.08.2024).

16. Progress of Research & Development of E-CNY in China. Working Group on E-CNY Research and Development of the People's Bank of China July, 2021. URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021072014364791207.pdf> (дата обращения: 16.08.2024).

17. Chun Li Research on the Construction of Digital Currency International Regulatory System // International Journal of Education and Humanities. 2022. September 4(3):170–176.

18. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-10/24/content_5553847.htm (дата обращения: 16.08.2024).

19. Беляева О. А., Вишневский А. А., Ефимова Л. Г. Кредитные организации в России: правовой аспект / под ред. Е. А. Павлодского. Москва: Волтерс Клувер, 2006. 624 с.

20. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С. П. Гришаева, А. М. Эрделевского (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2006).

21. Коростелев М. А. Оборот электронных денежных средств: гражданско-правовые вопросы // Журнал российского права. 2013. № 12(204). С. 130–135.

22. Садыки М. М. А. Понятие и виды электронных денег. Качественные характеристики функционирования // Евразийский союз ученых. 2019. № 4–8(61). С. 55–57.

23. Лушникова М. В. Развитие учения о деньгах и денежном обращении: Г. Ф. Шершеневич и казанская школа финансового права // Налоги. 2013. № 2. С. 35–39.

24. Караоол А. Л. Указ. соч. С. 24.

25. Юров А. В. Наличные деньги и электронные средства платежа: оценка перспектив // Деньги и кредит. 2007. № 7. С. 37–42.

26. Лунтовский Г. И. Наличное денежное обращение: современный этап и перспективы развития // Деньги и кредит. 2013. № 2. С. 3–8.

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В АЗИИ

IV. CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIA

УДК 347.157

Comparison of the Legal Regulation and Protection of Juvenile Witnesses and Victims

© **Khaidav Bolormaa LL.M**

Lecturer of Public Law Department, School of Law,
Mongolian National University
Mongolia, Ulaanbaatar
Bolormaa_kh@num.edu.mn

Article 1.1 of the Criminal Procedure Code of Mongolia [1c. 1.1] states that the objectives of criminal proceedings are to ensure prompt and full disclosure of the offence, to identify the natural and legal persons who committed the offence and impose just punishment for the offence, to avoid presumption of innocence, to protect human rights and legitimate interests and to compensate for violated rights. Chapter 13 provides for security measures for the protection of witnesses and victims and legal decision-making mechanisms for their implementation. At the time of a crime, or upon discovering that a crime has occurred, victims are likely to experience a number of physical reactions to the event. These may include an increase in the adrenalin in the body, increased heart rate, hyperventilation, shaking, tears, numbness, a feeling of being frozen or experiencing events in slow motion, dryness of the mouth, enhancement of particular senses, such as smell, and a "fight or flight" response. It is common for people to lose control over their bowel movements. Some of these physical reactions may not occur until after the danger has passed. They may recur at a later stage when the memory of the crime returns.

Key words: witness, victim, juvenile witness, juvenile victim, protection.

Сравнение правового регулирования и защиты несовершеннолетних свидетелей и потерпевших

© **Хайдав Болормаа LL.M**

старший преподаватель,
факультет публичного права, юридический институт,
Монгольский государственный университет
Монголия, г. Улан-Батор
Bolormaa_kh@num.edu.mn

Статья 1.1 Уголовно-процессуального закона Монголии гласит, что целью уголовного процесса является быстрое и полное раскрытие преступлений, выявление физических и юридических лиц, совершивших преступление, и назначение справедливого наказания за это преступление, недопущение презумпции виновности, защита прав человека и законных интересов, гарантирование возмещения нарушенных прав. Тринадцатая глава регулирует меры безопасности для защиты свидетелей и потерпевших и механизмы принятия правовых решений, связанных с их реализацией.

Ключевые слова: свидетель, потерпевший, несовершеннолетний свидетель, несовершеннолетний потерпевший, защита.

Article 9, part 6, paragraph 1 of the Code of Criminal Procedure: "A witness is a person who knows circumstances relevant to criminal proceedings." [2. ст 123] In Code of Criminal Procedure, Article 8(1): "A victim is a natural or legal person who has suffered harm to life, health, other rights, freedoms, property or other rights, except property rights, by a crime" [3 с.8.1].

The protection of juvenile witnesses and victims is important for the full realization of the objectives of criminal proceedings aimed at the prompt and full disclosure of crimes, the identification of the perpetrators

and the imposition of a fair sentence. A total of 150931 crimes were reported statewide in the of 2019-2023. Of these, 4,506 juvenile witnesses and victims, 91 juvenile witnesses and victims were protected. However, the fact that these include 8 children under the age of 7, 38 ages 8-13, and 45 ages 14-17 increases the risk that juveniles will be named as witnesses and victims of crime, undermining the legal status of witnesses and victims. This suggests that it is very important to protect their rights, especially at the in-court process. In 2019, 31 524 crimes in Mongolia were registered, 23 064 in 2020, 25 429 in 2021 and 35340 in the 2022, 35574 in the 2023 [4]. There were 1598 cases registered in 2019, 1181 in 2020, 1365 in 2021 and 1540 in the 2022, 1594 in the 2023. In which a juvenile was a witness or victim of a crime. Of these, 17 victims and were taken into custody in 2019, 8 victims in 2020, 45 victims and 2 witnesses in 2021, and 19 victims in the first 2 months of 2022.

A juvenile witness or victim is a person who, without full legal capacity, participates in legal proceedings with the assistance of a legal representative. It is difficult to identify the legal representative of the victim in some situations. For example; Many children who have been sexually abused are victimized by relatives, and blood relationship creates a conflict of interest for the parents and legal representatives of the child, if a legal representative is appointed, an appropriate person is not available or a conflict of interest arises in this case an employee of the state organization in charge of children's affairs may be appointed as legal representative.

United States of America: The Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power was adopted by the General Assembly of the United Nations in its resolution 40/34 of 29 November 1985 [5]. This has become the basic document on victims' rights at the international level. Article 6 of the declaration called on the international community to "ensure the safety of victims of crime in the most appropriate conditions and to protect witnesses in case of threat".

US Child Victims Bill of Rights: This law declares the rights of child victims of crime to participate in the criminal justice process.

The U.S. Witness and Victim Protection Law is compared to Mongolia's Witness and Victim Protection Law [6], its implementation and relevance.

United States of America	Mongolia
The witness and victims will make a Deal when the victim is taken into custody.	The witness and victims will make a Contract when the victim is taken into custody.
A memorandum will be given to witnesses and victimstaken under protection.	Recommendations will be given to witnesses and victims taken under protection.
Security measures are applied when witnesses provide information necessary to identify the perpetrator and solve the crime.	Security measures are implemented in accordance with the Law on Protection of Witnesses and Victims.

Security measures include evacuation, appearance changes, and document substitution. Physical protection is not implemented. By implementing these protective measures, the security of witnesses and victims can be organized without risk, and financial problems can be solved in one line. Safety is also a concern when a prisoner is released from prison when taking witnesses and victims into custody. The prison works with witnesses and victims. When the convict is released, a secret consent will be obtained from the victim. He shall be informed in writing of the circumstances and timing of the release of the aggrieved convict. There is a special budget for witness and victim protection databases and programs.

Republic of Korea. In 1980, the Law on Protection of Victims' Rights was first passed in the country. On December 3, 2005, Resolution No.7731 was approved as the Crime Victims Protection Act. In December 2006, in the course of the activities, administration and organization of the law throughout the country, the "Basic Plan for the Protection of Victims" was developed, which included the following areas.

- Procedures for participation in investigations;
- Protecting the peace of mind and life of the victim's privacy;
- Payment of damages to the injured parties;

Educational research and legal advancement, obtaining assistance from citizens and organizations, financial problem solving and management.

In Korea “The Whistleblower Protection Act”2011, “Punishment of violences act”, “Sexual violence prevention and victims protection act”2010[7], “Crime Victims Protection Act”2010 e.d it is characterized by the fact that it has many detailed legal acts.

Russian Federation. On August 20, 2004, the State Duma of the Russian Federation approved the Law on State Protection of Witnesses, Victims and Other Participants in Proceedings. This is the basis for the legal order of state protection of witnesses, victims and other participants in criminal proceedings. Paying attention to the issue of witness and victim protection, creating an independent legislative and legal framework, many measures have been taken to implement it.

Comparison of witness and victim protection measures

Russian Federation.	Mongolia
Personal protection, accommodation and property protection Provision of special protective equipment; Ensuring the confidentiality of the protected person; Resettlement; Document Exchange; Change the appearance; Changing works or schools Temporary placement in a safe location; If a protected person is serving a sentence or is in detention, or is transferred from a place of serving a sentence or detention, additional protection measures will apply.	Forewarning; Limit certain activities; Physical Protection; Ensuring confidentiality of information; Providing special equipment and specialized equipment and communications for everyone; Temporary placement in a safe location; Resettlement; Document Exchange; Change the appearance; Protective measures are selected and applied depending on the situation.

In Russia, it is advantageous that the law provides for the implementation of measures to change the defendant's place of work or school. As for our country, it is unique in that it has measures in place to restrict certain actions.

Federal Republic of Germany. The Witness and Victim Protection Program began operating in the country in the early 1980s. For the first time, a special unit of the Criminal Police was established to implement the special function of witness protection, and a program was developed to implement the methodological guidelines for managing and organizing cooperation with the witness protection department. The police and judiciary have built up a “witness protection programme” which is applied to endangered witnesses. Accordingly, there are special witness protection agencies with experience in witness protection, as well as joint guidelines¹⁵ by the Ministers of Justice and the Interior which provide greater detail for and govern the application of the statutory provisions. In Germany, roughly 650 witnesses per year are provided for by the witness protection programme. As far as is known, there have as yet not been any serious problems, neither was the ascertainment of the truth or the defence of the accused seriously affected, nor were the witness protection measures insufficient [8.c.104].

Judging from the legal regulation and implementation of witness and victim protection measures in the above-mentioned countries, each country should adopt specific policies aimed at making progress in the process of combating crime and placing the protection and safety of witnesses and victims at the level of public policy, it can be seen that some progress has already been made. Due to the fact that many cases involving juvenile offenders have occurred in our country in recent years, it is essential to improve the legal norms for their protection in more detail. The psychology of juvenile witnesses and victims involved in criminal proceedings is characterized by their vulnerability.

To protect their rights, there is no contact with children, professional law enforcement officers, special environment for them, which violates children's rights. It is therefore essential that authorized officials conducting court proceedings communicate properly with these children in accordance with international standards and common procedures. Professionally trained child protection officers, specialized prosecutors, detectives, judges, child protection workers, psychologists, medical professionals and social volunteers will provide a close-up view of the protection of juvenile witnesses and victims. The consideration of juvenile cases under a special procedure is a clear confirmation that international recognition of special mechanisms for bringing juveniles to criminal responsibility has been taken into account [9, c. 72].

Literature

1. Монгол Улсын Эрүүгийн хэрэг хянан шийдвэрлэх тухай хууль. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=12694> (дата обращения: 18.05.2017).
2. Бямбаа Ж., Эрхэсхулан Ж. Эрүүгийн процессын эрх зүйн үндсэн асуудал. УБ., 2018 он. Хуудас 123.
3. Монгол Улсын Эрүүгийн хэрэг хянан шийдвэрлэх тухай хууль. 2017 он. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=12694> (дата обращения: 20.06.2024).
4. Гэмт хэргийн цагаан ном. УБ., 2023 он. URL: <https://www.1212.mn/mn/dissemination/72371579> (дата обращения: 20.06.2024).
5. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/declaration-basic-principles-justice-victims-crime-and-abuse> (дата обращения: 20.06.2024).
6. Гэрч хохирогчийг хамгаалах тухай хууль. 2013 он. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=9287> (дата обращения: 20.06.2024).
7. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=46355&type=part&key=38 (дата обращения: 20.06.2024).
8. Johan Peter Wilhelm Hilger. Organized crime /Witness protection in Germany/ ст 104.
9. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No58/No58_12VE_Hilger3.pdf (дата обращения: 20.06.2024).
10. Баярсайхан Д. Эрүүгийн процессын эрх зүй. УБ., 2020 он. Хуудас 72.

УДК 343.2

**Уголовный проступок в структуре российского законодательства:
pro и contra***

© **Б. Я. Гаврилов**

заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
кафедры управления органами расследования преступлений
Академия управления МВД России,
Россия, г. Москва
profgavrilov@yandex.ru

В течение достаточно длительного времени в числе ключевых проблем современного российского уголовного законодательства обозначена либерализация уголовной ответственности, включая декриминализацию и депенализацию отдельных видов преступлений, а также законодательное формирование новой категории преступлений – уголовного проступка, уровень общественной опасности которых значительно ниже многих преступлений.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный проступок, либерализация законодательства, декриминализация, депенализация.

**Criminal misdemeanor in the structure of Russian legislation:
pro and contra**

© **B. Ya. Gavrilov**

Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies,
the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russia, Moscow
profgavrilov@yandex.ru

For quite a long time, among the key problems of modern Russian criminal legislation, the liberalization of criminal liability has been identified, including the decriminalization and depenalization of certain types of crimes, as well as the legislative formation of a new category of crime – criminal misconduct, the level of public danger of which is significantly lower than many crimes.

Key words: criminal law, criminal misconduct, liberalization of legislation, decriminalization, depenalization.

Необходимость введения (фактически – возвращения) в российское право уголовного проступка обусловила активное обсуждение данной проблемы как в научной среде, так и среди практиков, конечной целью которых является:

- снижение показателя уровня уголовной репрессии, который к концу 90-х гг. XX века составил более 1 млн. российских граждан, отбывающих наказание в местах лишения свободы (на 1.01.2024 г. – порядка 470 тыс.);
- рассмотрение предложений представителей научной общественности [2; 4] и правоприменителей [8] о переводе из административного законодательства деяний, являющихся по степени общественной опасности на «границе» административного правонарушения (так, диспозиция ст. 7.27 КоАП РФ к мелким хищениям относит кражу на сумму до 2,5 тыс. руб.), и преступления (по ст. 158 УК РФ сумма похищенного, на один руб. превышает 2,5 тыс. руб.). Нередко условной является и разграничение административной и уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств [20];
- решение вопроса об исключении из ч. 2 ст. 14 УК РФ понятия «малозначительность деяния», что допускает возможность принятия следователем, дознавателем, органом дознания по сообщениям граждан и организаций о преступлениях ежегодно от 6 до 7 млн. решений об отказе в возбуждении

* Доклад отмечен Благодарственным письмом Генерального консула Монголии, 27 июня 2024г.

уголовного дела, из которых прокурорами ежегодно на протяжении более 10 лет отменяются как незаконные и необоснованные от 1,1 до 2,5 млн., чем нарушаются положения ст. 52 Конституции РФ о доступе граждан к правосудию и возмещению причиненного им вреда;

- снижение уровня латентной преступности, многократный рост которой обуславливает профанацию статистических показателей о состоянии преступности, показатель которой только за прошедшее десятилетие (с 2006 г. по 2023 г.) уменьшился на половину (с 3,8 млн. до 1,9 млн. преступлений) или порядка 1300 преступлений на 100 тыс. населения, что многократно ниже, чем во многих европейских государствах, где уровень общественной безопасности выше.

Одновременно автор настоящей публикации считает необходимым привести и иные точки, например, профессора Л. В. Головки, по мнению которого, в действующей системе российского законодательства отсутствуют реальные основания для введения уголовного проступка [7].

По сути аналогичную позицию занимает доктор юридических наук, заместитель Председателя Верховного Суда РФ (в почетной отставке) А. А. Толкаченко [19], по мнению которого «в современных условиях введение уголовного проступка ... и судопроизводство по нему сами по себе не способны оказать принципиального влияния на уголовную политику и практику применения уголовного законодательства». С данной точкой зрения автору не представляется возможным согласиться, поскольку при рассмотрении проблемы возвращения в российское законодательство уголовного проступка, который, кстати, существовал в российском дореволюционном законодательстве еще со Свода законов Российской империи 1832 г.(ст.ст.), А. А. Толкаченко рассматривает данную уголовно-правовую категорию в отрыве от проблемы совершенствования как непосредственно уголовного законодательства, так и, что не менее актуально, административного законодательства, отдельные нормы которого по уровню общественной опасности фактически, да и юридически ничем не отличаются от уголовно-правовых норм (например, при совершении кражи чужого имущества на сумму 2500 руб. закон предусматривает административную ответственность по ст. 7.27 КоАП РФ, а при совершении такого же противоправного деяния на сумму, превышающую ее всего на 1 руб. предусмотрена уголовная ответственность по ст. 158 УК РФ. Аналогичная ситуация складывается и при совершении противоправных деяний о незаконном обороте наркотиков, при умышленном уничтожении или повреждении имущества и по ряду других противоправных деяний).

Позиция указанных и ряда других авторов, не поддерживающих идею введения уголовного проступка, не учитывает социально-правовые факторы в части обоснования новой уголовно-правовой категории, изложенные в трудах видных как советских, так и российских ученых: С. Г. Келиной [10, С. 51], Г. А. Кригера [12], Н. Ф. Кузнецовой [13], М. Д. Шаргородского [22]. В их научных исследованиях с высоким уровнем доказанности обосновывается необходимость введения в российское законодательство уголовного проступка как самостоятельной категории общественно опасных деяний. Сегодня активную позицию в этом вопросе занимают профессора С. В. Максимов [16], Е. В. Рогова [4], В. Ф. Цепелев [21], сам автор [6] и ряд других представителей уголовно-правовой науки.

И что не менее актуально проблема возвращения в российское законодательство уголовного проступка соответствует в целом проводимой государством с 2003 г. [17] политике либерализации как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства, что нашло отражение в работе известных ученых, А. И. Алексеева, В. С. Овчинского и Э. Ф. Побегайло «Российская уголовная политика: преодоление кризиса» [1], представляющих криминологическую науку. На необходимость дифференциации уголовно наказуемых деяний на преступления и уголовные проступки, обладающие по сравнению с преступлениями меньшей степенью общественной опасности, обращает особое внимание в своих публикациях и автор [3].

Одной из причин необходимости наличия в уголовном законодательстве уголовного проступка является переизбыточность уголовно-правовых запретов. Эта позиция в последние годы повлекла за собой ежегодное принятие в среднем более десятка федеральных законов о внесении изменений в УК РФ (всего за период действия УПК РФ в него внесены изменения 311 федеральными законами, затронувшими более 1700 составов преступлений). Как следствие, число лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, на 100 тыс. населения составляет 630 человек (сегодня оно сократилось в два раза), в то время как в Скандинавских странах, в Италии, во Франции составляет менее 100 и в Испании – несколько больше [18], что свидетельствует о сохраняющемся в российском обществе высоком уровне уголовной репрессии.

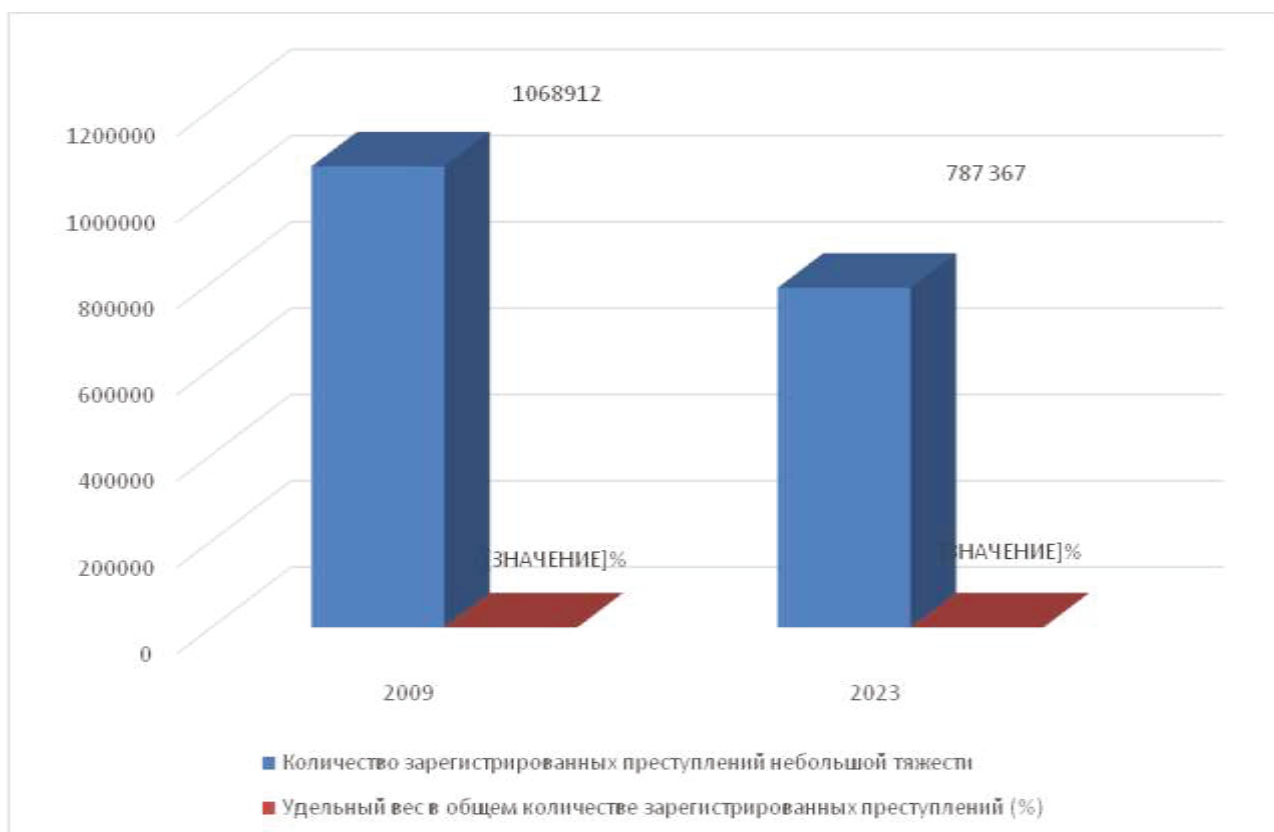
Тем самым приведенные статистические данные свидетельствуют о реальной потребности государства и особенно российского общества в гуманизации уголовной политики в отношении лиц, совершивших уголовно-наказуемые деяния, за которые исправление виновных лиц возможно без изоляции данной категории граждан от общества.

В этой связи при обсуждении проблемы введения уголовного проступка представляет особую значимость криминологическое обоснование его введения в российское уголовное законодательство, что, в свою очередь, требует анализа качественных характеристик преступности и основных тенденций ее развития, что отсутствует у указанных выше и ряда других авторов, фактически отрицающих необходимость в этом.

Реализуя данное направление исследования вопроса об уголовном проступке автор настоящей публикации совместно с Е. В. Роговой проанализировали уголовно-правовую и судебную статистику об уголовно-наказуемых деяниях небольшой тяжести, что позволило авторам сделать ряд выводов о реальном состоянии российской преступности, где объем данного вида противоправных деяний к общему количеству преступлений является весьма значительным и отмечается тенденция роста их удельного веса [5, с. 7–45].

Наглядно подтверждается это приведенными ниже конкретными статистическими данными о количестве зарегистрированных преступлений небольшой тяжести. Так, в 2009 г. было зарегистрировано 1.068.912 преступлений небольшой тяжести, что составляло 36,0% в структуре зарегистрированной преступности. И хотя в 2023 г. этого вида преступлений в количественном отношении зарегистрировано несколько меньше (787.367), однако их доля в структуре общей преступности возросла до 40,4%. Соответственно, возросла и доля осужденных за совершение уголовно-наказуемых деяний небольшой тяжести, которая составляет более 50% от общего числа осужденных.

Статистические данные о количестве зарегистрированных преступлений небольшой тяжести [9]

Результаты криминологического анализа о количестве преступлений небольшой тяжести и их доле в структуре общей преступности и о числе совершивших их лиц и их удельном весе к общему числу осужденных, а также приведенных выше точек зрения известных российских ученых в области

уголовного права и криминологии, позволяют автору высказать вполне обоснованное предположение, что часть значительная часть преступлений небольшой тяжести вполне может быть переведена в категорию уголовных проступков.

В этой связи автор обращается и к формулировке дефиниции «уголовный проступок». Так, профессор Н. Ф. Кузнецова еще в 60-х гг. XX в. сформулировала категорию уголовного проступка, как «умышленное либо неосторожное малозначительное по характеру и степени общественной опасности деяние, за которое по закону предусмотрено максимальное лишение свободы на срок до одного года либо другое, более легкое наказание, либо в санкции которого предусмотрена альтернативная форма ответственности: уголовное наказание или меры общественного воздействия» [13, с. 530].

В этой связи также необходимо указать на то, что в уголовно-правовой науке имеют место две основных точки зрения относительно включения уголовного проступка в Уголовный кодекс Российской Федерации. Их сущность заключается в том, что, во-первых, предлагается уголовный проступок выделить в качестве самостоятельной главы, исходя из того, что уголовный проступок будет разновидностью преступления, а вторая точка зрения заключается в создании самостоятельного закона - Кодекса Российской Федерации об уголовных проступках.

Исходя из нашей позиции, категория уголовного проступка включает в себя то, что данное противоправное деяние является разновидностью преступления, с учетом его следует внести в действующий УК РФ. На необходимость данного решения вопроса указывает и профессор С. В. Максимов, отмечая, что одной из концептуальных идей будущего уголовного кодекса должно быть принятие Кодекса уголовных проступков, который вполне может быть «внедрен» в структуру единого кодифицированного акта [15].

Вместе с тем, профессор В. Ф. Цепелев предлагает перевести в административные правонарушения преступления с максимальным наказанием до одного года лишения свободы, а уголовно-наказуемые деяния с санкцией до двух лет лишения свободы перевести в категорию уголовных проступков. Однако с изложенной позицией автор не может согласиться с учетом приведенных выше аргументов, включая статистические данные.

Существует и еще одна точка зрения, сущность которой заключается в том, что уголовный проступок предлагается считать непреступным противоправным деянием, за совершение которого возможно применение мер административного или общественного воздействия, но не уголовного наказания [11, с. 3].

Ведя речь о месте в УК РФ уголовного проступка, автор решение данной проблемы предлагает путем включения раздела «Уголовный проступок» в Особенную часть УК РФ, поскольку данное решение позволит избежать дублирования определенной части правовых институтов Общей части УК РФ, которые должны выступать едиными как для преступлений, так и для уголовных проступков, в их числе формы вины; обстоятельства, исключаящие преступность деяния, и т. д. Кроме того, такое решение обуславливается близостью социальной природы и достаточно несущественным различием в степени общественной опасности преступления небольшой тяжести и уголовного проступка; *в-третьих* введение уголовного проступка призвано также повысить уровень статистического учета состояния преступности в Российской Федерации. В этой связи автор считает необходимым обратиться к точке зрения профессора В.В. Лунеева, согласно высказыванию которого «общество не знает реального объема преступности, ее полных социальных последствий, действительной эффективности борьбы с преступностью, во что она фактически в целом обходится нашему обществу» [14, с. 48–49].

И наконец, введение в уголовное законодательство категории уголовного проступка призвано обеспечить единообразную правоприменительную практику реализации положений о малозначительности противоправных деяний, что предусмотрено ч. 2 ст. 14 УК РФ, порождающую сегодня и ее неоднозначное восприятие среди ученых и особенно среди судей, поскольку следователям и дознавателям, с одной стороны, и судьям (судам), с другой стороны, предоставлено право по своему усмотрению решать вопрос о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о его прекращении как стадии предварительного расследования, так и процессе судебного разбирательства, в т.ч. в апелляционной инстанции. Такое состояние российского уголовного законодательства позволяет органам предварительного расследования и органам дознания ежегодно принимать более 6,0 млн. процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, из которых более 20% прокурорами признавались

незаконными и необоснованными и отменяются, что как отмечено выше искажает реальную статистику о преступности и соответственно не позволяет государству в полной мере и своевременно реагировать на ее изменения.

Таким образом решение указанных выше проблем, обусловленных необходимостью возвращения в российское законодательство уголовного проступка, требует комплексного законодательного решения, обусловленного одновременного внесения изменений не только в УК РФ, но и в УПК РФ и КоАП Российской Федерации.

Литература

1. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса: монография / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. Москва: Норма, 2006. 143с.
2. Воскобитова Л. А. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях и его место в системе реализации судебной власти // *Мировой судья*. 2017. № 2. С. 28–34.
3. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: монография / Б. Я. Гаврилов. Москва: Проспект, 2008. 208с.
4. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // *Российская юстиция*. 2016. № 11. С. 2–5.
5. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // *Публичное и частное право*. 2016. -№ 4(32). С.7–45.
6. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // *Человек: преступление и наказание*. 2018. № 2. С. 131–136.
7. Головкин Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые замыслы и реальная подоплека // *Закон*. 2018. № 1. С. 127–136.
8. Гордиенко В. В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // *Российский следователь*. 2011. № 16. С. 3–5.
9. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2006–2023 гг. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 25.06.2024).
10. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / АН СССР, Ин-т государства и права; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. Москва: Наука, 1987. 278 с.
11. Кодекс уголовных проступков. Проект. Москва: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973. 34 с.
12. Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // *Вестник Московского университета. Сер. Право*. 1979. № 2. С. 5, 8.
13. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность / Н. Ф. Кузнецова. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 32с.
14. Лунеев В. В. Роль мониторинга криминальных реалий в механизме совершенствования уголовного законодательства // *Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общие проблемы. Монография: коллектив авторов / отв. ред. С. В. Максимов*. Москва: 2009.
15. Максимов С. В. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации: монография / под общ. ред. С. В. Максимова. Москва: Изд-во Ин-та государства и права РАН. 2014. 482с.
16. Максимов С. В. УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом // *Российская газета*. 7 июня 2011 г URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/uk.html> (дата обращения: 25.06.2024).
17. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон [от 08.12.2003 № 162-ФЗ] // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2003. № 50. Ст. 4848.
18. Радченко В. И. Как исправить тюрьму // *Российская газета*. 2009. № 4998. 17 сентября.
19. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.17 № 42 // *Закон*. 2018. № 1. Январь. С. 137-150.
20. Федоров А. В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений // *Наркоконтроль*. 2013. № 2(7). С. 262–270.
21. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект / В. Ф. Цепелев // *Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: Материалы IV Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова (27–28 мая 2004 г.)*. Москва, 2005. 680с.
22. Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества / М. Д. Шаргородский // *Межвузовская научная конференция «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма»*. Ленинград.: Изд-во ЛГУ, 1961.

УДК 347.965

**Цифровизация в адвокатской деятельности в Российской Федерации
и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ**

© О. И. Захарова

адвокат,
Коллегия адвокатов «Юстина» Воронежской области
Россия, г. Воронеж
oizakh@mail.ru

В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ процесса цифровизации в адвокатской деятельности в Российской Федерации и зарубежных странах. Исследуется использование информационных технологий и онлайн-сервисов в работе адвокатов, а также рассматриваются различия в практике применения цифровых инструментов в различных странах. Анализируется внедрение электронных систем для подачи документов, проведения консультаций и взаимодействия с клиентами, а также рассматривается применение онлайн-платформ для участия в судебных заседаниях. Выделяются основные преимущества, связанные с цифровизацией в адвокатуре и сделаны выводы о том, какие практики могут быть полезны для улучшения качества юридических услуг и увеличения эффективности работы адвокатов.

Ключевые слова: цифровизация, электронное правосудие, информационные технологии, цифровые средства, информационное общество.

**Digitalization in advocacy in the Russian Federation and foreign countries:
a comparative legal analysis**

© O. I. Zakharova

lawyer of the Bar Association "Yustina" of the Voronezh Region
Russia, Voronezh
oizakh@mail.ru

This article provides a comparative legal analysis of the digitalization process in advocacy in the Russian Federation and foreign countries. The use of information technologies and online services in the work of lawyers is investigated, as well as differences in the practice of using digital tools in different countries are considered. The implementation of electronic systems for filing documents, consulting and interacting with clients is analyzed, and the use of online platforms for participation in court sessions is also considered. The main advantages associated with digitalization in the legal profession are highlighted and conclusions are drawn about which practices can be useful to improve the quality of legal services and increase the efficiency of lawyers.

Key words: digitalization, electronic justice, information technology, digital means, information society.

На сегодняшний день в адвокатской деятельности наблюдается стремительное развитие цифровизации. Проведем сравнительно-правовой анализ данной тенденции между Российской Федерацией и зарубежными странами.

В России цифровизация адвокатской деятельности претерпела значительные изменения за последние годы, были внедрены такие инструментарии как электронные системы подачи документов в суд, например, «Госуслуги», ГАС «Правосудие» и «Мой арбитр»: такие системы позволяют адвокатам подавать документы онлайн без необходимости выезда в суд или другое государственное учреждение.

Адвокаты активно используют электронную подпись в своей работе, с помощью таких программ как «Электронная подпись», «КриптоПро CSP», «SignPro» и др., так как это удобный и безопасный способ подписания и обмена документами.

Многие адвокаты и юридические фирмы в России предлагают услуги онлайн-консультаций, а также используют онлайн-платформы для проведения консультаций и обмена информацией с клиентами, не выходя из дома или офиса.

В условиях пандемии COVID-19 многие суды перешли на дистанционное проведение судебных процессов. Это повлияло на возможность участия адвоката в судебном заседании онлайн.

Также специализированные электронные юридические базы данных, такие как «Консультант-Плюс» и «Гарант», позволяют быстро находить нужную информацию по юриспруденции и законодательству.

Эти и другие цифровые инновации способствуют повышению эффективности работы адвокатов в России, ускорению процессов предоставления юридических услуг, а также улучшению доступности и качества обслуживания клиентов.

В зарубежных странах также активно внедряются цифровые технологии в адвокатскую деятельность. Электронные подписи, онлайн-платформы и системы электронного документооборота становятся неотъемлемой частью работы юристов.

Лидером в цифровизации адвокатской сферы являются США.

Так в США адвокаты и юристы все чаще используют электронные системы подписания документов, такие как DocuSign, Adobe Sign и др. Это позволяет адвокатам эффективно обмениваться документами с клиентами и заключать сделки онлайн [4].

Многие юридические фирмы в США используют виртуальные системы хранения данных (например, облако) анализа информации для безопасного и удобного доступа к информации. Также применяются программы для анализа больших данных и предоставления адвокатам и юристам инсайтов для принятия решений.

Электронные интернет-платформы, такие как Zoom, Microsoft Teams, Slack и другие, часто используются для проведения виртуальных совещаний, консультаций с клиентами, а также для совместной работы виртуальных юридических команд.

Также в адвокатской деятельности активно внедряются системы искусственного интеллекта (AI) для автоматизации рутинных задач, анализа контрактов, прогнозирования результатов судебных дел, а также других процессов.

В Китае также наблюдается стремительное развитие цифровизации в сфере адвокатской деятельности. Некоторые адвокаты и юридические фирмы используют онлайн-платформы, предлагая свои услуги онлайн-юридических консультаций с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Такой способ позволяет клиентам получать быстрые и качественные ответы на юридические вопросы без необходимости очного посещения офиса адвоката [5].

Многие юристы в Китае внедряют специализированные программы для управления делами. Данные системы позволяют автоматизировать процессы учета клиентов, распределения задач, планирования сроков и контроля исполнения задач, повышая эффективность работы юристов.

Также сюда можно отнести использование облачных сервисов для безопасного обмена и хранения документов между адвокатами и клиентами. Это способствует снижению рисков потери данных, обеспечивает удобство доступа к необходимой информации и повышает уровень безопасности информационного обмена.

В Монголии наблюдается ряд инноваций в области цифровизации адвокатской деятельности [6].

Например, внедрение специализированных программ и CRM-систем (Customer Relationship Management) позволяет автоматизировать учет клиентов, ведение документации, планирование сроков и контроля выполнения задач, тем самым помогает адвокатам улучшить организацию рабочего процесса и повысить эффективность работы.

В Монголии создаются платформы или чаты для онлайн-консультаций с адвокатами, что делает услуги доступными в любое время и в любом месте для клиентов, что сокращает время ожидания и улучшает доступность юридических консультаций.

В Монголии адвокаты и юристы также используют защищенные электронные онлайн-платформы для обмена и хранения документов между адвокатами и клиентами. Использование таких систем обеспечивает безопасность и конфиденциальность информации, упрощает процесс обмена документами и способствует более быстрой и качественной работе.

В целом, цифровизация адвокатской деятельности показывает сходства и различия в различных странах. Россия, США и Китай и Монголия активно внедряют цифровые технологии, однако степень развития и уровень законодательной базы влияют на скорость и эффективность этого процесса.

Исходя из вышеизложенного, анализ цифровизации адвокатской деятельности показывает, что данное явление имеет широкий международный размах. При этом важно учитывать особенности каждой страны и создавать эффективные механизмы для успешной реализации цифровых технологий в юридической сфере.

Литература

1. Адвокатура и адвокатская деятельность: учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. А. А. Клишина, А. А. Шугаева. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2018. 492 с.
2. Дорофеева Ю. А. Адвокатская деятельность в эпоху цифровизации // Институциональная трансформация правовой среды в условиях цифровизации экономики: материалы VII Междунар. науч.-иннов. Форума «Как выжить в цифровую эпоху?» (22–26 апреля 2019 г.). Самара: Изд-во Самарского государственного экономического университета, 2019. С. 9093.
3. Долгов А. М. Цифровизация адвокатской деятельности как направление развития адвокатуры в России / А. М. Долгов, А.С. Алексанов // Юридический научный журнал. 2020. № 1. С. 39–46.
4. Особенности цифровизации адвокатуры и судов за рубежом. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/osobennosti-tsifrovizatsii-advokatury-i-sudov-za-rubezhom> (дата обращения: 20.06.2024).
5. AI: реальность и будущее отрасли юридических услуг на примере опыта КНР. URL: https://zakon.ru/blog/2019/12/5/ai_realnost_i_budushee_otrasli_yuridicheskikh_uslug_na_primere_opyta_knr (дата обращения: 20.06.2024).
6. Даваасурэн А. Цифровые трансформации в Монголии: вызовы и возможности. URL: <https://journal.icsti.int/jour/article/view/208> (дата обращения: 20.06.2024).

УДК 343.61(470+510)

**Осуществление отдельных оперативно-розыскных мероприятий
с использованием современных технологий при раскрытии убийств, сопряженных с безвестным
исчезновением потерпевшего: опыт Российской Федерации и Китайской Народной Республики**

© **И. С. Кобысов**

магистрант 1-го курса обучения, Институт права и экономики,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
kobysov.ivan@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы применения различных современных технологий при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

Для достижения отдельных целей исследования изучены имеющиеся доктринальные теории, а также материалы практики применения беспилотных летательных аппаратов и автоматизированных систем по распознаванию лиц в оперативно-розыскной деятельности.

В целях проведения сравнительного анализа приведён опыт Китайской Народной Республики в сфере использования различных современных технологий для нужд оперативно-розыскной деятельности.

По результатам исследования обозначены общие тенденции и приоритеты, существующие в данной сфере, раскрыты положительные аспекты использования беспилотных летательных аппаратов, а также автоматизированных систем по распознаванию лиц для обеспечения нужд оперативно-розыскной деятельности. Доказана их полезность и практическая пригодность в осуществлении поиска интересующих оперативные подразделения объектов.

Ключевые слова: современные технологии; система распознавания лиц; беспилотные летательные аппараты; оперативно-розыскные мероприятия; без вести пропавший; преступление; раскрытие; осмотр местности.

**Implementation of individual operational-search activities using modern technologies
in solving murders associated with the disappearance of the victim:
the experience of the Russian Federation and the People's Republic of China**

© **I. S. Kobysov**

1st year master's student, Institute of Law and Economics
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
kobysov.ivan@mail.ru

The article discusses the application of various modern technologies in the implementation of operational investigative measures.

To achieve certain research goals, the available doctrinal theories were studied, as well as materials from the practice of using unmanned aerial vehicles and automated face recognition systems in operational investigative activities.

To conduct a comparative analysis, the experience of the People's Republic of China in the field of using various modern technologies for the needs of operational investigative activities is presented.

According to the results of the study, the general trends and priorities existing in this area are outlined, the positive aspects of the use of unmanned aerial vehicles, as well as automated face recognition systems to meet the needs of operational investigative activities are revealed. Their usefulness and practical suitability in the search for objects of interest to operational units have been proved.

Key words: modern technologies; facial recognition system; unmanned aerial vehicles; operational search activities; missing person; crime; disclosure; inspection of the area.

Развитие современных технологий неминуемо отражается на всех сферах жизнедеятельности человека. Сегодня уже сложно представить повседневную жизнь без использования различных высокотехнологичных электронно-вычислительных устройств.

Однако современные технологии созданы не исключительно для обеспечения досуга обычных граждан или для налаживания отдельных коммерческих механизмов различными предпринимательским субъектами, но и как показала практика, современные технологии активно внедряются в систему оперативно-розыскной деятельности.

Современные технологии и их использование активно проникают во все отрасли оперативно-розыскной деятельности, влияют на методику проведения отдельных мероприятий. В связи с чем представляется возможным констатировать, что уже сегодня современные технологии являются необходимым подспорьем для реализации различных мероприятий оперативными сотрудниками, в связи с чем таковые становятся неотъемлемой частью всего процесса оперативной работы.

На сегодняшний день с учётом имеющихся доктринальных изысканий, а также имеющейся правоприменительной практики, представляется возможным выделить два вида современных технологий, используемых в оперативно-розыскной деятельности:

- 1) использование различных механических устройств, например, беспилотных летательных аппаратов;
- 2) использование различных автоматизированных систем, посредством которых осуществляется сбор, хранение, анализ и обработка информации в реальном времени, например, система распознавания лиц.

Пунктом 8 части 1 статьи 6 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 N 144-ФЗ [1] предусмотрено, что оперативные сотрудники в рамках возложенных на них полномочий, а равно в целях раскрытия совершённых преступлений, вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия в виде обследования местности.

Классически, выполнение указанного мероприятия представлено в виде исследования определённого участка местности: его обход, поиск, а также письменная (фото) фиксация обнаруженных объектов, интересующих как следствие, так и оперативных сотрудников.

Особое значение проведению указанного мероприятия уделяется тогда, когда на оперативных сотрудников возлагаются задачи по осуществлению поиска безвестно пропавшего потерпевшего, которые, как правило, начинаются с проверки первичной информации об имеющихся обстоятельствах и с исследования места его последнего пребывания. Указанные мероприятия проводятся, например, в целях получения информации об искомом объекте, а также об отдельных объектах, представляющих интерес для оперативных сотрудников.

Однако как показывает практика, зачастую перед оперативными сотрудниками ставится непосильная и редко выполняемая задача по исследованию нескольких гектаров земли, исследование которой может быть дополнительно осложнено погодными условиями и труднопроходимыми зонами в виде лесов, скал, различных перепадов, в том числе водоёмов, болот и т.д.

Все указанные обстоятельства, как минимум, могут повлиять на качество проводимых мероприятий, а также на своевременность выполнения таковых, что, в свою очередь, играет важную роль, поскольку промедление может повлечь за собой невозможность получения информации об искомом объекте, что может отразиться на системе доказывания в целом.

Если ранее оперативными сотрудниками использовались различные классические криминалистические средства приближения и фиксации, например, обыкновенные бинокли, объективы, иные средства наблюдения и фиксации, то на сегодняшний день в инструментарии оперативных сотрудников появились так называемые беспилотные летательные аппараты, которые представлены в различных вариациях, содержащие в себе все необходимые оперативному сотруднику функции.

Беспилотные летательные аппараты сегодня применяются во многих сферах: строительство; геология; определение мест возникновения пожаров и т.д. Оперативная деятельность также не остаётся в стороне, поскольку применение указанных технологий позволяют оперативным сотрудникам осуществлять свою деятельность более качественно и своевременно, с минимальным сопутствующим ущербом.

Беспилотные летательные аппараты уже доказали свою полезность при практической реализации оперативно-розыскных мероприятий. Как минимум, при умелом использовании они позволяют достаточно оперативно изучить большой участок местности, произвести фото (видео) фиксацию, а также сделать отметку координат интересующего участка местности. Но самое важное: управление беспилотным летательным аппаратом производится посредством дистанционного управления. Радиус действия (сигнала) у современных моделей может достигать свыше 10–20 километров и более [2, с. 118]. К плюсам также возможно отнести прямое сетевое подключение различных пользователей к камере, что позволяет осуществлять осмотр местности несколькими сотрудниками в режиме реального времени.

Кроме того, нельзя также оставить без внимания тот факт, что на основе предоставленной информации может сложиться ложный вывод о том, что беспилотные летательные аппараты целесооб-

разно использовать лишь на открытой местности. Однако как показала практика применения указанных средств, беспилотные летательные аппараты также зарекомендовали себя с положительной стороны при изучении городской местности, проходимость которой осложнена многочисленными постройками и т. д.

На сегодняшний день трудно поспорить с тем фактом, что беспилотные летательные аппараты являются необходимым инструментом, способствующим эффективному проведению оперативно-розыскных мероприятий как на первоначальном этапе расследования уголовного дела, так и на всех последующих, поскольку указанные средства позволяют наиболее оперативно, всестороннее и более качественно обнаружить искомые и интересующие объекты.

В связи с чем представляется возможным констатировать, что беспилотный летательный аппарат является универсальным средством по поиску интересующего объекта, однако не единственным среди всех современных технологий, используемых в оперативной работе.

Следующей группой современных технологий, способствующей повышению эффективности осуществления оперативной деятельности, является группа автоматизированных систем по распознаванию лиц, которая с недавнего времени получила своё более чем активное развитие и применение.

Система распознавания лиц представляет из себя сеть взаимосвязанных видеокамер, осуществляющих фиксацию и передачу информации о возможном обнаружении местонахождения предполагаемого искомого объекта. Указанная система является программным обеспечением, которое в автоматизированном режиме фиксирует, считывает, анализирует и сопоставляет полученную информацию с имеющимися в различных электронных хранилищах данными, на основании чего делает определённые выводы об обнаружении искомого объекта на определённой территории, то есть в зоне действия камеры.

Первоначально система распознавания лиц получила своё развитие в городе Москва, поскольку столица нашего государства является достаточно технологически развитым городом, что позволило подключить к системе распознавания лиц более десятков тысяч камер по всему городу. Однако сегодня на территории Российской Федерации такие системы внедряются повсеместно.

Например, одной из систем, функционирующих на территории Российской Федерации, является автоматизированный комплекс «Безопасный город», который на сегодняшний день функционирует по всей территории нашей страны и уже приносит желаемый результат. Указанная система постоянно обновляется и дорабатывается под конкретные нужды. В дополнение к указанной системе вводятся новые, более совершенные системы, выполняющие на основе различных алгоритмов обработку информации, в том числе распознавание лиц, что также повышает общую эффективность оперативной работы и поиск интересующих объектов соответственно.

Стоит также отметить, что, как на территории Российской Федерации, так и на территориях иностранных государств активно развиваются и внедряются в оперативную деятельность современные технологии в виде применения беспилотных летательных аппаратов, а также разрабатывается и внедряется система видео-слежения, функционирующая посредством специального программного обеспечения, позволяющая оперативно передавать соответствующую информацию в компетентные службы об искомом объекте.

Исходя из этого, для целей исследования представляется целесообразным рассмотреть опыт применения современных технологий в оперативной деятельности на территории Китайской Народной Республики.

В Китайской Народной Республике применяются как беспилотные летательные аппараты, так и система распознавания лиц, однако развитию последней уделяется повышенное внимание со стороны властей.

Система распознавания в Китайской Народной Республике лиц получила своё развитие в 2015 году. В стране планируется произвести установку свыше четырёх миллионов камер, объединённых в общую систему распознавания лиц, функционирование которых, в том числе будет направлено на обеспечение нужд оперативных подразделений и их сотрудников.

Стоит также отметить, что в Китайской Народной Республике для сотрудников полиции разработаны специальные смарт-очки, которые оснащены специальной камерой и внутренним дисплеем, позволяющим сотрудникам оперативно получать и обрабатывать информацию об объекте в режиме реального времени.

К сожалению, указанные технологии в данный момент имеют некоторые ограничения, например, для более эффективного использования очков, сотруднику полиции предлагается исследовать объект

находясь на расстоянии не более пяти метров и т. д. Однако как отмечают китайские коллеги, использование указанных технологий уже принесло свои положительные результаты в виде задержания разыскиваемых лиц и обнаружения иных искомых объектов, представляющих интерес для оперативных сотрудников [3, с. 25].

Представляется, что система распознавания лиц, а также система общей видеофиксации позволит наиболее быстро получить информацию об искомом объекте, в том числе о месте его обнаружения, что, в свою очередь, позволит оперативно проверить полученную информацию, и как следствие, указанная система повысит общий уровень эффективности всей работы.

Таким образом, на основе проведённого анализа использования современных технологий в оперативно-розыскной деятельности на территории Российской Федерации, а также зарубежного опыта, представляется возможным сделать некоторые выводы.

На сегодняшний день беспилотные летательные аппараты становятся полноценным инструментом при осуществлении оперативной деятельности. И если на заре своего появления указанные средства отличались относительной дороговизной, что, несомненно, влияло на общий уровень оснащения подразделений, то в настоящий момент проблема оснащения практически решена, поскольку указанные технологии доказали свою пригодность и эффективность [4, с. 81].

Огромные надежды как со стороны гражданского общества, так и со стороны оперативных сотрудников, возлагаются на систему распознавания лиц, поскольку с её помощью возможно получать информацию об обнаружении искомых объектов в режиме реального времени, что, несомненно, сказывается на скорости оперативного реагирования.

Однако использование современных технологий в оперативно-розыскной деятельности сегодня не ограничивается исключительно использованием беспилотных летательных аппаратов, а также системами видео-слежения. Постепенно внедряются новые, более совершенные технологии, которые также требуют дополнительного исследования и освещения в научной сфере.

Таким образом, изучение современных технологий позволит выработать различные криминалистические методики и тактики их применения, что позволит достичь максимальной эффективности по достижению искомого результата в оперативной деятельности, в связи с чем требуется дальнейшее продолжение изысканий в указанном направлении.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон [от 12.08.1995 N 144-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
2. Гаужаева В. А., Иноземцев С. В. применение беспилотных летательных аппаратов при проведении первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Право и управление. 2023. № 2. С. 117–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-bespilotnyh-letatelnyh-apparatov-pri-provedenii-pervonachalnyh-sledstvennyh-deystviy-i-operativno-rozysknyh-meropriyatiy> (дата обращения: 27.05.2024).
3. Григорович В. Л., Чжу Цзюй Чжэн. Использование системы распознавания лиц в оперативно-розыскной деятельности / В. Л. Григорович, Чжу Цзюй Чжэн // Проблемы оперативно-розыскного обеспечения уголовного процесса: тез. докл. респ. науч.-практ. конф. памяти первого начальника кафедры оператив.-розыскной деятельности фак. милиции Акад. МВД Респ. Беларусь Л.Н. Калинковича (Минск, 7 июня 2019 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол. А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. Минск: Академия МВД, 2019. С. 24–25.
4. Крамаренко В. П., Шевченко Е. С. Основы тактики использования технико-криминалистических средств, применяемых для раскрытия и расследования преступлений // Евразийская адвокатура. 2021. № 2 (51). С. 80–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-taktiki-ispolzovaniya-tehniko-kriminalisticheskikh-sredstv-primenyaemyh-dlya-raskrytiya-i-rassledovaniya-prestupleniy> (дата обращения: 27.05.2024).

УДК 343.85

**Дифференциация ответственности лиц, впервые совершивших преступление,
как инструмент профилактики уголовно наказуемого поведения**

© Д. А. Пархоменко

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права,
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Москва
parkhomenkoda@mail.ru

В статье обращено внимание на то, что с признанием лица, совершившего преступление основной фигурой уголовного права, это обстоятельство недооценивается при дифференциации уголовной ответственности. Это является закономерным следствием игнорирования таких лиц при определении основных направлений уголовно-правовой политики и определении ее целей. Автором подчеркивается необходимость персонификации уголовно-правовой политики в этом направлении, уточняются отдельные положения, относящиеся к характеристике основания и условий освобождения от уголовной ответственности и делаются выводы, касающиеся необходимости оптимизации уголовного законодательства в части регламентации освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление. В рассмотренной области тенденции формирования основных направлений уголовной политики позволяют сделать вывод о необходимости повышения эффективности уголовно-правовых норм, обеспечивающих дифференциацию уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, с лицами, совершившими преступление повторно.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, дифференциация уголовной ответственности, лица, впервые совершившие преступления, кратность преступлений.

**Differentiation of responsibility of persons who have committed a crime for the first time
as a tool for preventing criminally punishable behavior**

© D. A. Parkhomenko

Cand. Sci. (Law), associate professor, Department of criminal law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Russia, Moscow
parkhomenkoda@mail.ru

The article draws attention to the fact that with the recognition of the person who committed the crime as the main figure of criminal law, this circumstance is underestimated in differentiating criminal liability. This is a natural consequence of ignoring such persons when determining the main directions of criminal law policy and defining its goals. The author emphasizes the need to personify criminal law policy in this area, clarifies individual provisions related to the characteristics of the grounds and conditions for exemption from criminal liability and draws conclusions regarding the need to optimize criminal legislation in terms of regulating exemption from criminal liability of persons who have committed a crime for the first time. The trends in the formation of the main directions of criminal policy in the area under consideration allow us to conclude that it is necessary to increase the effectiveness of criminal law norms that ensure the differentiation of criminal liability of persons who have committed a crime for the first time with persons who have committed them repeatedly.

Key words: criminal law policy, differentiation of criminal liability, persons who committed crimes for the first time, multiplicity of crimes.

Последние несколько лет, ознаменовавшиеся множественными изменениями в уголовном законодательстве Российской Федерации, возможно, запомнятся учёным и практикам не только обилием новых норм и существенными их дополнениями к действующим, но и более масштабными переменами. Принимая во внимание преюдициальные нормы, количество которых со временем лишь увеличивается, учитывая возвращение в закон долгие годы отсутствовавшей в нем категории тяжких преступлений, совершенных по неосторожности, а также обращаясь ко многим другим обстоятельствам, так или иначе касающимся криминализации деяний и определения особенностей ответственности различных категорий лиц, можно сделать вывод о постепенном изменении направленности отечественной уголовно-правовой политики. Похоже, повсеместно устоявшееся в постсоветской науке, – и даже казавшееся непоколебимым, – клише в виде положения о том, что современная уголовная поли-

тика направлена на усиление ответственности за наиболее тяжкие преступления и постепенное снижение или исключение ответственности за преступления небольшой или средней тяжести, становится всё менее актуальным. Разумеется, гуманизация законодательства и системная декриминализация самых разнообразных актов поведения была неизбежна как этап трансформации уголовно-правовой политики в современную из ушедшего в прошлое советского периода, в который ставки при управлении обществом традиционно делались на высокий уровень уголовной репрессии. Текущая ситуация в законе демонстрирует, что этап трансформации фактически можно считать завершённым. Это означает, что уголовное право и как отрасль права, и как наука, вновь сталкивается с серьёзной сменой парадигмы: протестировав самую низкую степень репрессивности закона, законодатель заново определяет границы приемлемого и неприемлемого поведения, а опыт постсоциалистических десятилетий, судя по всему, указал на наличие множественных ситуаций, которые «не умещаются» в рамки административного права либо же иных отраслей, требуя именно уголовно-правового регулирования.

В данной ситуации крайне значимым является определение нового вектора в сохранении демократических и гуманистических ценностей как на уровне законотворчества, так и на уровне правоприменения. Уголовный закон, каким бы он ни был – будь он более или менее обширен и по количеству закреплённых в нём правил поведения, и по степени конкретизации их описания – направляет свое действие на лиц, совершающих преступления. Успехи или сложности в воздействии на таких лиц обуславливают, в конечном итоге, достижения либо трудности и в более масштабной области: в опосредованном воздействии на остальных членов общества в рамках общей превенции. Каждая ситуация взаимодействия участников охранительного уголовного правоотношения, по природе своей императивного, способна как утвердить у членов социума веру в законность и порядок, так и существенно её поколебать. И в этом ключе, надо сказать, между «днём вчерашним» и «днём сегодняшним» нет существенной разницы: уголовная репрессия должна быть применена лишь там и тогда, где и когда такая мера воздействия необходима и достаточна для реализации поставленных перед Уголовным законом целей. Итак, заметный в последние годы вновь появившийся в России акцент на интенсификации уголовно-правового регулирования общественных отношений ставит вопросы о дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания, а также о возможности освобождения от ответственности и наказания как никогда остро, ведь в область уголовно-правового запрета попадают акты поведения, ещё недавно ни коим образом не затрагивавшие уголовно-правовую материю.

Тем не менее, отечественная наука традиционно уделяет мало внимания проблеме изучения различных категорий лиц, совершивших преступления. В основном принято говорить о рецидиве и проблемах борьбы с ним в то время, как те лица, которые совершают преступления впервые, остаются вне поля специализированного акцентирования внимания. Удивительно, но при всей значимости оценки эффективности уголовного правоприменения именно по отношению к таким лицам, «увидеть» их в механизмах реализации уголовно-правовой политики нелегко уже потому, что такого показателя нет ни в одной доступной форме отчетности о показателях преступности и судимости. Разумеется, о дифференциации таких лиц на какие-либо подгруппы в таких условиях не может быть и речи, хотя это, представляется, могло бы иметь большую практическую пользу, как минимум, в контексте частной превенции. Едва ли понимание лица, совершившего преступление впервые, только в юридическом смысле, то есть как лица, не имеющего неснятой или непогашенной судимости, в полной мере отвечает запросу дифференциации применяемых к нему мер. И речь не только об ответственности и наказании, но и, например, об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), в связи с возмещением ущерба (ст. 76 УК РФ, где, правда, законодателем представлено несколько иное понимание лица, совершившего преступление впервые), с назначением судебного штрафа (ст. 76 УК РФ) [1]. Последнее основание, то есть судебный штраф, к слову, требует особого внимания, поскольку его появление в законе и дальнейшая реализация института судебного штрафа, применяемого в отношении лиц, совершивших преступление небольшой или средней тяжести впервые, на фоне волны криминализации большого количества деяний демонстрирует ещё более существенное смещение акцента законодателя с самого деяния на лицо, его совершившее.

Разумеется, уголовно-правовое воздействие на лиц, впервые совершивших преступление, не ограничивается и институтом освобождения от уголовной ответственности. По сути дела, так или иначе данная категория лиц или упоминается, или подразумевается во многих нормах и Общей, и Особенной части Уголовного закона. Вопрос в другом: именно они являются самыми потенциально

«управляемыми» адресатами уголовно-правового воздействия, то есть именно они, а не лица, совершающие преступления неоднократно, целенаправленно и с явным криминальным образом мышления, должны являться, по идее, главными адресатами уголовно-правовой коррекции поведения. Именно поэтому для решения задач, стоящих перед современным законодателем и правоприменителем, требуется детализировать понятие и дифференцировать разновидности данных лиц. В новых реалиях, с которыми, думается, уголовно-правовая наука уже столкнулась, нам, возможно, придется всё более значительно и часто смещать акцент с того, *что* совершено, на того, *кто* совершил деяние. И если так, то эффективность мер, применяемых к лицу, совершившему преступление, как и предотвращение дальнейших девиаций его поведения, может зависеть, в частности, от внимательного отношения к вопросу, действительно ли лицо совершило преступление в первый раз в жизни в обыденном, неюридическом, понимании, либо же уже совершало общественно опасные деяния, но было освобождено от ответственности, либо совершало преступление, но имеет снятую или погашенную судимость. Равно ли эффективным будет идентичное воздействие на таких лиц? Представляется, что нет. А раз так, думается, что дальнейшая разработка механизмов реализации уголовно-правовой политики в отношении лиц, совершивших преступление впервые – значимая задача для действительно-го снижения количества преступлений, совершаемых лицами повторно.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Пархоменко Д. А. Совершение преступления впервые: обоснованность введения в уголовный закон и значение среди других обстоятельств // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 6(163). С. 160–169.

УДК 343.13(517.3)

Общая характеристика уголовно-процессуальных прав потерпевшего в Монголии

© Е. И. Попова

д-р юрид. наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики
Уфимского университета науки и технологий
Россия, г. Уфа;
профессор кафедры уголовно-правовые дисциплины,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Россия, г. Улан-Удэ
popovaelena03@yandex.ru

Автор на основе системного анализа Уголовно-процессуального кодекса Монголии обозначает перечень прав, которыми закон наделяет потерпевшего. По ряду положений, устанавливающих права и обязанности этого участника уголовного судопроизводства производится сравнение с действующими нормами уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, Монголия, Российская Федерация, потерпевший, расследование, судебное разбирательство.

General characteristics of the criminal procedural rights of the victim in Mongolia

© E. I. Popova

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminalistics,
Ufa University of Science and Technology
Russia, Ufa
Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
East Siberian State University of Technology and Management
Russia, Ulan-Ude
popovaelena03@yandex.ru

The author, based on a systemic analysis of the Criminal Procedure Code of Mongolia, identifies a list of rights that the law grants to the victim. A number of provisions establishing the rights and obligations of this participant in criminal proceedings are compared with the current norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: criminal procedure legislation, Mongolia, Russian Federation, victim, investigation, trial.

Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Монголии[1] в главе 8 закрепил ряд норм, регламентирующих правила участия потерпевших от преступлений в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем, положения Кодекса, определяющие права и обязанности названных субъектов содержатся и в других статьях УПК этой страны.

В Монголии, ровно как и в России потерпевшим может быть признано как физическое, так и юридическое лицо (статья 8.1 УПК Монголии, ст. 42 УПК Российской Федерации).

Монгольское уголовно-процессуальное законодательство наделяет потерпевшего целым рядом прав:

- самостоятельно защищать свои права и законные интересы либо прибегать для этого за помощью к адвокатам, иным юристам (п.1.1 ч. 1 ст. 8.2, ч. 1 статьи 5.1, статья 5.7 УПК Монголии);
- представлять предметы, документы, информацию и другие документы, необходимые для установления обстоятельств дела и подтверждения доказательств (п.1.2 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);
- заявлять ходатайства о проведении определенных следственных действий и исследовании доказательств (п.1.3 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);
- участвовать в судебных заседаниях, предварительных судебных заседаниях и заслушиваниях уголовного дела по существу (п.1.4 ч. 1 ст. 8.2, ч. 2 ст. 25.1, 34.8, 35.8 УПК Монголии). При этом участие потерпевшего в суде первой инстанции (за исключением дел, которые рассматриваются судом в упрощенном порядке) возможно при условии, если потерпевший заявляет об этом письменное ходатайство.

тайство (ч. 1 ст. 34.8 УПК Монголии). В любом случае, если потерпевший не явился в судебное заседание суд должен выяснить мнение государственного обвинителя, подсудимого (его законного представителя) и адвоката может ли дело быть рассмотрено в отсутствие этого участника уголовного судопроизводства. Если стороны сочтут его участие необходимым, судебное заседание может быть отложено (ст. 34.13, п.1.1. ч. 1 ст. 34.16 УПК Монголии);

- задавать вопросы подсудимым, свидетелям и экспертам с согласия председательствующего судьи (п.1.5 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- обжаловать ход судебного разбирательства решения суда (включая приговор), прокурора и следователя в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом (п.1.6 ч. 1 ст. 8.2, ч. 5 ст. 30.14, ч. 4 ст. 36.8, ч. 5 ст. 36.9, 38.1 УПК Монголии);

- давать свидетельские показания, в том числе на родном или хорошо известном языке, нанять переводчика (п.1.7 ч. 1 ст. 8.2, ч. 1 ст. 16.3, п. 1.3 ч. 1 ст. 30.7 УПК Монголии);

- если дело «закрыто» или расследование завершено ознакомиться с соответствующей частью материалов уголовного дела и ходатайствовать о проведении дополнительного расследования (п.1.8 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- требовать или истребовать компенсацию за ущерб, причиненный преступлением (п.1.9 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- получать копию оправдательного или обвинительного приговора, иного судебного решения (п.1.10 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- требовать отвода судьи, прокурора, следователя, переводчика, эксперта, специалиста, секретаря суда (п.1.11 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- требовать возмещения ущерба, причиненного преступлением, подать жалобу о возмещении вреда и привлечении виновных к ответственности (п.1.12 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии);

- знакомиться с постановлением о назначении эксперта и заключением эксперта; (п.1.13 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии)

- не свидетельствовать против себя или членов семьи, родителей или детей (п.1.14 ч. 1 ст. 8.2, п. 4.6 ч. 4 ст.16.3 УПК Монголии);

- иные права, предусмотренные УПК РФ (п.1.15 ч. 1 ст. 8.2 УПК Монголии). В числе таких прав: знать о прекращении уголовного дела и обжаловать соответствующее решение (ч. 4 статьи 1.5 УПК Монголии); право на неприкосновенность личности (ч. 2 ст. 1.9 УПК Монголии); на обеспечение собственной безопасности (п. 2.4 ч. 2 статьи 4.1, статья 13.1-13.2 УПК Монголии), быть защищенным прокурором, судом и рассчитывать на обеспечение права на юридическую помощь (п. 1 ст. 5.1, ч.2 ст. 13.4, п. 1.3 ч. 1 ст. 31.4, 35.18 УПК Монголии); иметь законного представителя и представителя (право предоставляется юридическим лицам) (статья 9.5 УПК Монголии), инициировать применение в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, в случае, если он угрожает жизни, здоровью потерпевшего, может подвергнуть его опасности (ч. 1 ст. 14.9 УПК Монголии); участвовать в рассмотрении судом уголовного дела в упрощенном порядке (глава 17 УПК Монголии); участвовать в следственном эксперименте, допросе, очной ставке, идентификации (опознании) (ч. 2 ст. 23.5, 25.1, 25.4, ст. 25.7 УПК Монголии), получать уведомление об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 30.14 УПК Монголии), знать о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (ст. 32.5, ст. 32.6 УПК РФ); ходатайствовать о назначении или замене законного представителя (п. 6.2 ч. 6 ст. 33.1 УПК Монголии), ходатайствовать о примирении с потерпевшим в рамках подготовки к судебному разбирательству (п. 6.7 ч. 6 ст. 33.1 УПК РФ), участвовать в предварительном слушании (ч. 8 ст. 33.1 УПК Монголии), возражать против возвращения дела судом прокурору (ч. 2 ст. 33.3 УПК Монголии), высказывать мнение о привлечении подсудимого к уголовной ответственности и назначении ему наказания в любой момент судебного разбирательства (ч. 4 ст. 38.4 ПК Монголии), получать копию приговора суда (ч. 1 ст. 36.13 УПК Монголии)

Полагаем интересным остановиться на содержании статьи 16.10 УПК Монголии. Согласно части первой этой статьи предметы, документы, информация и иные документы, предоставленные потерпевшим, его законным представителем, адвокатом, принимаются детективом и *приобщаются к делу путем внесения соответствующей отметки* (здесь и далее курсив наш - авт.) в материалах дела. Для сравнения, в России, потерпевший, также имеющий право представлять предметы, документы для приобщения их в качестве доказательств (п. 4 ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 86 УПК РФ) не всегда может рассчитывать на то, что представленные им материалы, объекты приобретут статус доказательств, в связи с тем, что следователь может признать их не отвечающими критериям относимости и допустимости. К

слову сказать, потерпевший в Монголии может ходатайствовать о приобщении доказательств к материалам уголовного дела и в рамках процедуры подготовки к судебному разбирательству (п. 6.10 ч. 6 ст. 33.1 УПК Монголии).

Согласно части два статьи 16.10 потерпевшие, их законные представители и адвокаты имеют право ходатайствовать перед судом, прокуратурой и детективами о проведении дополнительного расследования для установления обстоятельств, имеющих отношение к делу. При этом должно быть указано какое именно обстоятельство следует дополнительно исследовать, в какой части необходимо провести расследование. Данное положение монгольского законодательства некоторым образом схоже с правом потерпевшего «участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя» (п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). И несмотря на то, что суд, прокурор или детектив могут полностью или частично отказать в удовлетворении ходатайства (ч. 4 ст. 16.10 УПК Монголии), представляется, что монгольский законодатель предлагает более развернутый подход к реализации соответствующих прав потерпевшему и лицам, представляющим его интересы в уголовном процессе. Следует заметить, что в любом случае, решение об отказе в проведении дополнительного расследования в части обозначенной потерпевшим, его адвокатом, законным представителем, может быть обжаловано в прокуратуру (ч. 5 статьи 16.10 УПК Монголии).

Также согласно статье 32.1 УПК Монголии после завершения расследования детектив должен проинформировать об этом гражданского истца, его законного представителя и адвоката, а также *предоставить им возможность* знакомиться с материалами уголовного дела. Обратим внимание, что в России для ознакомления с материалами уголовного дела потерпевший обязан заявить ходатайство (ст. 216 УПК РФ). При этом следователь может ограничить ознакомление с материалами дела, например, в части вопросов, связанных с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317. 4 УПК РФ).

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии. URL: <https://legalinfo.mn/mn> (дата обращения: 15.06.2024).
2. Оюунчимэг Т. Генезис правовой системы Монголии / Т. Оюунчимэг // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4. С. 80–83.
3. Попова Е. И. Особенности разьяснения порядка возмещения ущерба монгольским гражданам, потерпевшим от преступных хищений на территории Российской Федерации // Российский следователь. 2017. № 21. С. 49–52.
4. Пинчук А. П. Правовая система Монголии: сравнительно-правовой аспект / А. П. Пинчук, Е. И. Тимофеев, Г. Е. Решетников, М. А. Стародубцева // Юридическая наука. 2020. № 10. С. 129–135.
5. Семенов Б. С. Проблемы имплементации норм международного права в правовую систему Монголии / Б. С. Семенов, Э. Л. Раднаева // Вестник БГУ. 2011. № 2. С. 220–224.

УДК 343.2

**Институт уголовной ответственности юридических лиц в российском и зарубежном
уголовном законодательстве: современное состояние и развитие**

© В. Н. Сизова

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
Россия, г. Москва
svnn@inbox.ru

Выявление перспектив современного уголовного законодательства в контексте возможного дополнения существующей сегодня системы УК РФ новым системным элементом – совокупностью норм об уголовной ответственности юридических лиц будет неполным без осуществления сравнительно-правового анализа зарубежного уголовного законодательства, поскольку такое дополнение уже реализовано законодателями многих стран, что обуславливает постановку данного вопроса и перед российским законодателем. В статье рассматриваются перспективы включения рассматриваемого института в российское уголовное законодательство с учетом имеющегося зарубежного опыта в этой сфере. Формулируется вывод о том, что определенные предпосылки к этому уже имеются в арсенале отечественного законодателя. Проанализировано законодательство отдельных зарубежных государств, уже включивших исследуемый институт в национальное законодательство. В работе применены общенаучные и специальные методы исследования (анализ, синтез, сравнительно-правовой).

Ключевые слова: уголовная ответственность, юридические лица, уголовное законодательство, уголовный закон, ответственность.

**The institute of criminal liability of legal entities in Russian and Foreign criminal legislation:
current state and development**

© V. N. Sizova

leading researcher of the research center,
the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, Moscow
svnn@inbox.ru

Identification of the prospects for modern criminal legislation in the context of a possible addition to the existing system of the Criminal Code of the Russian Federation with a new systemic element - a set of rules on criminal liability of legal entities - will be incomplete without carrying out a comparative legal analysis of foreign criminal legislation, since such an addition has already been implemented by legislators in many countries, which determines the formulation of this issue before the Russian legislator. The article discusses the prospects for including the institution in question in Russian criminal legislation, taking into account existing foreign experience in this area. The conclusion is formulated that certain prerequisites for this already exist in the arsenal of the domestic legislator. The legislation of individual foreign states that have already included the institution under study in national legislation is analyzed. The work uses general scientific and special research methods (analysis, synthesis, comparative legal).

Key words: criminal liability, legal entities, criminal legislation, criminal law, liability.

В современной юридической литературе акцентируется внимание ученых и практиков на нахождение в УК различных зарубежных стран института уголовной ответственности юридических лиц [10, с. 6]. Очевидно, что его концептуальным базисом является совокупность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм соответствующих стран. Кроме того, в данный институт включены также положения процессуального, административного и гражданского законодательства, регламентирующие привлечение юридических лиц к ответственности и наказанию. При этом, зачастую нахождение данного института в Уголовных кодексах соответствующих стран обусловлено стремлением законодателя к соблюдению условий международных договоров, заключаемых для обеспечения эффективного противодействия совершаемым преступлениям транснационального характера.

Рассматривая вопрос о нахождении норм, предусматривающих привлечение юридических лиц к уголовной ответственности в США, нельзя обойти вниманием положения примерного Уголовного кодекса, который и выступил в качестве первоосновы для принятия в последующем соответствующего законодательного решения. Исследуя данные уголовно-правовые положения, важно указать на регулирование вопросов, связанных с привлечением юридических лиц к ответственности, на уровне

законодательства штатов и федеральном уровне, действующие обособленно. Однако, это не исключает общего правила, заключающегося в том, что при решении вопроса об уголовной ответственности юридических лиц осуществляется наравне с решением вопроса об уголовной ответственности физических лиц, чьими непосредственными действиями (бездействиями) был причинен вред либо создана угроза причинения вреда определенной области общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом.

При этом, решение вопроса о привлечении юридического лица к ответственности связано с рядом определенных факторов, установление которых обязательно для признания юридического лица виновным в совершении преступления: юридическое лицо нарушило законодательно установленные обязанности в связи с осуществляемой им деятельностью; в результате действий (бездействий) юридического лица были нарушены соответствующие законодательные установления; организация действует вопреки целям для реализации которых на была создана; преступление совершено генеральным директором либо сотрудником организации в ее интересах с использованием должностного положения.

Следует отметить, что американское уголовное законодательство не включает в свое содержание указание на конкретные преступления, субъектом которых может являться юридическое лицо. В качестве наказаний за их совершение законом предусмотрены конфискационные меры и штрафные санкции [5, с. 130].

Касательно французского уголовного законодательства в период до революции необходимо отметить регламентированную законом возможность привлекать к ответственности не только корпорации и различного рода общества, но и организации, создаваемые в учебных заведениях (университетские организации). В качестве наказаний в случае совершения ими преступных деяний предусматривались штрафные санкции, ограничение либо лишение различного рода преференций, например, финансирования по льготной программе. В послереволюционный период в народных массах и сознании граждан получил широкое распространение принцип равной ответственности индивида, была запрещена деятельность профсоюзов и исключена уголовная ответственность организаций.

Не включил нормы об уголовной ответственности организаций и УК Франции 1810 г., однако, данные вопросы регламентировались в иных нормативных правовых актах, например, в правилах осуществления морской торговли, в соответствии с которыми уголовная ответственность и наказание могли быть применены в отношении организации, в чьей собственности находился корабль, капитан которого совершил преступление [1, с. 22].

Кроме того, в случае совершения преступления, посягающего на права интеллектуальной собственности, вопрос о привлечении к уголовной ответственности решался в отношении творческой организации, в которой состояло лицо, непосредственно совершившее данное преступное деяние. Подвергались уголовной ответственности и наказанию издательские организации, оказывавшие в годы Второй мировой войны содействие вражеской стороне, что легло составило базу для включения норм об уголовной ответственности юридических лиц в современное французское уголовное законодательство [4, с. 71].

На сегодняшний день УК Франции содержит положения, регламентирующие случаи привлечения к уголовной ответственности и наказанию юридических лиц. При этом, законодатель установил соответствующие критерии привлечения к ответственности: преступное деяние совершается организацией в нарушение установленного законом порядка или правила в интересах организации ее исполнительным либо генеральным директором, но не рядовыми служащими, хотя бы те и действовали в интересах данной организации [7].

В число преступлений, совершаемых юридическим лицом, входят преступления против жизни и здоровья человека, против половой неприкосновенности, преступления террористического характера, незаконное распространение наркотических средств и др. [5, с. 107–108].

В качестве наказаний в случае совершения юридическим лицом преступления к нему могут применяться полное или частичное прекращение деятельности; наложение определенных запретов на осуществление сделок и заключение контрактов на договорной основе, судебный надзор и др. Одновременно следует отметить, что такое наказание, как частичное или полное прекращение деятельности может быть применено по решению суда в исключительных случаях. Когда очевиден факт создания юридического лица в целях реализации преступной деятельности. В таком случае, юридическое лицо может быть ликвидировано, а конкретные физические лица, совершившие от его имени пре-

ступление, привлечены к уголовной ответственности и наказанию в виде лишения свободы сроком до трех лет [8 с. 379–380].

Таким образом, очевидно, что с ростом количества государств, закрепивших рассматриваемые положения, особую актуальность приобрел вопрос о важности и значимости международно-правовой регламентации данного вида ответственности, результатом чего стала разработка системы международных договоров в указанной сфере. Впоследствии принятые международные договоры, в которых были учтены и обобщены наиболее важные вопросы, касающиеся возможности привлечения организаций к ответственности и наказанию, стали существенно влиять на становление национальных законодательных систем.

В этой связи, в юридической литературе отмечается, что, несмотря на отсутствие готовности некоторых государств к включению в национальные УК соответствующих положений, на сегодняшний день вполне выработана правовая база, созданная международными нормативными положениями, а стремительное увеличение числа некоторых видов преступных деяний еще более подчеркивают важность и значимость правовых установлений в данном вопросе [3, с. 10].

В современном обществе уже назрело понимание того, что эффективное противодействие преступности сегодня возможно лишь при активном взаимодействии и объединении усилий законодательных и правоприменительных органов различных государств, о чем регулярно идет речь в дискуссиях по вопросу необходимости конвергенции национального уголовного законодательства.

Сравнительное исследование уголовно-правовых установлений в сфере ответственности юридических лиц обусловило постановку и необходимость решения вопроса о значении данного института в системе уголовного закона и обращение к данной проблеме с позиции системного подхода, предполагающего все процессы и явления рассматривать в их взаимосвязи и взаимозависимости, не нарушая системные связи между ними и основываясь на системообразующих факторах.

При этом, учитывая, нахождение в числе целей систематизации уголовного законодательства устранение уголовно-правовых пробелов, противоречий, коллизий между отдельными нормами, а также приведение системы уголовного законодательства в состояние упорядоченности, согласованности, структурированности, необходимо отметить, что дополнение УК РФ соответствующими положениями будет способствовать их достижению, исходя из того, что:

- отсутствие регламентации уголовным законом случаев совершения юридическим лицом противоправных деяний при наличии такой регламентации в административном и гражданском законодательстве является явным уголовно-правовым пробелом. В этой связи, профессор А. А. Арямов совершенно справедливо указывает на существующий сегодня дисбаланс [1, с. 49]. По мнению автора публикации, принятие законодателем соответствующего решения эту проблему решит;

- подобное законодательное решение не нарушит состояние упорядоченности, согласованности, структурированности системы уголовного законодательства, поскольку указанные уголовно-правовые положения гармонично наполнят своим содержанием как Общую, так и Особенную части УК РФ, что подтверждается дополнительными исследованиями автора, осуществленными в иных научных работах.

С учетом изложенного, необходимо, прежде всего, отметить, что именно уголовно-правовые нормы выступают важнейшим государственным механизмом по охране общества в целом и каждой отдельно взятой личности в частности от криминальных угроз, в число которых следует включать и угрозы преступных посягательств со стороны юридических лиц, о чем сегодня активно дискутируют ученые [9, с. 112]. В этой связи, представляется возможным согласиться с позицией ученых, согласно которой значительное количество преступных посягательств на интересы личности, общества и государства, представленных в современном уголовном законодательстве, являются реальным свидетельством потенциальных масштабов криминальных угроз [6, с. 17].

Однако, следует признать неоконченной осуществляемую сегодня усилиями ученых и юристов-практиков разработку действенного инструментария, который позволил бы реально противодействовать современным криминальным угрозам и вызовам со стороны юридических лиц для практического воплощения основных направлений российской уголовной политики по противодействию преступности.

Литература

1. Абашина Л. А. Юридическое лицо как субъект уголовной ответственности: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / Л. А. Абашина. Орел, 2008. 153 с.
2. Арямов А. А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 2(16). С. 49–57.
3. Коробеев А. И. Преступность – планетарная проблема. К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Москва: Юридический центр Пресс, 2015. 280 с.
4. Крылова Н. Е. Уголовная ответственность юридических лиц во Франции: предпосылки возникновения и основные черты // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1998. № 3. С. 71.
5. Кузнецов А. П. Сравнительное уголовное правовеждение: монография /А.П. Кузнецов. Нижний Новгород, 2022. С. 13.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть / А. В. Наумов. Москва, 2010. С. 17.
7. Уголовный кодекс Франции от 22.06.1992. URL: <https://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?sessionId=0ED80937514DC9AE> (дата обращения: 11.11.2022).
8. Федоров А. В. Уголовные наказания (санкции) для юридических лиц (в порядке научного прогнозирования с учетом зарубежного опыта / Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. В 10 т. Т. 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2. Цели, система и эффективность уголовного наказания // под ред. Н. А. Лопашенко. Москва, 2021. С. 379–380.
9. Федоров А. В. Международные договоры об установлении уголовной ответственности юридических лиц // Ученые записки СПб филиала РТА. 2015. № 2(54). С. 112–124.
10. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах: монография / А.В. Федоров. Москва: Юрлитинформ, 2022. 245с.

УДК 343.2(470+517.3)

**Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за незаконную охоту
в Российской Федерации и Монголии***

© Д. А. Тарасенко

студент 2-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

geks4@mail.ru

В статье предпринята попытка провести сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за незаконную охоту в Российской Федерации и Монголии, посредством изучения нормативных актов, составляющих основу исследования, которые в свою очередь регулируют уголовную ответственность за незаконную охоту. Для достижения целей исследования автор использует, как общенаучные методы, так и специальные (сравнительно-правовой, аналогия, анализ и синтез). При помощи сравнительно-правового анализа автор выявил сходства и различия, рассмотрены особенности квалификации.

Ключевые слова: незаконная охота, экологические преступления, уголовная ответственность.

**Comparative legal analysis of criminal liability for illegal hunting
in the Russian Federation and Mongolia**

© D. A. Tarasenko

2nd year student,

Banzarov Buryat State University

Russia, Ulan-Ude

geks4@mail.ru

The article attempts to conduct a comparative legal analysis of criminal liability for illegal hunting in the Russian Federation and Mongolia by studying the regulations that form the basis of the study, which in turn regulate criminal liability for illegal hunting. To achieve the goals of the research, the author uses both general scientific methods and special ones (comparative law, analogy, analysis and synthesis). With the help of comparative legal analysis, the author identified similarities and differences, and considered the features of qualifications.

Key words: illegal hunting, environmental crimes, criminal liability.

В 2023 году на территории Российской Федерации зарегистрировано порядка 1273 преступлений по статье 258 УК РФ [13], а из этого количества выявлено лишь 641, что меньше почти на половину. Коэффициент преступности по фактам на 100000 населения составляет 1,04, по лицам 0,52. Прокуратурой на территории Монголии, а именно в Селенгинском, Центральном и Архангайском районах зарегистрировано порядка 60 преступлений по статье 24.5 УК Монголии [14]. Коэффициент преступности по фактам составляет 2,35, по лицам неизвестно. Взятая статистика Прокуратуры Монголии, конечно, не отражает полной картины того действительного положения, в котором находится Монголия, но отразило ту необходимую для нашего исследования часть.

Правовая охрана животного мира и его рационального использования есть неотъемлемая часть всего комплекса правовой охраны экологических правоотношений в Российской Федерации. Связано это с тем, что Конституция Российской Федерации провозглашает право каждого на благоприятную окружающую среду (ст. 42), однако есть и закрепленная или иначе говоря декларированная обязанность по сохранению каждой окружающей среды и природы (ст. 58) [1].

Рассматривая основные, фундаментальные, базисные положения Конституции Монголии, которая является основным законом государства, мы находим право гражданина Монголии на здоровую, безопасную среду, но в последующем находим не прямо закрепленную обязанность по сохранению окружающей среды и природы, а также прямо закрепленное право на защиту от загрязнения окружающей среды (ст. 16) [4]. Скорее всего обязанность по защите окружающей среды предполагается, но прямо не прописывается.

* Доклад отмечен Дипломом 1-й степени, 27 июня 2024 г.

В соответствии с Уголовным кодексом Монголии (далее – УК Монголии), а именно главой 24 «Преступления против охраны окружающей среды» уголовная ответственность за незаконную охоту установлена статьей 24.5 [5]. В это время, в российском законодательстве уголовная ответственность за незаконную охоту наступает по статье 258 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В качестве непосредственного объекта в статье 24.5 УК Монголии выступают общественные отношения по охране и рациональному использованию животных. В качестве непосредственного объекта преступления по статье 258 УК РФ выступают, опираясь на точку зрения Н.А. Селякова - «...общественные отношения по охране и рациональному использованию диких животных» [12, с. 186].

Предметом преступления по статье 24.5 Уголовного кодекса Монголии являются охотничьи ресурсы, которые в соответствии с подпунктом 4.1.8 пункта 4.1 статьи 4 Закона Монголии «О животных» есть «охотничьи животные, на которых можно охотиться и отлавливать без ущерба для их нормального роста и размножения», а уже что есть охотничьи животные нам отвечает подпункт 4.1.7 того же пункта в следующем виде «животные, на которых традиционно ведется охота с целью использования их шкуры, меха, мяса и другого сырья и которые являются охотничьими ресурсами». В соответствии со статьей 258 УК РФ предметом преступления являются охотничьи ресурсы, определение данного понятия закреплено в статье первой Федерального закона от 24.07.2009 «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3].

Объективная сторона преступления по части первой статьи 24.5 составляет ряд следующих деяний: незаконная охота или вылов животных на особо охраняемой территории без разрешения; охота, вылов, преднамеренное приручение или размножение редких животных без специального разрешения; хранение, продажа или покупка, перевозка, перемещение через границу сырья животного происхождения редких животных; коллекционирование чучел редких животных и их органов или тканей либо их сырья животного происхождения. В соответствии с УК РФ, а именно частью первой статьи 258, объективная сторона преступления состоит в производстве незаконной охоты с одним из перечисленных условий, заключенных в пунктах от «а» до «г» [2].

В соответствии с Законом Монголии «О животных», а именно подпунктом 4.1.21 статьи четвертой, охота это «действия, направленные на добычу животных в соответствии с периодом, методами, приспособлениями и разрешением, предусмотренными законом, с целью использования сырья животного происхождения» [7]. Соответственно, незаконная охота, это охота с нарушением требований законодательства, регулирующего данный вид общественных отношений. Сырье животного происхождения в соответствии с ранее упоминаемым законом, а именно подпунктом 4.1.20 статьи 4, есть «органы, включая кожу, шкуры, мех, перья, рога, головы, кровь, жир».

Понятие незаконного хранения не дается в монгольском законодательстве, поэтому попробуем дать свое определение, так хранение для нас понимается как умышленные действия лица, связанные с незаконным владением сырья животного происхождения, причем не учитываем временные моменты незаконного владения. Касательно незаконной продажи, это умышленные и незаконные действия лица направленные на отчуждение имущества возмездным путем. Незаконная перевозка, это умышленные и незаконные действия лица, которое перемещает, в нашем случае, сырье животного происхождения из одной условной точки отправления в другую условную точку прибытия. Незаконное перемещение через границу, есть умышленные действия, направленные на пересечение или прохождение границы государства в целях экспорта в нашем случае сырья животного происхождения в иные государства для продажи. Незаконное коллекционирование есть действия лица, направленные на сбор и хранение чучел редких или особо редких животных и (или) их органов или тканей, или сырья животного происхождения.

Особо охраняемые территории для нас представляются как территории с особым правовым режимом с установленными законодательством ограничениями в хозяйственной или иной деятельности, помимо сказанного, мы можем в соответствии со статьей третьей пункта первого Закона Монголии «Об особо охраняемых территориях» от 15 ноября 1994 года представить закрепленную данным законом классификацию особо охраняемых территорий: национальный заповедный парк; территория природного комплекса; природный заповедник; территория национального памятника. В соответствии с частью второй чуть ранее упомянутой статьи аймак может предоставлять на местном уровне особую защиту определенным районам в границах своей территории [8].

Касательно редких животных, можно сказать, что в соответствии со статьей четвертой Закона Монголии «О животных» это животные - «численность которых в зоне их обитания сократилась, ресурсы которых ограничены и которые находятся под угрозой исчезновения», а уже в соответствии со статьей 6, а именно подпунктом 6.1.2 особо редкие животные и редкие животные занесены в монгольскую Красную книгу (например, Архар - занесен в Красную книгу Монголии как редкое животное).

Особо редкие животные это в соответствии с Законом Монголии «О животных» есть животные, которые «находятся под угрозой исчезновения, численность которых резко сократилась в районе их распространения в целом или в большинстве его частей» (например, гобийский бурый медведь). Интересно отметить, что в соответствии со статьей 24.5 УК Монголии и её прямым толкованием получается вывод о возможности получения специального разрешения, например, на охоту. Состав преступления формальный.

Согласно Приговору суда первой инстанции по уголовным делам Баянгольского района от 09.05.2024 за номером 106/2024/0333/Э, лицо привлечлось к уголовной ответственности по части первой статьи 24.5 УК Монголии за хранение, продажу и перевозку сырья редких животных (бурых медведей, занесенных в Красную книгу Монголии как исчезающий вид на территории Монголии и имеющий статус редкого животного) без специального разрешения [10].

В соответствии со статьей 12 Закона Монголии «О животных» установлен запрет на продажу или покупку животных и сырья их происхождения, которые не получили описания, указанного в статье 25.3 Закона «О животных». А уже в соответствии со статьей 25.3 определенное должностное лицо выдает описание гражданам, субъектам предпринимательства и организациям, которые продают охотничьих животных и сырье животного происхождения. В следствие установления такого режима контроля за соблюдением законодательства, законодатель усмотрел необходимость в должной правовой охране, в лице уголовной ответственности по отношению к сырью животного происхождения редких и особо редких животных. Вообще последнее предложение является нашим уточнением по отношению к уголовной ответственности. Чуть выше мы приводили пример с бурым медведем, где прямо указано, что гражданин Монголии был привлечен к уголовной ответственности за хранение, продажу и перевозку сырья редких животных, от чего наше уточнение верно.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, а субъект преступления руководствуясь статьей 6.2 УК Монголии, а именно двумя её частями, является общим, то есть лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

Следующим этапом нашей работы станет обозначение отличий и схожестей двух сравниваемых нами статей.

Первым отличием является предмет преступления в двух сравниваемых нами статьях. Если в российском законодательстве для охраны животного мира существуют как минимум две основные статьи в лице 256 и 258 УК РФ, которые содержат разные предметы преступления, где 256 это водные биологические ресурсы, а 258 это охотничьи ресурсы, то в УК Монголии есть лишь одна 24.5, отчего появляется мысль, а какой статьей охраняются водные биологические ресурсы, за исключением водных растений? В ответ получаем простой ответ, что статьей 24.5 УК Монголии. Так, предмет преступления по статье 24.5 УК Монголии включает в себя как ранее говорилось охотничьи ресурсы, а через него мы перешли к понятию и определению охотничьих животных. Монгольское законодательство, понимает под животными «любых млекопитающих, птиц, амфибий, рыб, рептилий, ракообразных, насекомых, моллюсков, простейших или других беспозвоночных, которые временно или постоянно обитают на территории Монголии»[6] и при этом не воспроизводит деление как это сделано в российском природоресурсном законодательстве где не указывается перечень видов животных в понятии «животный мир» или «объект животного мира», а вместо этого создались термины «водные биологические ресурсы» и «охотничьи ресурсы», которые в части или целиком совпадают с признаками понятия «объект животного мира» и которые прописывают перечень определенных животных.

Приговор Налайхского районного суда по уголовному делу первой инстанции от 14 мая 2024 года за номером 108/2024/0087/Э послужит нашим доказательством для утверждения тезиса написанного чуть выше. Согласно Приговору, гражданин Монголии был привлечен к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное частью 1 статьи 24.5 УК Монголии за незаконный отлов трёх рыб на особо охраняемой территории [11].

В качестве отличия возможно привести разницу в наличии понятия дикое животное в одном и другом законодательстве. Так, в российском законодательстве есть данное понятие и оно же негласно

существует при квалификации деяния по УК РФ. Данное понятие помогает в УК РФ квалифицировать деяние по нужной статье без приведения в состояние где нормы будут конкурировать друг с другом. Так, помощь в квалификации исходит в первую очередь от того зависимо ли животное от человека или нет. Например, если животное находится в зоопарке и было убито кем либо, то ответственность наступает не по ст. 258 УК РФ, а по статье 167 УК РФ, потому как животное в данном случае будет считаться имуществом организации. У теоретиков и практиков часто возникают вопросы с животными, которые хоть и получают, например, питание от человека, но не полностью зависимо от человека в аспекте добычи пропитания. В монгольском законодательстве данного понятия нет.

В соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 258 УК РФ для привлечения к уголовной ответственности нужен крупный ущерб в размере превышающий 40 тыс. р., это позволяет учитывать и тех животных которые не внесены в Красную книгу РФ, субъекта РФ или международную, а также не находящихся на особо охраняемой природной территории. В УК Монголии нормы позволяющей считать определенный ущерб, нанесенный животному миру условием наступления уголовной ответственности по статье 24.5, нет.

В УК РФ в пункте «б» части 1 статьи 258 учитывается метод охоты признаваемый опасным, который может вызвать соответственно уголовную ответственность, то есть это применение механического транспортного средства или взрывчатых веществ. В статье 24.5 УК Монголии нормы учитывающей метод охоты как общественно опасный для животного мира в целях привлечения к уголовной ответственности за незаконную охоту, нет.

В УК РФ в пункте «в» части 1 статьи 258 учитываются птицы и звери, охота на которых полностью запрещена, то есть которые внесены в Красную книгу. В УК Монголии есть указание на редких и особо редких животных, которые также вносятся в Красную книгу Монголии, однако уголовная ответственность наступает лишь если отсутствует специальное разрешение на охоту или вылов таких животных. В УК РФ указывается полный запрет охоты на подобных животных.

По российскому уголовному законодательству можно сделать классификацию редкости животных, но при этом условную. Так, пункт «в» части первой статьи 258 говорит о запрете производства незаконной охоты на птиц и зверей, которые внесены в Красную книгу, это просто редкие животные, а уже статья 258.1 УК РФ регламентирует уголовную ответственность за добычу и оборот особо ценных (редких) животных, перечень которых есть в Постановлении Правительства РФ от 31.10.2013 № 978. В статье 24.5 УК Монголии часть первая учитывает редких животных, а часть вторая особо редких животных. Можно сделать вывод, что УК Монголии не выделяет в отдельную статью охрану особо редких животных как это сделано в УК РФ.

В пункте «г» части 1 статьи 258 УК РФ помимо особо охраняемой природной территории, в качестве территории, где установлен особый правовой режим указывается зона экологического бедствия и зона чрезвычайной экологической ситуации. В статье 24.5 УК Монголии в качестве территории с особым правовым режимом, где существуют ограничения на охоту или отлов используется понятие только особо охраняемой территории.

Уголовный кодекс Монголии в статье 24.5 оперирует термином «сырье животного происхождения», подобный термин встречается нам лишь в статье 258.1 в следующем виде «части», это согласно п. 13.3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» есть «не подвергшиеся обработке искусственно выделенные фрагменты, органы, вещества» [9].

По субъекту можно отметить, что отличие есть, но лишь в части, а именно во второй статьи 258 УК РФ, где квалифицирующим признаком является использование служебного положения. Из-за этого здесь субъект специальный. В остальном две сравниваемые статьи имеют общий субъект.

Отличием еще является, что в статье 258 УК РФ предусматривается как квалифицирующий признак служебное положение, чего в статье 24.5 УК Монголии нет. Добавим, что совершение незаконной охоты в соучастии как квалифицирующий признак в статье 24.5 УК Монголии также отсутствует.

В части схожести сравниваемых норм, стоит отметить, что как в статье 24.5 УК Монголии, так и в статье 258 УК РФ, есть указание на территории с особым правовым режимом, о которых речь шла ранее. В УК РФ и УК Монголии охрана редких животных идет по части первой обеих рассматриваемых норм. За исключением пункта «а» части первой статьи 258 УК РФ, составы являются формальными. Субъективная сторона у сравниваемых составов, это прямой умысел. Субъект, за исключением

части второй статьи 258 УК РФ при квалификации деяния совершенного с использованием служебного положения, является общим.

В заключении хочется отметить, что сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за незаконную охоту в Российской Федерации и Монголии позволяет сделать вывод о том, что в обоих государствах существует некая оригинальность и конкретно свой определенный путь уголовно-правовой охраны. Отличий получилось больше чем сходств, это в первую очередь может подчеркивать также и качественно свой подход к уголовной ответственности за данное преступление. Необходимо указать в завершении нашей работы рекомендацию, а именно: о введении понятия способного обозначить животных, не попавших под особо охраняемую территорию или в список редких или особо редких животных для сохранения популяции видов с внесением изменения в УК Монголии в статью 24.5 похожего на положение пункта «а» части первой статьи 258 УК РФ о крупном ущербе. Подобные изменения позволят попасть животным в Красную книгу не раньше, чем этого потребует время, а не человек.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с посл. изм. и доп.)] // [Электронный ресурс] – Режим доступа: Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» - Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (29. апр. 2024)/
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
3. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон [от 24.07.2009 № 209-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2009. - № 30. - Ст. 3735.
4. Конституция Монголии: принята народным голосованием 13 января 1992 г. // [Электронный ресурс] - URL: <https://legalinfo.mn/api/front/cons-detail-1992.html> (дата обращения 18.06.2024).
5. Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; науч. ред. перевода и предисл. М.В. Бавсуна, А.А. Нечепуренко. — Омск: Омская академия МВД России, 2020. — 144 с.
6. Закон Монголии об охране окружающей среды 1995 г. // [Электронный ресурс] - URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=8935> (дата обращения 18.06.2024).
7. Закон Монголии о животных 2012 г. // [Электронный ресурс] - URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail?lawId=8670> (дата обращения 18.06.2024).
8. Закон Монголии об особо охраняемых территориях 1994 г. // [Электронный ресурс] - URL: <https://legalinfo.mn/en/edtl/16230948087431> (дата обращения 18.06.2024).
9. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации [от 18.10.2012 № 21] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2012. - № 12.
10. Приговор Баянгольского районного суда от 09.05.2024 по делу № 106/2024/0333/Э/ URL: https://shuukh.mn/single_case/103657?daterange=2024-01-01%20-%202024-06-23&id=1&court_cat=2&bb=1 (дата обращения 19.06.2024).
11. Приговор Налайхского районного суда от 14.05.2024 по делу 108/2024/0087/Э/ URL: https://shuukh.mn/single_case/103848?daterange=2024-01-01%20-%202024-06-23&id=1&court_cat=2&bb=1 (дата обращения 19.06.2024).
12. Селяков Н. А. Особенности состава преступления при незаконной охоте // Право и практика. 2018. № 2. С. 185–189.
13. Статистические сведения о зарегистрированных преступлениях и выявленных лицах URL: https://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения 28.06.24).
14. Статистические сведения о зарегистрированных экологических преступлениях на территории Селенгинского, Центрального и Архангайского аймака/ URL: https://prokuror-mn.translate.goog/post/111688?_x_tr_sl=mn&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения 28.06.24).

УДК 343.32

Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за террористический акт*

© Э. В. Тарчимаева*

магистрант 2-го курса,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Россия, г. Улан-Удэ
e.tarchimaeva@mail.ru

© В. С. Петров

старший преподаватель кафедры «Уголовно-правовые дисциплины»,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Россия, г. Улан-Удэ
pretorianv@rambler.ru

Автор обращает внимание на увеличение преступлений террористического характера. Обозначаются некоторые из причин их совершения. Приводятся примеры вовлечения в такие преступные посягательства лиц, не имеющих стойкой криминальной направленности. Раскрывается алгоритм вербовки таких субъектов в совершение террористических актов и диверсий.

Ключевые слова: террористический акт, мошенничество, уголовная ответственность, квалификация преступлений

Some problems of criminal liability for a terrorist act

© E. V. Tarchimaeva

2nd year Master's student,
East Siberian State University of Technology and Management
Russia, Ulan-Ude
e.tarchimaeva@mail.ru

© V.S. Petrov

Senior Lecturer, Department of "Criminal Law Disciplines",
East Siberian State University of Technology and Management
Russia, Ulan-Ude
pretorianv@rambler.ru

The author draws attention to the increase in terrorist crimes. Some of the reasons for their commission are indicated. Examples of involvement in such criminal encroachments of persons who do not have a stable criminal orientation are given. The algorithm of recruitment of such subjects in the commission of terrorist attacks and sabotages is revealed.

Key words: terrorist attack, fraud, criminal liability, qualification of crimes.

В соответствии с действующим законодательством террористический акт – это совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воз-

* Научный руководитель: Елена Ильинична Попова, профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, доктор юридических наук, доцент.

* Доклад отмечен Благодарственным письмом Следственного Управления Следственного Комитета РФ по Республике Бурятия, 27 июня 2024 г.

действия на принятие решений органами власти или международными организациями (ч. 1 ст. 205 УК РФ¹).

Данные, характеризующие преступления террористического характера за 2021–2023 годы

	2021	2022	2023
Совершено преступлений террористического характера	700	851	1098
В том числе на стадиях приготовления и покушения	64	121	213

Для сравнения отметим, что, к примеру, в 2010 году число зарегистрированных преступлений террористической направленности составляло 581 эпизод².

Столь тревожные показатели числа анализируемых преступных посягательств, как представляется, вызваны сложной политической ситуацией в стране. И здесь стоит отметить, что в последние годы участились случаи поджогов и подрывов объектов Минобороны, Министерства внутренних дел, российской железной дороги, иных стратегических объектов. При этом по целому ряду преступлений террористической направленности обращает на себя внимание субъект преступления. Во многих случаях умысел на совершение преступного посягательства формируется у таких людей в результате давления, принуждения, обмана со стороны иных лиц.

Например, 1 августа 2023 года 34-летний мужчина и 70-летняя женщина совершили поджог бывшего здания военного комиссариата в городе Улан-Удэ. В ходе проведенных допросов подозреваемые сообщили, что якобы решились на преступление под влиянием неизвестных лиц, которые по телефону ввели их в заблуждение и побудили совершить поджог военкомата. Возбуждено уголовное дело по ч.1. ст. 205 УК РФ³. Подобные происшествия имели место быть и в других городах России, например:

- в Феодосии подожгла военкомат 51-летняя женщина, также ее убедили взять кредит на 3 млн рублей.

- в Казани 62-летнюю женщину мошенники запугали смертью дочери, она подожгла комиссариат и взяла кредит на 2,2 млн рублей.

- в Петербурге 54-летний мужчина поджег военкомат и протаранил на авто его ворота. Его убедил это сделать якобы «сотрудник ФСБ»⁴.

Как отмечается, за июль-август 2023 года в нашей стране имело место около 30 попыток поджогов военкоматов. «Участились случаи, когда поджигатели действуют по указаниям телефонных мошенников. При этом злоумышленники представляются сотрудниками Центробанка или правоохранительных органов»⁵. В этой связи стоит привести мнение кандидата психологических наук, заведующей кафедрой гуманитарных и практических дисциплин Таврической духовной семинарии Т. Н. Даниловой, о том, что жертвами мошенников становятся люди с низким уровнем критического мышления, которых легко запугать⁶.

По данным Министерства внутренних дел, схема вовлечения мошенниками своих жертв в совершение террористических актов примерно следующая:

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. ст. 2954.

² Оперативная статистическая информация о состоянии преступности и результатах расследования преступлений МВД РФ за период январь-декабрь 2010 года. URL: Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения 29.12.2023).

³ В Улан-Удэ поджигатели военкомата заявили, что их обманули телефонные мошенники. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/20/461790/> (дата обращения: 20.06.2024).

⁴ Телефонные мошенники убедили россиян поджечь 18 военкоматов за четыре дня. URL: <https://www.moscowtimes.ru/2023/08/01/telefonnie-moshenniki-ubedili-rossiyan-podzhech-18-voenkomatov-zachetire-dnya-a50717> (дата обращения: 20.06.2024).

⁵ Поджоги военкоматов в России. URL: https://www.gazeta.ru/subjects/podzhogi_voenkomatov_v_rossii.shtml (дата обращения: 20.06.2024).

⁶ Стали оружием: психолог пояснил причины поджога военкоматов по стране. URL: <https://crimea.ria.ru/20230809/stali-oruzhiem-psikolog-poyasnil-prichiny-podzhogov-voenkomatov-po-strane-1130541613.html> (дата обращения: 20.06.2024).

1. Поступает звонок на мобильный телефон и собеседник, представляясь сотрудником банка, запугивает тем, что с банковским счетом / картой человека совершаются вызывающие подозрения операции (попытка взять кредит, перевести деньги и проч.);

2. Озвучивается предложение помочь остановить злоумышленников, пытающихся незаконно воспользоваться денежными средствами. Зачастую «помогая» таким образом человек лишается денег (своих накоплений или взятых в кредит);

3. Далее ситуация может развиваться по одному из следующих сценариев, путем:

- убеждения жертвы мошенников вернуть похищенные мошенниками денежные средства;

- убеждения отомстить мошенникам;

- запугивания «обеспечить неприятности» жертве и ее близким;

- сообщения, что деньги перечислены экстремистским / террористическим, иным преступным организациям. Далее высказывается предложение «спасти свою честь», «оказать помощь правоохранительным органам», «предотвратить готовящиеся другими людьми преступления» и проч.

4. Требование совершить террористический акт (зачастую в отношении стратегически важных объектов)¹.

Во всех приведенных и иных подобных им примерах действия обманутых мошенниками граждан, совершивших обозначенные действия, квалифицируются как террористический акт или диверсия. Это объясняется тем, что «субъективная сторона террористического акта характеризуется прямым умыслом и целью воздействия на принятие решения органами государственной власти или органами местного самоуправления либо международными организациями»². Таким образом, важнейшей задачей правоохранительных органов является доказывание того, что субъект, подозреваемый в теракте, имел умысел на его совершение.

Решая вопрос об уголовной ответственности, судом могут быть приняты во внимание обстоятельства (при доказанности их наличия), указанные в п. «е» ч.1 ст. 61 УК РФ «совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости». Такие обстоятельства являются смягчающими и могут влиять на размер назначаемого виновному наказания.

Таким образом, в случае совершения террористического акта даже под влиянием мошенников и при условии доказывания умысла на совершение такого преступления виновный не может быть освобожден от уголовной ответственности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 09.02.2012 № 1] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

3. Оперативная статистическая информация о состоянии преступности и результатах расследования преступлений МВД РФ за период январь-декабрь 2021 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения: 06.11.2023).

4. Оперативная статистическая информация о состоянии преступности и результатах расследования преступлений МВД РФ за период январь-декабрь 2022 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения: 06.11.2023).

5. Оперативная статистическая информация о состоянии преступности и результатах расследования преступлений МВД РФ за период январь-декабрь 2010 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения: 06.11.2023).

6. Оперативная статистическая информация о состоянии преступности и результатах расследования преступлений МВД РФ за период январь-декабрь 2023 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения: 06.11.2023).

7. В Улан-Удэ поджигатели военкомата заявили, что их обманули телефонные мошенники. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/20/461790> (дата обращения: 20.06.2024).

¹ МВД России предупреждает: телефонные мошенники хотят сделать своих жертв диверсантами и террористами. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-preduprezhdaet-telefonnye-moshenniki-khotyat-sdelat-svoikh-zhertv-diversantami-i-terroris/> (дата обращения: 20.06.2024).

² Комментарий к ст. 205 УК РФ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ. URL: <https://nalogcodex.ru/comments/uk-rf/statya-205> (дата обращения: 20.06.2024).

8. Телефонные мошенники убедили россиян поджечь 18 военкоматов за четыре дня. URL: <https://www.moscowtimes.ru/2023/08/01/telefonnie-moshenniki-ubedili-rossiyan-podzhech-18-voenkmatov-zachetire-dnya-a50717> (дата обращения: 20.06.2024).

9. Стали оружием: психолог пояснил причины поджога военкоматов по стране. URL: <https://crimea.ria.ru/20230809/stali-oruzhiem-psikholog-poyasnil-prichiny-podzhogov-voenkmatov-po-strane-1130541613.html>(дата обращения: 20.06.2024).

10. Поджоги военкоматов в России. URL: https://www.gazeta.ru/subjects/podzhogi_voenkmatov_v_rossii.shtml (дата обращения: 20.06.2024).

11. МВД России предупреждает: телефонные мошенники хотят сделать своих жертв диверсантами и террористами. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-preduprezhdaet-telefonnye-moshenniki-khotyat-sdelat-svoikh-zhertv-diversantami-i-terroris> (дата обращения: 20.06.2024).

12. Комментарий к ст.205 УК РФ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ // [Электронный ресурс] - URL: <https://nalogcodex.ru/comments/uk-rf/statya-205>(дата обращения: 20.06.2024).

13. Гармаев Ю. П., Попова Е. И. Организация антикриминального и антитеррористического просвещения в Крымском федеральном округе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 270–279. URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=20820> (дата обращения: 20.06.2024).

УДК 343.1

**Институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве России
и ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона**

© **А. И. Шангин**

магистрант 1-го курса,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Россия, г. Улан-Удэ
heartbae@mail.ru

© **М. С. Файзуллаев**

адвокат,
адвокатское бюро «PREMIUM LEGAL»,
соискатель PHD
Республика Узбекистан, г. Ташкент
Eleon-84@mail.ru

Данная статья посвящена вопросам гражданского иска в уголовном судопроизводстве ряда стран. Внимание уделяется особенностям рассмотрения, способам и разновидностям возмещения вреда в пользу лиц, пострадавших от преступлений. Анализируется опыт возмещения вреда, причиненного преступлением в таких странах как США, Вьетнам, Китай, Канада, Япония. Вносятся предложения по заимствованию зарубежного опыта.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовное судопроизводство, предъявление гражданского иска, возмещение вреда, гражданский истец.

**The Institute of Civil Claim in Criminal Proceedings in Russia and a Number of Countries
in the Asia-Pacific Region**

© **A. I. Shangin**

1st year master's student,
East Siberian State University of Technology and Management,
Russia, Ulan-Ude
heartbae@mail.ru

© **M. S. Faizullaev**

lawyer,
law bureau "PREMIUM LEGAL",
PHD applicant,
Republic of Uzbekistan, Tashkent
Eleon-84@mail.ru

This article is devoted to the issues of civil action in criminal proceedings their peculiarities of consideration, methods and varieties of compensation in favour of persons who suffered from crime. The article considers such countries as USA, Vietnam, China, Canada, Japan. Not in all countries it is considered necessary and expedient to consider a civil action together with a criminal case.

Key words: civil action, criminal proceedings, filing a civil action, compensation for damages, civil plaintiff.

В России статья 52 Конституции гарантирует компенсацию жертвам преступлений, а Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РФ включает в себя институт гражданского иска, который рассматривается как неотъемлемый элемент конституционного права на судебную защиту, закрепленного в статье 46 УПК РФ. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс России упоминает только гражданский иск как способ возмещения вреда, причиненного преступлением, при этом статья 44 УПК РФ определяет гражданского истца как участника уголовного процесса, но не дает конкретного определения гражданского иска. Таким образом, доктрина играет важную роль в формировании концепции гражданского иска в российской правовой системе.

В связи с отсутствием единообразия судебной практики и в целях избежания нарушений прав участников процесса, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» [3, с. 11] были даны множественные разъяснения.

В пункте 5 текста Постановления Пленума поясняется, что в качестве гражданского ответчика может быть привлечен не только обвиняемый, но и лицо, не причинившее вреда непосредственно. В качестве примера приводится ситуация, когда работодатель несет ответственность за вред, причиненный работником при исполнении служебных обязанностей. Кроме того, финансовый орган, действующий от имени казначейства, также может рассматриваться в качестве гражданского ответчика [4, с. 11].

Следует отметить, если потерпевший не предъявил гражданский иск, суд должен предоставить ему такую возможность, независимо от того, был ли он ранее заявлен следственными органами. Такое заявление может быть сделано в ходе предварительного слушания или в подготовительной части судебного разбирательства. В названном постановлении Пленума также упоминается обязанность суда предложить лицу внести необходимые изменения в свои показания, связанные с гражданским иском, если это потребуется [11, с. 167–171; 12, с. 161–163].

Во всех странах Европейского союза были приняты меры по улучшению обращения с жертвами в уголовном процессе. Эти меры были приняты по решению Совета Европейского союза в 2001 году и предусматривают разработку законов, способствующих медиации, а также создание неправительственных организаций, предлагающих бесплатную помощь жертвам на протяжении всего уголовного процесса.

В результате в уголовное законодательство были внесены изменения, направленные на улучшение положения обвиняемого, если он полностью или в значительной степени возместил жертве причиненный вред. В случае незначительных уголовных преступлений прокурор имеет право отказаться от публичного обвинения, если обвиняемый согласится возместить ущерб под надзором суда. Кроме того, уполномоченные посреднические организации могут помочь жертвам получить компенсацию за вред, причиненный им в результате преступления. Эти инициативы направлены на удовлетворение потребностей жертв и улучшение их положения в системе уголовного правосудия.

В Канаде существует Канадский билль о правах жертв, введенный в действие в 2015 году, который устанавливает правовые рамки для защиты и восстановления прав жертв в канадской системе уголовного правосудия. Этот закон предоставляет жертвам право добиваться компенсации за финансовые потери, понесенные в результате совершенного против них преступления. Жертвы могут предоставить информацию о своих потерях в ходе судебного заседания и потребовать возмещения этих убытков. Для подтверждения ущерба жертвы могут воспользоваться стандартной формой, которая помогает рассчитать и задокументировать фактически понесенные финансовые потери. Однако в форму можно включить только убытки, понесенные до вынесения приговора преступнику; будущие убытки не подлежат компенсации. Кроме того, в законодательстве подчеркивается, что суды должны рассматривать вопрос о реституции за все совершенные правонарушения. Также стоит отметить, что в Японии существует уголовная ответственность за уклонение от реституции преступного ущерба, предусматривающая наказание в виде лишения свободы или денежного штрафа для лиц, занимающихся сокрытием, повреждением, фиктивным отчуждением или обременением ложными долгами с целью избежать принудительных мер взыскания.

Правовую систему Китая можно считать смешанной, включающей в себя элементы общего права, а также влияние социалистической правовой системы Советского Союза. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс, принятый в 1979 году, придерживается кодифицированного подхода и считается континентальной правовой системой. Защита социалистической законности и охрана прав личности и ее имущества признаны основными целями уголовного судопроизводства в Китае [7, с. 175–176].

Определение понятия "потерпевший" является предметом дискуссий в китайской правовой доктрине. Некоторые ученые делят жертв на две категории: прямые жертвы, которые непосредственно пострадали от преступного деяния, и косвенные жертвы, которым причинен как прямой, так и косвенный вред. Однако Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (КНР) рассматривает жертву как сторону в уголовном деле, что является новым положением по сравнению с предыдущими законами, которые признавали жертв только в качестве свидетелей [15, с. 15].

Согласно статье 77 Уголовно-процессуального кодекса КНР, жертвы, понесшие материальный ущерб в результате преступления, имеют право подать дополнительный гражданский иск. Если жертва становится гражданским истцом, она получает права обеих сторон в уголовном процессе. Народная прокуратура также имеет право предъявлять гражданские иски в случаях причинения ущерба государственной или коллективной собственности. Как правило, уголовное дело и гражданский иск рассматриваются одновременно. Однако в некоторых ситуациях суд может отложить рассмотрение гражданского иска до завершения уголовного дела.

Компенсация морального вреда, причиненного потерпевшим в результате преступления, - область, в которой подход китайского законодателя подвергается критике. По мнению Народного суда, гражданские иски о компенсации морального вреда не могут быть приняты к рассмотрению. Сроки подачи иска определяются с момента возбуждения уголовного дела до завершения судебного следствия в суде первой инстанции. Важно отметить, что потерпевшие освобождаются от уплаты государственной пошлины по гражданским искам.

Вопрос о признании потерпевшего гражданским истцом решается органом, осуществляющим предварительное расследование по уголовному делу. Если потерпевший выражает желание заявить гражданский иск, следователь признает его гражданским истцом, наделяет соответствующими правами и разъясняет обязанности. Если же потерпевший отказывается от подачи иска, он признается исключительно потерпевшим. Гражданские истцы пользуются различными процессуальными правами, такими как предоставление объяснений по иску, отказ от иска и получение копий соответствующих документов.

В целом, правовая система Китая представляет собой смесь общего права и социалистического права. Уголовно-процессуальный кодекс признает потерпевших сторонами в уголовных делах и допускает гражданские иски. Однако существуют ограничения для исков, связанных с моральным вредом, а гражданские иски могут быть рассмотрены как одновременно с уголовным делом, так и после него.

Стоит отметить, что институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве Англии и США отсутствует, поскольку в Англии вопросы гражданского характера, не рассматриваются в уголовном процессе [16, с. 188]. В США также, подача гражданского иска возможна только после разрешения уголовного дела.

В уголовно-процессуальном праве США правовые институты, связанные с гражданско-правовыми средствами защиты, известны как "гражданские санкции", "гражданский иск" или "гражданские средства защиты". Гражданский иск - это один из аспектов гражданско-правовых средств защиты, которые включают в себя иски о возмещении ущерба и обеспечительные меры по таким искам. Некоторые уголовные преступления позволяют лицам, понесшим ущерб в результате преступления, заявить иск на возмещение ущерба в рамках уголовного судопроизводства. К таким преступлениям относятся препятствование охране репродуктивного здоровья, отмывание денег, рэкет и коррупционные организации, международный терроризм, геноцид, преступления, связанные с терроризмом, незаконное получение, разглашение или использование персональных данных, а также уклонение от уплаты налогов [5, с. 36].

Приведенный список не должен рассматриваться как исчерпывающий, поскольку количество параграфов Кодекса США не имеет прямой зависимости от количества охватываемых преступлений. Например, Закон о рэкетирских и коррупционных организациях (RICO) охватывает более 100 преступлений, в то время как раздел 2331 содержит нормы для 11 правонарушений [5, с. 36]. В рамках данной статьи невозможно обсудить особенности применения гражданско-правовых средств защиты для каждого вида правонарушений.

Закон RICO, принятый в соответствии с Законом о борьбе с организованной преступностью 1970 года и объединенный в раздел 18 Свода законов США, определяет юрисдикцию окружных судов по предотвращению и пресечению нарушений Закона RICO. Он также позволяет лицам, чей бизнес или собственность пострадали в результате нарушения Закона RICO, подавать иск в соответствующий окружной суд для возмещения ущерба в трехкратном размере, а также судебных издержек и разумных гонораров адвокатов. Отсюда следует, что потерпевший может предъявить в суд гражданский иск на возмещение убытков в тройном размере на основании доказательств, представленных обвинением.

Следует отметить, что институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве США предоставляют лицам, пострадавшим от определенных уголовных преступлений, возможность получить возмещение ущерба.

Использование термина "гражданское средство защиты" в отношении преступления - это обозначение уголовного, а не гражданского права. В уголовном праве США термин "гражданское" не означает, что институты, обозначенные им, подпадают под регулирование гражданского права и гражданского процесса. Вместо этого он используется для характеристики некоторых видов уголовно-правовых институтов, таких как конфискация. Отнесение исков по определенным положениям к уголовной конфискации основано на том, что для подтверждения стоимости иска необходимы доказательства "основных" и "предикатных" преступлений. Сбор таких доказательств находится в юрисдикции правоохранительных органов США. Без участия в уголовном процессе истец не может установить характер, объем и размер доходов от преступной деятельности, а также размер собственных убытков, необходимых для возмещения ущерба. Поэтому иски по Закону RICO предназначены для судов уголовной юрисдикции и считаются гражданскими исками в уголовном процессе [5, с. 37]. Закон RICO является одним из примеров закона, допускающего гражданско-правовые средства защиты, и иски по этому закону классифицируются как уголовная конфискация в связи с необходимостью наличия доказательств совершения преступлений, лежащих в их основе. Сложно согласиться с вышеприведенным мнением, об отсутствии в США института гражданского иска в уголовном судопроизводстве [8, с. 95]. Такое ограниченное правовое регулирование отражает американскую правовую традицию разделения уголовного и гражданского судопроизводства.

В уголовном процессе Вьетнама используются различные меры по возмещению вреда, причиненного преступлением, в ходе досудебного разбирательства. К таким мерам относятся добровольное возмещение вреда, признание гражданским истцом, изъятие предметов и документов, наложение ареста на имущество. Однако анализ уголовных дел во Вьетнаме выявил проблемы в этой сфере, такие как отсутствие заявленных гражданских исков при наличии к тому оснований и недостатки (неполнота) в возмещении вреда потерпевшему [10, с. 144]. Потерпевшие и гражданские истцы имеют одинаковое право на возмещение вреда и применение мер, связанных с компенсацией вреда, причиненного преступлением. Некоторые эксперты выступают за объединение процессуальных статусов потерпевшего и гражданского истца, в то время как другие считают, что они должны оставаться отдельными [10, с. 145]. Важно признавать, как прямой, так и косвенный вред, причиненный преступлением, и предоставлять соответствующую компенсацию. Действующее уголовно-процессуальное законодательство должно обязывать должностных лиц признавать лиц как потерпевшими, так и гражданскими истцами при наличии оснований для признания потерпевшими. Лица, косвенно пострадавшие от преступления, также должны быть признаны потерпевшими и гражданскими истцами в уголовном процессе.

Таким образом, можно сказать, что институт гражданского иска в разных странах хоть и схож, но имеет достаточно различный подход к возмещению причиненного вреда преступлением. На основании опыта других стран предлагается ввести в российское законодательство возможность предъявления исковых заявлений до возбуждения уголовного дела. Право потерпевшего заявить гражданский иск в устной форме и обязательное протоколирование такого заявления, также появления возможности суда по собственной инициативе разрешать вопросы по возмещению вреда, причиненного преступлением. Для целей разъяснения реализации права на заявление гражданского иска могут быть использованы Памятки, в которых разъясняются не только соответствующие процессуальные права, но и специфика их реализации [13, с. 86–97; 14, с. 49–52].

Литература

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: Постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 13.10.2020 N 23] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 12. декабрь.
4. Белоусова Е. А. Теоретические и практические аспекты гражданского иска в уголовном процессе / Е. А. Белоусова, А. И. Тертычная // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). 2022. Т. 8, № 2(18). С. 6–15. EDN FGGAKO.

5. Волеводз А. Г. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству США / А. Г. Волеводз, В. В. Дубровин // *Юридический мир*. 2010. № 4. С. 35–42. EDN NDSJCS.
6. Волинская О. В. Особенности процессуального статуса потерпевшего, заявившего гражданский иск (гражданского истца) в уголовном судопроизводстве, по законодательству отдельных стран / О. В. Волинская, М. И. Федоров // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 5. С. 122–124. EDN YKMHAV.
7. Захаренкова В. В. Некоторые аспекты трансформации уголовно-процессуального закона КНР в редакции 2012 года // *Закон*. 2019. № 2. С. 175–183. EDN YXAOOL.
8. Кухта К. И., Махов В. Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. Москва: Юрлитинформ, 2008. 216 с.
9. Лугинец Э. Ф. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве России: понятие, нормативно-правовая база, актуальные проблемы и их разрешение / Э. Ф. Лугинец, М. М. Бондарь, Т. А. Николаева // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2022. № 3(62). С. 64–76. DOI 10.25724/VAMVD.A020. EDN RPIASJ.
10. Нгуен В. Т. Понятие и проблемы совершенствования гражданского иска в уголовном судопроизводстве Социалистической Республики Вьетнам // *Вестник Московского университета МВД России*. 2018. № 3. С. 142–147. EDN XUMKWT.
11. Попова Е. И. О критериях существенности нарушений прав и законных интересов потерпевших // *Уголовная политика на современном этапе: материалы международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума*. Иркутск. 2021. С. 167–171.
12. Попова Е. И. Соблюдение законных интересов непрофессиональных участников уголовного судопроизводства: постановка проблемы и возможные пути решения // *Закон и право*. 2021. № 3. С. 161–163.
13. Попова Е. И. Памятка потерпевшему, заявившему гражданский иск в уголовном процессе // *Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 23–25 июня 2017 г.)* / под ред. И. А. Шаралдаевой; отв. ред. Е. А. Хлыстов. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2017. С. 86–97.
14. Попова Е. И. Особенности разъяснения порядка возмещения ущерба монгольским гражданам, потерпевшим от преступных хищений на территории Российской Федерации // *Российский следователь*. 2017. № 21. С. 49–52.
15. Смирнова И. Г., Алексева Е. В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в досудебном производстве по УПК РФ и КНР. Иркутск, 2020. 59 с.
16. Чунарева Ж. А. Гражданский иск в уголовном процессе. Особенности разрешения гражданского иска в разных странах // *Трибуна ученого*. 2021. № 11. С. 186–190. EDN WLASAZ.

V. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКИХ СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

V. TRANSFORMATION OF MODELS OF SOCIAL-ECONOMIC, ECOLOGICAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ASIAN COUNTRIES IN MODERN CONDITIONS

УДК 364(517.3)

Социальные гарантии госслужащих в Монголии

© Дулам Гантумур
старший преподаватель,
факультет публичного права, Юридический институт,
Монгольский государственный университет
Монголия, г. Улан-Батор
Gantumur_d@num.edu.mn

Государственная служба Монголии обновляется и развивается. Наряду с этим повышаются требования к госслужащим. Чтобы соответствовать данным требованиям меняются и улучшаются уровень образования и этика госслужащих. Но имеются вопросы о квалифицированной и стабильной госслужбе, в особенности условия работы госслужащих, то есть неудовлетворительное состояние экономико-социальных гарантий, соблюдение принципа руководства только способностями при назначении на должность, обеспечение граждан равными возможностями поступления на госслужбу, открытость и прозрачность и другие насущные вопросы рассмотрены детально в исследовании. Так как важно обеспечить стабильность госслужбы, в полном мере реализовать принцип квалифицированности и компетентности госслужбы, таким образом сохранить преемство государственной службы, поэтому вышеуказанный вопрос рассмотрен отдельно.

Ключевые слова: госслужба, госслужащий, принципы для соблюдения, социальные гарантии, насущные вопросы, решения.

Social guarantees for civil servants in Mongolia

© Dulam Gantumur
Senior Lecturer,
Faculty of Public Law, Law Institute,
Mongolian National University
Mongolia, Ulanbaator
Gantumur_d@num.edu.mn

The civil service of Mongolia is being updated and developed. Along with this, the requirements for civil servants are increasing. In order to meet these requirements, the level of education and ethics of civil servants are changing and improving. But there are questions about a qualified and stable civil service, especially the working conditions of civil servants, that is, the unsatisfactory state of economic and social guarantees, compliance with the principle of guidance only by abilities when appointing to a position, ensuring citizens with equal opportunities to enter the civil service, openness and transparency and other pressing issues are considered in detail in the study. Since it is important to ensure the stability of the civil service, fully implement the principle of qualification and competence of the civil service, thus preserving the succession of the civil service, therefore the above issue is considered separately.

Key words: civil service, civil servant, principles for compliance, social guarantees, pressing issues, solutions.

1. **Введение.** Любая госслужба является мостом, связывающим гражданина и государство и гарантий репутации данной страны. Госслужба направлена на реализацию целей и задач государства в рамках Конституции и прочего законодательства Монголии, разработку государственной политики и является деятельностью по оказанию услуг, которыми государство обязано обеспечить общественность, другими словами, можно понимать как структуру и организацию. В настоящее время, когда общество быстро развивается, без квалифицированной госслужбы и ее госслужащих

невозможно выполнить поставленные цели. По состоянию на 2023 год, госслужащие составляют 6,67% всего населения и 18,2% от всей рабочей силы. Количество госслужащих составляет 226,496¹, из которых 69,296² – действительные госслужащие, что занимает 30,6%³ от всего числа госслужащих. Средний возраст госслужащих составляет 38,64 лет, что по сравнению с прошлым годом снизился на 1,51 лет и это является показателем омоложения⁴ среднего возраста госслужащих. Число высокообразованных и квалифицированных госслужащих увеличивается, что является хорошим примером того, что госслужба становится квалифицированной. Например, количество госслужащих со степенью магистра составляет 63,731, тогда как 988⁵ госслужащих имеют докторские степени.

Скорость интенсивности развития нынешнего современного общества требует от госслужбы и ее служащих умений, навыков, этики, подхода и нового управления. Для того, чтобы соответствовать данным потребностям и требованиям соблюдается Закон Монголии “О госслужбе”, в котором отражены новые идеи монгольского государства. Законом урегулированы принципы для соблюдения в госслужбе, также социальное обеспечение госслужащих. Но под утверждением закона нельзя понимать, что правовая среда станет прекрасной, твердое понимание о выполнении закона и того, что выполнение закона более важно, чем утверждение закона. Только стабильность работы госслужащего является незаменимым ценным капиталом, нужно обратить особое внимание на повышение репутации госслужбы и ее уважения в народе, отбор и назначение госслужащих с учетом важности их влияния на вопросы развития страны и возникает необходимость улучшения экономических и социальных гарантий, в которые входят вопросы надлежащего установления должностной классификации и званий госслужащих, обновления схемы должностных окладов госслужащих.

Высокие государственные чины и госслужащие, которые непосредственно выполняют государственную работу, в своей деятельности по реализации социальных гарантий госслужащих согласно законам должны обеспечивать в своей работе принципы и требования правового государства. Указанные в Законе “О госслужбе” основания госслужбы - быть квалифицированной, стабильной и работать на постоянной основе на госслужбе являются экономическими гарантиями. Также, если изучить неудовлетворенность со стороны народа госслужбой, то это приводит к тому, что “принципы для соблюдения в работе” не соблюдаются в последовательной мере, принцип открытости и прозрачности утрачен. Исходя из этого, любой законный принцип имеет важную значимость тем, что оказывает решающее влияние на выполнение целей данного закона и функций. Цель данного исследования заключается в том, что наряду с важностью выполнения принципов госслужбы в реализации Закона “О госслужбе” подчеркнута насущность вопроса о достаточности социального обеспечения ее служащих. В исследовании говорится о важности усовершенствования экономического и социального обеспечения госслужащих, правильного понимания, применения и выполнения законных принципов и формирования правовой культуры.

2. Основная часть. Госслужба разнообразна и ее правовой статус регулируется Законом “О госслужбе” и прочим отраслевым законодательством. В Монголии новая редакция закона “О госслужбе” впервые была утверждена в 2017 году и с 2019 года закон вступил в силу. Данным законом регулируются принципы квалифицированности, стабильности, открытости, прозрачности и ответственности госслужбы и отношения, связанные с формированием основ экономических и социальных гарантий госслужащих. Таким образом, для реализации квалифицированной, стабильной и ответственной госслужбы указано о том, что наряду с соблюдением отраженных в части 2 статьи 1 Конституции Монголии основных принципов демократии, справедливости, прав и свобод, равноправия, обеспечения национального единства, верховенства закона⁶ должны быть реализованы принципы служения народу, квалифицированности и стабильности, открытости и прозрачности, независимости госслужащих от политических партий, кроме политических госслужащих, быть обеспеченным равными возможностями работы на госслужбе, при назначении гражданина на действительную государственную руководствоваться только принципом меритократии и соблюдать принцип подчиненности. Важность строгого соблюдения в госслужбе принципа меритократии имеет

¹NSO.mn

²NSO.mn

³www.csc.gov.mn

⁴Там же

⁵Там же

⁶ Конституция Монголии, 1992

древние корни. Данный принцип или принцип меритократии содержит в себе такие понятия, как заслуга, качественный рейтинг, хорошие стороны, принятие другими и в отношении госслужащего является понятием, выражающим назначение избранного человека, который полностью обеспечивает данные необходимые для государственной должности требования. Меритократия имеет истоки из концепции выбора военачальников в эпоху Великой Монгольской империи и Чингисхаан назначал¹ на должности, не исходя из происхождения, а выбирал тех кто, отличился своими знаниями, навыками и талантами.

Таким образом, со времен Чингисхаана вопрос о выборе государственного чиновника реализовывался в рамках политики по правопреемству государства, который унаследовался до наших дней. Любая государственная политика продолжает предыдущее правопреемство, развивает хорошие и утрачивает негативные стороны. В концепции национальной безопасности Монголии указано о том, чтобы “соблюдать политику оказания равноправных, доступных услуг гражданам, укрепления открытой, прозрачной и ответственной госслужбы, формирования госслужбы квалифицированными, компетентными людьми.

Также выведение к международным стандартам критерий знаний, этики и навыков, которые ставятся перед госслужащими, повышение заработной платы и обеспечения, создание условий для стабильной и эффективности работы госслужащих являются правовой основой развития госслужбы, основанной на принципе меритократии, квалифицированности и стабильности госслужбы, что нашло отражение в действующем новом Законе “О госслужбе”.

Главная цель госслужбы заключается в служении народу и общественным интересам. Государство в ходе реализации данной функции создает основу для того, чтобы быть квалифицированным, стабильным, компетентным, эффективным, чтобы гражданин был обеспечен равными возможностями для поступления на государственную службу, чтобы госслужащий работал с верой в то, что экономические и социальные гарантии будут индексироваться в соответствии с уровнем инфляции. Верховенство закона, утвержденного государственным властным органом, является основным требованием правового государства и понимается как отражение правовым принципом необходимых нужд общества и соответствия демократическому правовому государству и его основным законным требованиям. Правовой принцип по своему существенному влиянию выполняет решающую роль в правовом урегулировании. Если рассматривать в данном смысле, то принцип госслужбы является душой данного закона.²

Таким образом, для реализации цели и функций Закона “О госслужбе” его принцип оказывает решающее влияние, поэтому рассмотрим в следующей части насущные вопросы, с которыми сталкиваются при реализации следующих определенных принципов.

3. Основные вопросы исследования.

Исследование о соблюдении принципа меритократии при назначении гражданина на действительную государственную службу Монголии.

В предыдущей части было сказано о важности принципа, которого нужно придерживаться при реализации целей госслужбы. Например, при уточнении и рассмотрении открытым способом на основе качественного исследования вопроса принципов, часто нарушаемых участниками данного исследования – госслужащими и представителями бизнес-сообщества, и вопросов, на которые следуют обратить надлежащее внимание, выяснилась следующая ситуация.

Таблица 1

Нарушаемые при реализации Закона “О госслужбе” и требующие внимания принципы

№	Часто нарушаемые принципы госслужбы	Процент
1.	Обеспечение граждан Монголии равными возможностями для работы на госслужбе	45,8%
2.	Строгое соблюдение принципа меритократии при назначении на действительную госслужбу	56,4%
3.	Открытость и прозрачность	41,6%
4.	Недопущение конфликта интересов	56,7%

¹Meritocracy was the primary basis for selection of chiefs and generals in the Mongol Empire.

²Д.Гантумур “Положение по реализации закона “О госслужбе” микро-исследование, 2022.

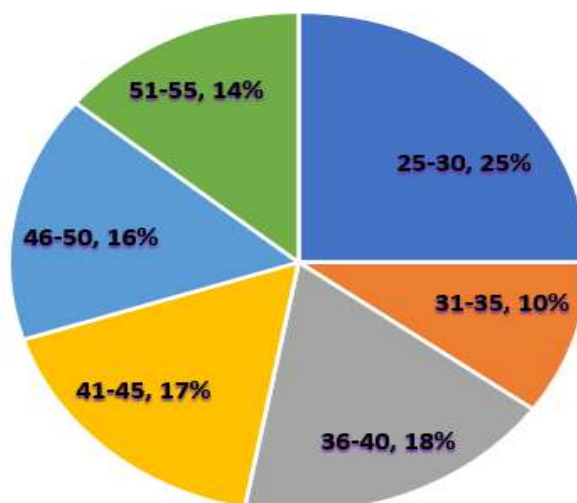
Таблица 2

*Работы, которые в первую очередь нужно выполнить
в рамках часто нарушаемых принципов госслужбы*

1.	Прежде всего, устранить nepoтизм при назначении на работу в госслужбу	87,5%
2.	Отбирать высоко квалифицированных граждан, для этого усовершенствовать систему заработной платы	43,5%
3.	Назначение на государственную службу сделать открытым, справедливым и прозрачным	53,6%
4.	Установить контроль над выполнением специальных требований к госслужбе	48,7%
5.	Назначать на действительную госслужбу на основе отбора	32,2%
6.	Держать госслужбу вне политического влияния и основательно перейти к системе меритократии	37,4%
7.	Соблюдать этику госслужащего	50,1%
8.	Обращать внимание и пропагандировать выполнение законов	32,6%
9.	Проводить мониторинг вмешательства со стороны на реализацию законов	39,7%

Диаграмма. Возраст лиц, принявших участие в исследовании

Возрастная структура участников исследования

Согласно исследованию 87,5% участников сделали заключение, что полномочное должностное лицо при назначении кого-либо на государственную должность делает преференцию своим родственникам, друзьям, знакомым, что приводит к утере квалифицированности и стабильности госслужбы, таким образом ослабляется доверие между государством и гражданами и повышает вероятность неблагоприятных последствий от таких отношений. Также считается, что принципы обеспечения граждан Монголии равными возможностями для поступления на работу в государственную службу, открытости и прозрачности нарушаются на 45,8% и 41,6% соответственно, что является нарушением права граждан служить государству. При проведении качественного исследования, отвечающего на вопрос о том, как обеспечиваются социальные гарантии госслужащих 65,8% участников дали ответ о том, что социальных гарантий, кроме заработной платы, почти нет и требуется улучшение. Прочее медицинское обслуживание, краткосрочное и повторное обучение госслужащих, кадровый вопрос, повышение по службе также являются одними из частей социальных и экономических гарантий, но их считают находящимися в неудовлетворительном состоянии. Тогда как по состоянию на 2023 год по указу Президента Монголии 32 государственным административным служащим выданы чины высшего ранга, по указу Президента Монголии 236 государственным административным служащим по-новому выданы чины среднего ранга и

повышения в чине, на государственном уровне в 2019-2023 годах из 780 государственных административных служащих 106-ти выданы чины высшего ранга, 674-ем¹ – чины среднего ранга, что является выражением обеспечения госслужащих экономическими и социальными гарантиями.

Со стороны Совета по госслужбе по жалобе и информации, поступившим от граждан, организаций и госслужащих проведено 10 проверок деятельности 10 госорганов на предмет отбора и назначения на государственную должность 201 действительных госслужащих и было установлено, что 25 действительных госслужащих было назначено в нарушение законодательства о госслужбе.² Данное является ярким примером, показывающим обесценивание принципов открытости и прозрачности, соблюдения меритократии при назначении на действительную госслужбу, обеспечения граждан Монголии равными возможностями для работы на госслужбе. Ранее было сказано, что при обеспечении в достаточной мере экономических и социальных гарантий создадутся условия для стабильной работы. Вопрос обеспечения госслужащих социальными гарантиями не только регулируется Конституцией и Законом “О госслужбе”, но и тем, что каждый госорган регулирует данный вопрос специальными подзаконными нормативными актами. Исходя из этого видно, что сфера, объём, виды охвата социальных гарантий каждой организации варьируют, что является одной из причин того, что данный принцип обеспечения граждан Монголии равными возможностями для поступления на работу в госслужбу утрачивается. Другими словами, нарушается принцип установления одинаковой заработной платы всем категориям госслужбы и имеется различие, исходя из организации и отрасли, к которой она относится, также отсутствие межотраслевой юридической согласованности приводит к утрате принципа обеспечения экономических и социальных гарантий, всё это является невыполнение Монголией международных конвенций, к которым она присоединилась, таких как 100-ая Конвенция Международной организации труда “О равном вознаграждении за труд”. Иными словами, это можно увидеть из того, что 99,5% специальных госслужащих в нашей стране получают доплату за звание, заработная плата работников Великого государственного хурала, Администраций Президента и Правительства, судебных органов выросла по сравнению со средней зарплатой по стране в 0,9-4,9 раза.³

Из 479 жалоб о нарушении прав и интересов действительных госслужащих и кандидатов на государственную должность, поступивших в Совет по госслужбе, 46 жалобы были оспорены, рассмотрены и решены. Из них 2,2% или 1 решение было по вопросу, связанному с социальными гарантиями.⁴ Хотя всего одно решение по обращению по данному вопросу в соответствующий орган, фактически на практике данный вопрос существует. На данный момент стабильность работы высоко образованных, квалифицированных молодых людей является насущным вопросом для госслужбы и главной целью, на которое следует обратить особое внимание, являются экономические гарантии и утверждение их в соответствии с реальным положением дел.

Исходя из вышеизложенного, Конституцией Монголии провозглашено равенство прав и свобод независимо от расы, национальности, языка, возраста, пола, социального происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, образования⁵, что является пунктом закона о недискриминации и воспрещена дискриминация согласно пункту 31.4 Закона “О госслужбе”, детально регламентирующему отношения госслужащих, право гражданина, обеспечившего требования для данной государственной должности по возрастным, расовым, национальным, половым признакам и социальному происхождению, имущественному и должностному положению, отношению к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. В рекомендации 111-ой Конвенции Международной организации труда “О недискриминации (труд, занятость)” указано, что термин дискриминация означает всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения и имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий⁶.

¹www.csc.gov.mn

²www.csc.gov.mn

³www.csc.gov.mn

⁴www.csc.gov.mn

⁵Конституция Монголии, 1992

⁶«Не убий» Конвенция МОТ № 111.

Хотя данное является уже давно принятой международной и национальной правовой нормой и умышленное нарушение свидетельствует о наличии дискриминации в госслужбе, что создает риски отъезда квалифицированной молодежи за рубеж согласно международной трудовой миграции или ухода в другие отрасли.

Поэтому, хотя устранение явлений неравноправия в госслужбе и дискриминации является делом времени, стараний и морали, нельзя надеяться только на это, требования справедливости от гражданского общества и народа должны стать решениями проблем, так как считается, что правовое государство ограничивает государственную власть правовыми актами, которые основаны на стартовом паритете, правах и свободах личности, оно способно решать свои вопросы нормами, защищенными от индивидуального и государственного участия и стать свободным.¹ Вообще считается, что традиция подчиненности праву является стандартом, устраняющим угрозы и риски, которые могут возникнуть по закону.² Действия по неподчинению праву и его игнорированию приводят к негативным последствиям, которые влекут за собой потерю репутации и уважения госслужбы в обществе. Древний мыслитель И. Кант сказал: «Безнравственный закон является корнем непримиримых нарушений в обществе. Должна быть закономерность, которая соответствующая законно-общественному развитию и также меняется и обновляется».

Заключение

1. Правовые принципы имеют решающее влияние в ходе реализации законодательства о госслужбе и должна стать его основным корнем.

2. Важность правовой природы и общества выявляется через их правовые принципы.

3. В связи с реализацией нового закона о госслужбе исследования о выполнении данных правовых принципов почти не имеется.

4. Настоящий принцип госслужбы отражает необходимую социальную потребность.

Другими словами, принцип должен быть направлением деятельности для каждодневного соблюдения в госслужбе и 45% участников исследования дали неудовлетворительную оценку реализации данных правовых принципов, что свидетельствует об основании того, что закон не выполняется.

5. 53,6% участников исследования считают, что в первую очередь нужно обратить внимание на то, что назначение на государственные должности должно быть открытым и прозрачным, 43,9% считают, что должен соблюдаться принцип меритократии и должна быть усовершенствована система заработной платы, 50,1% считает, что требуется соблюдение этики госслужащих и улучшение в целом социальных и экономических гарантий госслужащих.

6. Соблюдение принципа меритократии не только расширяет госслужбу квалифицированными профессиональными кадрами, но и повышает качество и производительность труда госслужащих. С реализацией данного принципа устранится юридическая дискриминация, вырастет репутация госслужбы и всё более укрепится доверие общества государству.

7. Одним из реальных оснований, влияющих на выполнение законов, является мнение о том, что в стране, где сформирован средний класс, правовое государство может реально существовать. Другими словами, чем больше образовывается и развивается народ, тем более появляются истоки хорошего выполнения законов. Средний класс держит на себе страну, тогда как в нашей стране отсутствует средний класс.

Таким образом, завершить представляется верным словами знаменитого мыслителя Аристотеля о том, что этичные и политически избранные люди осуществляют государственную власть, что говорит о том, государственная служба должна быть квалифицированной, стабильной и ее служащие должны быть этичными. Считаю, что в нынешних условиях одним из оснований для стабильности работы высокообразованных и квалифицированных госслужащих является непрерывное обеспечение их экономических и социальных гарантий.

¹ Лундэндорж Н. Теория государства. 2020, УБ.

² Там же.

Литература

1. Отчеты об исследовании

1. Ход обновления монгольской госслужбы, результаты и подходы/отчет об исследовании/ УБ., 2014.
2. Отчет об общем учете госслужащих Совет по госслужбе, 2022, 2023.
3. Д.Гантумур “Этические вопросы госслужащих и их усовершенствование” доклад УБ., 2017.
4. Д.Гантумур “Положение по реализации закона “О госслужбе” микро-исследование, 2022.
5. Д.Гантумур Статья на тему “Реализация принципов госслужбы” 2024.

2. Учебники

6. Н.Лундэндорж “Теория государства” 2020.
7. Д.Батболд “Насущные вопросы в общественном праве” УБ, 2015.
8. Ч.Нямсүрэн Общая правовая теория/Основные понятия, насущные вопросы/ УБ, 2010.
9. Д.Баярсайхан “Теория права” УБ, 2010.

3. Международные договоры, конвенции

10. 111-ая Конвенция Международной организации труда “О недискриминации”.
11. 100-ая Конвенция Международной организации труда “О равном вознаграждении за труд” .

4. Законы

12. Конституция Монголии, 1992 .
13. Закон Монголии “О госслужбе”, 2017.

5. Электронные источники

14. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/read/66707369/-2021>
15. URL: www.csc.gov.mn

УДК 347(470+519.5)

**Защита добросовестной конкуренции в Российской Федерации и Республике Корея:
сравнительно-правовой анализ***

© А. В. Сафина*

магистрант 1-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
safina.anshelika@yandex.ru

В статье представлен сравнительный анализ систем защиты добросовестной конкуренции в России и Южной Корее. На основе проведенного исследования сделаны выводы о сходствах и различиях в подходах к защите прав потребителей и предпринимателей в этих двух странах. Изучение обозначенной проблематики актуально в контексте современной глобализации и необходимости эффективной защиты рыночной конкуренции.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, защита добросовестной конкуренции, Россия, Республика Корея, конкуренция, правовая система, антимонопольное законодательство, бизнес, защита прав предпринимателей.

© A. V. Safina

1st year master's student,
Banzarov Buryat State University
Russia, Ulan-Ude
safina.anshelika@yandex.ru

The article presents a comparative analysis of the systems for protecting fair competition in Russia and South Korea. Based on the conducted research, conclusions were made about the similarities and differences in approaches to protecting the rights of consumers and entrepreneurs in these two countries. The study of the identified issues is relevant in the context of modern globalization and the need for effective protection of market competition.

Key words: comparative law, protection of fair competition, Russia, Republic of Korea, competition, legal system, antimonopoly legislation, business, protection of the rights of entrepreneurs.

Как верно отмечается в литературе, страны Азии в последние годы, в связи с изменениями в глобальном миропорядке, получили новые, широкие возможности для развития, в том числе, в экономике, бизнесе, правотворчестве и правоприменении. Азия превращается в новое «место силы». Явно наблюдается активный спад «евроцентричности», страны Азии все более и более притягательны как для государств, так и для бизнеса [1]. По справедливому мнению А. Н. Панова, Ю. П. Гармаева, влияние стран Азии на геополитические процессы за последние годы кратно усилилось. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) в рамках общего взаимодействия активно противостоят вызовам нового времени, успешно реализуя общие задачи, несмотря на имеющиеся внутренние и внешние противоречия по многим вопросам [1; цит. по: 2, с. 5].

Представляем небольшое сравнительно-правовое исследование одного из актуальных направлений развития правового регулирования, связанного с защитой добросовестной конкуренции в Российской Федерации и Южной Корее.

Согласимся с А. Ю. Тихомировым в том, сравнительное правоведение оказывает поддержку не только исследовательской и преподавательской деятельности, но также юристам, работающим на практике, экономистам и менеджерам, помогая им в сложных процессах и активном правоприменении, в сближении и различении правовых взглядов, позиций, решений и действий [3].

Справедливая конкуренция является основополагающим принципом рыночной экономики, обеспечивающим эффективное распределение ресурсов, стимулирование инноваций и повышение качества товаров и услуг. Таким образом, представляется целесообразным провести сравнительный анализ систем защиты добросовестной конкуренции в России и Республике Корея.

* Доклад отмечен Благодарственным письмом Адвокатской палаты Республики Бурятия, 27 июня 2024 г.

* Награждена ценным подарком от Союза криминалистов и криминологов РФ, 27 июня 2024 г.

Для лучшего понимания и поиска успешных практик в области регулирования конкуренции проведем анализ законодательства и практики его применения в обеих странах. Это позволит выявить сильные и слабые стороны существующих систем, а также определить возможные направления их совершенствования.

Отношение как российского законодательства, так и законодательства других азиатских стран, включая Южную Корею, к злоупотреблению доминирующим положением, картельным сговорам (в России наказуемо по ч. 1 ст. 178 УК РФ), другим формам недобросовестной конкуренции в бизнесе не является принципиально отличным. И это несмотря на существенные различия в правовых системах и путях развития внутренних экономик. Законодательство в России и Южной Корее, равно как и в иных азиатских странах, построено на традиционных экономических ценностях – защите конкуренции, прав потребителей, недопущении недобросовестных практик [4].

В обеих странах существуют практики, направленные на борьбу с поведением компаний или организаций, направленных на получение или сохранение доминирующего положения на рынке, в том числе и запрет на злоупотребление доминирующим положением на рынке. В России действует Федеральный закон «О защите конкуренции» [5], в Корее – Закон о регулировании монополий и справедливой торговле (MRFTA) [6]. Федеральная антимонопольная служба России (ФАС) и Комиссия по добросовестной торговле (KFTC) Кореи [7] являются государственными органами, ответственными за обеспечение добросовестной конкуренции. В обеих странах предусмотрена уголовная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства.

Конкуренция в Российской Федерации является конституционной ценностью, т.к. основным законом страны гарантируется поддержка конкуренции и не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию. В ст. 178 УК РФ установлена ответственность за деяния, нарушающие закрепленный в ст. 11 Закона о защите конкуренции запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов.

В Южной Корее злоупотребление доминирующим положением на рынке и создание картелей, кроме прочего, караются тюремным заключением на срок до трех лет в соответствии со статьей 124 Соглашения о свободной торговле (MRFTA); а недобросовестная торговая практика карается тюремным заключением на срок до двух лет в соответствии со статьей 125 Соглашения.

Корейская комиссия по справедливой торговле (Korea Fair Trade Commission, далее по тексту – KFTC) – правительственная организация, подчиняющаяся напрямую премьер-министру Южной Кореи. Ее основной деятельностью является защита прав потребителей, а также справедливой и свободной торговли. Организация может самостоятельно вести расследования и налагать штрафы за нарушение законодательства страны. KFTC играет важную роль в формировании и реализации политики в области конкуренции, а также в рассмотрении антимонопольных дел. Организация действует независимо, без вмешательства извне, что позволяет ей принимать объективные и обоснованные решения. KFTC играет ключевую роль в обеспечении честной конкуренции и защите прав потребителей. Ее деятельность включает широкий круг задач, таких как поощрение конкуренции, укрепление прав потребителей, создание благоприятных условий для малого и среднего бизнеса, а также предотвращение концентрации экономической власти.

В агентстве особую роль занимает программа освобождения от наказания (ст. 22-2 Антимонопольного акта Республики Корея [6]) – это инструмент в антимонопольном законодательстве который направлен на разрушение созданных картельных сговоров и минимизацию риска создания новых. Концепция программы заключается в том, что при определенных условиях хозяйствующие субъекты, добровольно сообщившие о своем участии в нарушении антимонопольного законодательства, включая картельные соглашения, могут быть освобождены от ответственности полностью или частично. Комиссия предоставляет первому заявителю полный иммунитет от наказаний, которые обычно применяются к нарушителям, и по своему усмотрению может принять решение о предоставлении полного иммунитета от уголовного преследования, фактически обеспечивая неприкосновенность. В России программа освобождения от наказания впервые была представлена в 2007 году, однако после двух лет реформ была пересмотрена, т.к. её применение не дало эффективных результатов и не обеспечило соответствующие стимулы у участников рынка. Однако в Корее активно используется такой правовой механизм, примером может служить расследование KFTC в отношении MOL и Nissan Motor Car Carrier Co. обнаружила нарушение южнокорейского антимонопольного законодательства и наложила штраф, однако компания была освобождена от наказания, поскольку KFTC удовлетворила совместное заявление MOL и NMCC в рамках программы KFTC по смягчению наказания [8]. В период с

1981 по 2020 год 80 дел о предполагаемых слияниях были разрешены с применением программа освобождения от наказания.

KFTC проводит экспертизу и обсуждение антимонопольных дел, выявляет злоупотребления доминирующим положением, картели и другие недобросовестные торговые действия. В случае обнаружения нарушений, комиссия может принять меры, такие как штрафы и постановления о корректировке. Если организация не исполняет решение комиссии, дело передаётся Генеральному прокурору, уголовное расследование и судебное преследование впоследствии проводятся не KFTC, а прокуратурой, которая имеет право инициировать уголовное преследование [9].

В последние годы корейское правительство призывает к ужесточению стандартов и ужесточению наказаний за не соблюдение правил, направленных против недобросовестной торговой практики и других случаев, связанных с антимонопольным законодательством. В связи с этим, согласно статистике, Корейская комиссия по справедливой торговле (KFTC) активизировала свою деятельность, и все большее число дел передается в прокуратуру. Прокуратура также сосредоточила внимание на вопросах конкурентного права, о чем свидетельствует создание отдела, который занимается исключительно антимонопольными делами.

Поскольку комиссия играет ключевую роль в профилактике преступлений в сфере конкуренции, одним из ключевых аспектов деятельности является профилактика: разработка и внедрение мер, направленных на предотвращение совершения преступления. Это направление работы является частью постоянных усилий по совершенствованию режима контроля за слияниями, поскольку KFTC рассматривает возможность расширения сферы применения стандартов упрощенной проверки при подаче заявлений о слияниях, в случаях принятия добровольных мер правовой защиты в случае антиконкурентных сделок [10].

Корейская федеральная комиссия по торговле (KFTC) считается более независимым органом, чем Федеральная антимонопольная служба России. KFTC имеет свой собственный бюджет и назначается парламентом, в то время как ФАС подчиняется правительству. Кроме того, KFTC обладает более широкими полномочиями по контролю за слияниями и поглощениями, чем ФАС.

В свою очередь, ФАС уделяет больше внимания защите интересов малого и среднего бизнеса, тогда как KFTC больше ориентирована на крупные корпорации. Таким образом, ФАС приоритетно реализует комплекс мер, направленных на обеспечение стабильного функционирования внутренних рынков, предотвращение товарного дефицита, поддержку малого и среднего бизнеса, создание благоприятных условий для развития бизнеса в условиях экономической неопределенности [11].

Вышеизложенное позволяет констатировать наличие в рассматриваемых странах развитой системы уголовно-правовых механизмов противодействия антимонопольным нарушениям и недобросовестной конкуренции. Законодательство Российской Федерации и Республики Корея о защите конкуренции содержит как довольно жёсткие правила, заключающиеся в широком перечне оснований уголовной ответственности, достаточно строгих наказаниях, в т. ч. в виде лишения свободы на длительные сроки, так и доступные для применения программы смягчения ответственности, содержание которых меняется в целях достижения оптимального баланса между частными и публичными интересами [12]. В ходе исследования было выявлено большое количество схожих черт в системах защиты добросовестной конкуренции, при этом существует значительная разница в приоритетных направлениях деятельности. Например, в Республике Корея особое внимание уделяется предотвращению монополизации рынков и защите прав потребителей, в то время как в России акцент делается на борьбе с картельными сговорами и злоупотреблением доминирующим положением на рынке.

Кроме того, в Республике Корея активно используются экономические инструменты для регулирования конкуренции, такие как контроль за слияниями и поглощениями компаний, а также регулирование цен на определённые товары и услуги. В России же подобные инструменты применяются реже, хотя и существуют определённые механизмы контроля за экономической концентрацией.

Таким образом, несмотря на наличие общих принципов и подходов к защите конкуренции, каждая страна имеет свои особенности и приоритеты в этой области, что обусловлено историческими, экономическими и социальными факторами. Исследования в области защиты конкуренции могут помочь выявить лучшие практики и разработать рекомендации по совершенствованию законодательства и практики его применения. Это позволит создать более эффективную систему защиты конкуренции, которая будет способствовать развитию рыночной экономики и обеспечению интересов потребителей, в т.ч. в странах Азии.

Литература

1. Азиатско-Тихоокеанский регион сегодня: тенденции и перспективы // [Электронный ресурс] - URL: https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=aziatsko-tihookeanskij_region_segodnya_tendentsii_i_perspektivy124415. (дата обращения: 16.07.2024).
2. Гармаев Ю.П. Предисловие // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона-XIV: материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции (смешанный формат) (Улан-Удэ, 14 апреля 2023 г.) / ответственный редактор Ю. П. Гармаев. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2023. – 164с. (С. 5).
3. Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: современная концепция и общественная практика // Право и экономика. - 2018. - № 11(369). - С. 5-9.
4. Даниловская А.В. Правовая защита конкуренции в Японии, Республике Корея и Китайской Народной Республике: особенности уголовной ответственности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. - 2020. - № 1. - С. 107-124.
5. О защите конкуренции: федер. закон [от 26.07.2006 № 135-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. - № 31(1 ч.). – Ст. 3434.
6. Monopoly regulation and fair trade act (перевод: Закон о монополическом регулировании и справедливой торговле) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=41658&type=part&key=19.(дата обращения: 16.07.2024).
7. Korea Fair Trade Commission (перевод: Комиссия по добросовестной торговле) // [Электронный ресурс] – URL: <https://ftc.go.kr/eng/index.do>. (дата обращения: 16.07.2024).
8. Decision by the KFTC, South Korea concerning the Violation of South Korean Antitrust Law (перевод: Решение KFTC Южной Кореи относительно нарушения антимонопольного законодательства Южной Кореи) // [Электронный ресурс] –URL: <https://www.mol.co.jp/en/pr/2017/17057.html>. (дата обращения: 16.07.2024).
9. What we do (перевод: Что мы делаем) // [Электронный ресурс] –URL: <https://www.ftc.go.kr/eng/contents.do?key=494>. (дата обращения: 16.07.2024).
10. KFTC Amends Guidelines on Simplified Review for Foreign M&A Transactions With No Impact on Korean Market and Expanded Safe Harbor for Non-Horizontal Mergers (перевод: KFT вносит поправки в рекомендации по упрощенному рассмотрению иностранных сделок слияний и поглощений без влияния на корейский рынок и расширению «безопасной гавани» для негоризонтальных слияний) // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.yulchon.com/en/resources/publications/legal-update-view/33318/page.do>. (дата обращения: 16.07.2024).
11. Меры поддержки малого и среднего предпринимательства, принимаемые ФАС России // [Электронный ресурс] –URL: <https://fas.gov.ru/srv/node/212>. (дата обращения: 16.07.2024).
12. Даниловская А.В. Концептуальные основы уголовно-правовой политики России в сфере охраны добросовестной конкуренции: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 /А.В. Даниловская. - Владивосток, 2024. - 532с.

УДК 340

Современное состояние правового регулирования услуг в сфере использования виртуальных активов (на примере Монголии, Японии, Кореи и Китая)

© Туулай Дариймаа
студентка 1-го курса,
Иркутский юридический институт (ф)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Россия, г. Иркутск
t.dariimaa1013@gmail.com

Любые отношения развиваются в зависимости от изменений времени и технологических достижений в обществе. Правовое регулирование услуг, связанных с виртуальными активами, также стало инновационным и уникальным видом отношений. Более того, некоторые страны по всему миру все еще применяют нормативные акты, которые поддерживаются и контролируются правительствами, которые одни признают, в то время как другие запрещают их. Цель исследования – провести сравнительный анализ правового регулирования услуг виртуальных активов в Монголии с правовым регулированием услуг виртуальных активов в ведущих азиатских странах, таких как Китай, Япония и Корея, чтобы закрепить полученные результаты.

Ключевые слова: виртуальные активы, клиенты, пользователи, владельцы виртуальных активов, криптобиржи, рынки виртуального капитала.

**Current state of legal regulation of services in the field of using virtual assets
(using Mongolia, Japan, Korea and China as examples)**

© Tuulai Dariimaa
1st year student,
Irkutsk Law Institute (f)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Russia, Irkutsk
t.dariimaa1013@gmail.com

Any relationship develops depending on the changes of time and technological advances in society. Legal regulation of virtual asset services has also become an innovative and unique type of relationship. Moreover, some countries around the world still apply regulations that are supported and controlled by governments, which some recognize while others prohibit them. The purpose of the study is to conduct a comparative analysis of the legal regulation of virtual asset services in Mongolia with the legal regulation of virtual asset services in leading Asian countries such as China, Japan and Korea to consolidate the results.

Key words: virtual assets, clients, users, virtual asset owners, crypto exchanges, virtual capital markets.

1. Правовое регулирование услуг виртуальных активов в Монголии

Правовое регулирование услуг, связанных с виртуальными активами, продолжает оставаться инновационным и уникальным направлением как в Монголии, так и в других странах мира. «Закон о поставщиках виртуальных активов» был принят парламентом Монголии 12-17 марта 2021 года¹. Закон регулирует криптовалютные транзакции, торговлю и регистрацию новых криптовалют, планы на будущее, профессиональные команды и безопасность технологий. С началом вступления в силу этого закона лицо, занимающееся обслуживанием виртуальных активов, не может осуществлять данный вид деятельности без регистрации в Комиссии по финансовому регулированию, и была организована деятельность по регистрации субъектов, ранее занимавшихся этим, в Комиссии по финансовому регулированию.

Согласно данным Комиссии по финансовому регулированию, по состоянию на 2024 год, 12 организаций получили и зарегистрировали разрешение на управление виртуальными активами². Рынок криптовалют и блокчейна является крупным инновационным и быстрорастущим финансовым рынком, но защита прав потребителей стала важной проблемой. Мировой рынок криптовалют быстро

¹ Закон о поставщиках услуг виртуальных активов Монголии. 17.12.2021 г.

²URL: Санхүүгийн зохицуулах хороо: FRC.mn (дата обращения: 19.05.2024).

растет и в одних странах запрещен, а в других принят. Например, с 2017 года участились случаи отмывания денег с помощью криптовалют, поэтому Европейский союз издал «5-ю директиву по борьбе с отмыванием денег», которая обязывает государства-члены внести поправки в свои законы о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, включив в них регулирование виртуальных активов.

Согласно закону 5 о виртуальных активах¹, «виртуальные активы» - это неэкономические активы, имеющие цифровое выражение стоимости для платежных или инвестиционных целей, которые могут быть переданы или проданы в цифровой форме, отличной от официальной валюты или ценных бумаг любой страны, или электронных денег, разрешенных Банком Монголии. Однако "клиент" относится к лицу, получающему услуги от поставщика виртуальных активов, "соответствующее лицо" относится к лицу, которое является конечным владельцем поставщика виртуальных активов, лицу, владеющему пятью или более процентами акций юридического лица, юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю (далее – ИП), и «конечный владелец» означает лицо, которое руководит действиями.

Виды услуг, связанных с виртуальными активами, включали торговлю между виртуальными активами и официальными валютами, торговлю между одним и несколькими типами виртуальных активов, передачу виртуальных активов, обслуживание и управление виртуальными активами и связанными с ними инструментами, организацию мероприятий, связанных с публичным предложением и продажей виртуальных активов, участие в финансовой деятельности и предоставление услуг. Согласно действующим правовым нормам, поставщик виртуальных активов должен соответствовать ряду требований для получения одобрения.

К ним относятся:

1. Непрерывная и надежная объективная работа информационно-технологической инфраструктуры для предоставления услуг виртуальных активов, обеспечивающая полную конфиденциальность и безопасность данных.

2. Информация о заявителе и других лицах, относящихся к конкретной деятельности, указанной в заявке, должна быть четкой.

3. Иметь четырехлетний бизнес-план реализации, структуру, организационную форму и квалифицированные человеческие ресурсы для осуществления деятельности.

4. Иметь надежную систему внутреннего контроля и хранения информации

5. Иметь систему и автоматическую систему мониторинга для выполнения требований закона о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, закона о распространении оружия массового уничтожения и закона о борьбе с терроризмом.

6. Законность источников собственного и акционерного капитала.

7. Соответствующий орган власти должен провести оценку рисков незаконного отмывания денег или финансирования терроризма, связанных с конкретным продуктом, услугой или технологией.

8. Снизить риск незаконного отмывания денег и финансирования терроризма и разработать план действий по организации и управлению им.

9. В случае принятия решения о прекращении деятельности разработать план действий на будущее.

10. Использование оборудования и оснастки, зарегистрированных в налоговом органе в качестве налогоплательщика и соответствующих требуемым стандартам.

11. Этические нормы и деловая репутация не должны противоречить ведению бизнеса.

12. Ученая степень в одной или нескольких областях финансов, экономики, права, информационных технологий, корпоративного управления и т.д.

Комиссия по финансовому регулированию принимает решение о регистрации заявки компании, предоставляющей услуги по работе с виртуальными активами, и предоставления соответствующих документов в течение шести месяцев с момента получения. Такая регистрация не является официальной гарантией для виртуального актива, и государство не несет ответственности за любой ущерб, возникший в результате деятельности, связанной с этим видом услуг. Обязуется хранить и защищать бумажные и электронные документы, созданные в ходе обслуживания виртуальных активов, не менее 10 лет с даты их получения или создания. В связи с принятием закона о провайдерах виртуальных активов в Уголовный кодекс Монголии и Кодекс Монголии об админи-

¹Закон о поставщиках услуг виртуальных активов Монголии. 17.12.2021 г.

стративных правонарушениях были внесены поправки, которые позволили криминализировать некоторые незаконные действия, возникающие в ходе такого рода коммуникаций.

Например, статья 18.19 Уголовного кодекса Монголии (далее – УК Монголии) устанавливает ответственность за незаконное использование внутренней информации о виртуальных активах с целью влияния на стоимость виртуальных активов путем использования внутренней информации, которая недоступна для общественности, или путем передачи внутренней информации другим лицам, налагая на физическое лицо штраф в размере от 2 700 до 10 000 единиц, ограничивая поездки на 6 месяцев-2 года, лишение свободы на срок от 6 месяцев до 2 лет, лишение свободы на срок от 2 до 8 лет, если совершается при отягчающих обстоятельствах, лишение свободы на срок от 2 до 8 лет, если преступление совершено в интересах юридического лица, оно лишается права осуществлять определенные виды деятельности и наказывается штрафом в размере от 10 000 до 80 000 тугриков.

Статья 18.20 УК Монголии также предусматривает, что если лицо участвовало в мошеннической торговле виртуальным активом, или манипулировало ценой, или обмануло участника или клиента, чтобы заставить его участвовать или не участвовать в торговле, это лицо подлежит такому же наказанию, как и в статье 18.19, за злоупотребление торговлей в деятельности поставщика виртуальных активов¹. Однако статья 11.33 Закона о нарушениях не предусматривает взимания незарегистрированной платы за услуги с виртуальными активами, поставщик услуг с виртуальными активами не соблюдает постоянно условия транзакции, передачи, продажи, хранения и управления виртуальными активами, принадлежащими сервисам клиента, а поставщик услуг с виртуальными активами не выполняет постоянно условия транзакции, передачи, продажи, хранения и управления виртуальными активами, принадлежащими сервисам клиента., его уполномоченное должностное лицо, сотрудник и соответствующее лицо не предоставляют информацию, предусмотренную законом, Комиссии по финансовому регулированию и их руководителям, если виртуальный актив предлагается и продается общественности без участия компании, зарегистрированной в качестве поставщика виртуальных активов, и поставщик виртуальных активов, его уполномоченный персонал и связанные с ним лица не соблюдают требования закона, не выполняют свои обязательства или нарушают его, физическое лицо подвергается штрафу 1000-20.000, а юридическое лицо оштрафовано на 10.000-200.000 единиц².

2. Правовое регулирование услуг по использованию виртуальных активов в Японии

Япония - одна из немногих стран в мире, которая активно подошла к регулированию криптовалют. В 2012 году в Японии был принят Закон о платежных услугах, призванный сделать финансовые рынки Японии более безопасными и эффективными для инвесторов. Крупнейшая биржа в Токио, Массачусетс. После внезапной атаки в 2011 году, которая привела к банкротству «Mt.Gox», Япония почувствовала, что отрасли нужна правовая база, а после кибератаки «Coincheck», ведущей японской криптобиржи, в 2018 году, она пришла к выводу, что необходимо усовершенствовать его правовую базу.

Затем, в январе 2018 года, при Японском агентстве финансовых услуг была создана исследовательская группа по криптовалютам, которая провела в общей сложности 11 обзоров, проверок и обсуждений до 12 января того же года. В результате обсуждения 31 декабря 2019 года был принят правительственный указ о поставщиках услуг виртуальных активов, а также Закон о финансовых расчетах и Закон о торговле финансовыми продуктами, соответственно, и в Японии была создана среда виртуальных активов 5/31 2020 года.

В январе 2017 года закон о финансовых расчетах (от 4 июля) признал биткоин и другие виртуальные активы законной собственностью. С тех пор страна находится на переднем крае регулирования криптовалют, проведя ряд реформ и поправок в существующую систему регулирования. А в январе 2017 года Национальная налоговая служба решила классифицировать прибыль от японских криптовалют как "прочие доходы" и обложить инвесторов соответствующими налогами.

Виртуальные активы в Японии в основном регулируются двумя японскими финансовыми законами.

1. Закон о финансовых расчетах (PSA)

¹ Уголовный кодекс Монголии. 03.12.2015 г.

² Закон о нарушениях Монголии. 11.05.2017 г.

2. Закон о торговле финансовыми продуктами (FIEA)

Закон Японии о финансовых расчетах (PSA)

Японский закон о финансовых расчетах (PSA), принятый в 2009 году, обязал компании, предоставляющие финансовые платежные услуги, регистрироваться, что сделало эти услуги более безопасными и эффективными. Настоящий закон регулирует такие отношения, как выдача предоплаченных платежных средств, операции по торговле валютой, обмен электронными платежными средствами, обмен криптоактивами, операции с иностранной валютой, осуществляемые банками, погашение кредитов и долгов, связанных с межбанковскими обменными операциями.¹

Начиная с 2017-2014 годов, Закон о платежных услугах применялся ко всем криптовалютным биржам, работающим в Японии. Криптовиржи должны зарегистрироваться в Японском агентстве финансовых услуг (JFSA) для получения лицензии на работу, проводить процедуры проверки клиентов, вести учет, повышать свою безопасность и выполнять другие функции для защиты активов своих клиентов.

Закон о торговле финансовыми продуктами (FIEA)

Закон о торговле финансовыми продуктами был принят в 1948 году и регулирует отношения, которые применяются к финансовым учреждениям, включая банки, связанные с ценными бумагами.

Этот закон не рассматривает "виртуальную валюту" как ценные бумаги. Однако Агентство финансовых услуг (JFSA) начинает регулировать то, как оно работает с различными типами цифровых активов под своим новым названием (криптоактивы) и классом активов права на передачу, «зарегистрированные в электронном виде». Закон о финансовых инструментах и биржах содержит специальные положения о регулировании криптоактивов².

Одно из наиболее значительных изменений в японской нормативно-правовой базе, регулирующей услуги с использованием виртуальных активов, произошло в мае 2020 года, когда были внесены поправки в соглашение о разделе продукции и Закон о финансовых инструментах и биржах (FIEA). Эти реформы заменили термин «виртуальная валюта» на «криптоактивы», что сделало регулирование криптовалютных бирж и торговых платформ более четким.

Изменения в законодательстве о криптовалютах в Японии:

В октябре 2018 года Группа разработки финансовых мероприятий (FATF) обновила свои рекомендации. С июня 2020 года вступили в силу поправки к закону о финансовых расчетах, направленные на приведение его в соответствие с руководящими принципами Группы разработки финансовых мероприятий. Ниже приведены основные компоненты изменений, внесенных в закон о платежных услугах.

«Реклама финансовых инвестиций» в криптовалютном мире Ислама была ограничена. Также были введены требования о заблаговременном предупреждении о программах обмена криптовалютных активов.

Сюда входят онлайн-продвижение и запрещенные действия монгольского обменника криптоактивов, предоставление информации пользователям и другие меры по обеспечению безопасности пользователей, а также правила обращения с деньгами пользователей и криптоактивами³.

Соглашение о разделе продукции призвано защитить инвесторов, требуя от компаний, предоставляющих финансовые платежные услуги, регистрироваться у соответствующих официальных лиц Японии. В 2020 году Палата представителей Японии внесла поправки в соглашение о разделе продукции для управления криптовалютными биржами и традиционными финансовыми обменами, чтобы охватить регулирование «криптоактивов». Япония включила криптовалюты в свое обширное регулирование финансовой системы, специально регулируя криптовалюты как криптоактивы.

Согласно поправкам к соглашению о разделе продукции, криптовалютная биржа должна предоставить следующую информацию для получения лицензии в Японии:

- 1) название компании и адрес головного офиса;

¹ Сравнительные исследования киберпреступности (в контексте роли и операционных рисков поставщиков виртуальных активов) Улан-Батор, 2022 г. Хууль зүйн болон бусад салбарын мэдээлэл, судалгаа, шүүхийн шийдвэрийн хайлт, дэлгүүр (legaldata.mn).

² URL: 資金決済に関する法律 | e-Gov 法令検索 (дата обращения: 19.05.2024).

³ URL: Guide: Japan Crypto Asset Regulation - Sygna (дата обращения: 19.05.2024).

- 2) название и адрес офиса, который в основном отвечает за деятельность в сфере криптовалютного бизнеса;
- 3) имена всех членов правления компании;
- 4) имя консультанта по бухгалтерскому учету компании;
- 5) названия всех криптовалют, поддерживаемых биржей;
- 6) сумма активов, находящихся в распоряжении компании (для получения лицензии у криптовалютной биржи должно быть не менее 10 миллионов иен);
- 7) подробная информация о бизнес-модели компании и всем криптовалютном бизнесе, осуществляемом компанией.

В соответствии с соглашением о долевом участии, криптоактивы определяются как “стоимость активов”:

- 1) записываются на электронные устройства или другие объекты электронными средствами;
- 2) могут передаваться с помощью электронной системы обработки данных;
- 3) японская валюта, а не иностранная валюта или активы, деноминированные в валюте;
- 4) любое лицо может использовать товары и услуги для покупки или аренды; имогут быть куплены или проданы у любого лица¹.

Поправки к соглашению о совместном использовании включают:

- в себя лучшую защиту пользователей криптовалют от взлома бирж;
- установление прозрачной нормативно-правовой базы.

Это преследует цель ограничить торговлю крипто-деривативами путем введения ограничений на торговлю базовой маржей.

Для достижения этих целей поправки к соглашению о разделе продукции требуют, чтобы криптовалютные биржи регистрировались в Японском агентстве финансовых услуг (JFSA) и получали операционную лицензию. Криптовалютные биржи также проводят надлежащие процедуры проверки клиентов, ведут подробные записи, периодически повышают безопасность и выполняют другие функции для обеспечения надежности активов клиентов.

Японское агентство финансовых услуг (JFSA) является основным регулятором японской экономики и отвечает за защиту стабильности японского рынка². Правление регулирует деятельность комитета по надзору за ценными бумагами и биржами, дипломированных бухгалтеров и совета по аудиторской проверке. Это также помогает правительству Японии устанавливать новые финансовые правила и обеспечивает их соблюдение японскими финансовыми институтами. Если финансовое учреждение не соблюдает японские правила, компания может ограничить свою коммерческую деятельность и наложить штрафы на нарушителей. Организация также отвечает за защиту японских финансовых институтов и инвесторов путем борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Все биржи, работающие в Японии, обязаны отделять активы своих клиентов от своих собственных. Чтобы надежно управлять активами своих клиентов, криптобиржи должны иметь тот же тип и объем криптоактивов, что и криптоактивы их клиентов. Цель этого требования - компенсировать клиентам кражу криптоактивов с биржи.

Японское общество виртуальной фондовой биржи было назначено официальным органом саморегулирования для содействия соблюдению соглашений о разделе продукции и содействия установлению связей между государственными регулирующими органами и биржей. Таким образом, Маа была официально признана японскими регулирующими органами за защиту инвесторов в криптовалюту и содействие укреплению доверия к криптовалютному рынку. JFSA обладает широкими полномочиями и уполномочена обеспечивать соблюдение правил, касающихся криптовалют японских поставщиков виртуальных активов. Для обеспечения соответствия существуют все криптовалютные биржи, независимо от того, зарегистрированы они или нет.

Япония предлагает отслеживание транзакций через “мобильную” платформу, которая позволяет предприятиям и финансовым учреждениям отслеживать транзакции с использованием криптовалюты

¹ URL: Japan’s Cryptocurrency Regulation Updates: What You Need to Know - Chainalysis (дата обращения: 22.05.2024).

² URL: 金融機関におけるマネロン・テロ資金供与・拡散金融対策について：金融庁 (fsa.go.jp) (дата обращения: 22.05.2024).

и выявлять подозрительную активность. Эта функция может помочь компаниям соблюдать японские требования к ведению учета и сообщать о подозрительных транзакциях в соответствующие органы¹.

Японские правила обмена криптовалютами

Процедуры обмена криптовалютами в Японии также усовершенствованы. Согласно соглашению о разделе продукции, только предприятиям с местными финансовыми бюро разрешено работать в качестве криптовалютных бирж, но в соответствии с передовой позицией Японии иностранным криптовалютным биржам разрешено регистрироваться там, где они могут продемонстрировать аналогичные стандарты регистрации в своей принимающей стране².

Биржи в Японии легальны, но регулирование криптовалют стало национальной проблемой после того, как многочисленные громкие хакеры, в том числе коинчек, похитили цифровую валюту стоимостью 530 миллионов долларов. Японское агентство финансовых услуг активизировало свои усилия по регулированию торговли и обмена криптовалютами в Японии: согласно поправкам к соглашению о совместном использовании продуктов, криптовалютные биржи должны зарегистрироваться в финансовом агентстве для работы - этот процесс может занять до шести месяцев. существуют более строгие требования как к кибербезопасности, так и к AML/CFT обналчиванию. В Японии правила, регулирующие деятельность бирж, направлены на защиту целостности рынка, поэтому потребители, инвесторы и биржи должны соблюдать определенные требования к ведению учета и представлять ежегодные отчеты в финансовое агентство³.

3. Правовое регулирование услуг по использованию виртуальных активов в Китае

В 2021 году Китай запретил всю деятельность, связанную с криптовалютой, включая майнинг и торговлю токенами, одновременно поощряя использование цифровых валют центральным банком. Китай полностью запретил криптовалюты, но местные суды постановили, что виртуальные активы признаются законной собственностью. В январе 2023 года суд Пекина заявил, что ни одно законодательство, административные положения или ведомственные нормативные акты не будут препятствовать защите криптовалют как формы виртуальной собственности.

В отчете народного суда юго-восточной провинции Фуцзянь говорится, что виртуальные активы носят экономический характер и должны относиться к категории собственности. Согласно Конституции Китайской Народной Республики, народные суды Китайской Народной Республики являются государственными судебными органами, которые самостоятельно осуществляют судебную власть и не подвержены вмешательству административных органов.

Согласно ежедневному отчету народного суда, виртуальные активы, принадлежащие частным лицам, должны считаться законными и защищаться законом⁴.

В соответствии с некоторыми положениями действующего гражданского кодекса о правах собственности и владении, виртуальная собственность признается движимым имуществом, и осуществление имущественных прав ее владельца и владение ими, если иное не предусмотрено другими законами, направлено на то, чтобы избежать ее существования. До принятия специального закона, Гражданский кодекс, который должен регулировать правовые отношения, связанные с владением электромагнитными записями из-за нарушений в применении законодательства о собственности, указывает, что если иное не предусмотрено другими законами, виртуальные активы, права на них и владение ими регулируются «статьями Гражданского кодекса».

Китай считает, что такие активы, как виртуальные активы, виртуальные валюты или криптовалюты, должны быть определены как реальные движимые активы и регулироваться специальными законами (такими как правила управления виртуальными активами) или применимыми законами о производстве, а их характеристики должны быть целью и направлением долгосрочных усилий.

¹ URL:Japan - Cryptocurrency Laws and Regulation - Freeman Law (дата обращения: 22.05.2024).

² URL:Japan's Cryptocurrency Regulation Updates: What You Need to Know - Chainalysis (дата обращения: 23.05.2024).

³ URL:Japan Cryptocurrency Regulations (complyadvantage.com)(дата обращения: 23.05.2024).

⁴ URL:Metaverse in China: Beware of these Potential Legal Issues | Insights & Resources | Goodwin (goodwinlaw.com) (дата обращения: 26.05.2024).

4. Правовое регулирование услуг по использованию виртуальных активов в Корее

Корея разрабатывает правила регулирования виртуальных активов с 2021 года, и Закон о защите виртуальных активов, вступивший в силу в 2023 году 7/18 и вступивший в силу в 2024 году 7/19, регулирует взаимосвязь между защитой виртуальных активов, прозрачным и надежным порядком торговли на рынке виртуальных активов и защитой виртуальных активов. Закон определяет номенклатуру следующим образом.

1. «Виртуальный актив» означает электронные токены (включая все права на них), которые имеют экономическое значение и могут быть проданы или переданы в электронном виде.

2. «Потребитель» означает лицо, которое продает, обменивает, передает, хранит и управляет виртуальными активами через бизнес-оператора виртуальных активов.

3. «Термин виртуальный фондовый рынок» относится к рынку, на котором виртуальные активы могут быть куплены, проданы и обменены между виртуальными активами¹.

Поскольку цены на виртуальные активы выросли в первом полугодии и инвестиционные настроения восстановились, рыночная капитализация и выигранные депозиты выросли по сравнению со второй половиной 2022 года, а операционная прибыль биржи также выросла. Поддержка новых транзакций на Виртуальной фондовой бирже (новый листинг) и приостановка транзакций (снятие с регистрации) значительно возросли, а объем внутренних транзакций с виртуальными активами и количество пользователей несколько сократились. Волатильность цен остается высокой и составляет 62%, а доля переводов виртуальных активов между отечественными операторами виртуальных активов составляет 22%².

Поскольку виртуальные активы явно отличаются от традиционных активов с точки зрения структуры выпуска ценных бумаг и рыночной системы, существующие законы, такие как закон об электронных финансовых транзакциях и закон о рынках капитала, выявили ограничения, из-за которых они не могли в полной мере регулировать возникновение убытков инвесторов.

Было сочтено необходимым рассмотреть следующие три основных внутренних положения о виртуальных активах, объявленные в 2023 году:

1. Руководство по ценным бумагам с токенами.

2. Обязательная отчетность о виртуальных активах перед высшими государственными должностными лицами.

3. Защита пользователей виртуальных активов (Закон о виртуальных активах).

Виртуальные активы - это не наличные деньги, не акции конкретной организации. Они не создают договорных прав для владельца, поэтому не являются финансовыми активами и считаются нематериальными активами.

В связи с пересмотром закона предприниматели, занимающиеся виртуальными активами, для предотвращения отмывания денег, должны отчитываться перед Службой финансовой информации и соблюдать установленные ею требования.

1. Для предпринимателей, занимающихся виртуальными активами, активы клиента будут защищены путем помещения их на отдельный банковский счет (в случае, если отчет будет принят Службой финансовой информации).

Предприниматели, занимающиеся виртуальными активами, которые не проинформировали или не получили свои отчеты, одобренные Службой финансовой информации, будут вынуждены закрыть свой бизнес и возместить ущерб своим клиентам.

2. Предприниматели, предоставляющие услуги в сфере использования виртуальных активов подвергаются уголовному наказанию (тюремному заключению сроком до 5 лет или штрафу в размере 50 миллионов вон) за незаконный бизнес, если они не представят свои отчеты Службе финансовой информации в указанный срок.

3. Соответственно, клиенты, торгующие виртуальными активами, должны проверять статус отчетности и непрерывность бизнеса трейдера виртуальными активами, которого они используют³.

¹ URL: <https://www.law.go.kr> (дата обращения: 25.05.2024).

² URL: <https://eiec.kdi.re.kr/policy/material> (дата обращения: 25.05.2024).

³ URL: <https://medium.com/despread-creative/2023> (дата обращения: 25.05.2024).

Заключение

Сервис виртуальных активов — это инновационный и уникальный способ взаимодействия не только для Монголии, но и для стран по всему миру. Поэтому отношения с виртуальными активами признаются одними странами и запрещены другими. В свою очередь, что касается Китая, то вся деятельность, связанная с криптовалютами, запрещена, однако виртуальные активы, принадлежащие частным лицам, должны считаться законными и защищаться законодательством Китая, согласно постановлению Верховного Народного Суда Китая, в котором утверждается, что стране необходима правовая база для регулирования деятельности, связанной с виртуальными активами.

Япония - одна из немногих стран в мире, признающих виртуальные активы законной собственностью. Виртуальные активы в Японии регулируются Законом о финансовых расчетах (PSA) и Законом о торговле финансовыми продуктами (FIEA). В 2020 году в Закон о финансовых расчетах также были внесены поправки. В частности, реклама "финансовых инвестиций" в крипто-мире исламских государств была ограничена. Также были введены требования о заблаговременном оповещении о программах обмена криптовалютных активов, включая онлайн-продвижение обменников криптоактивов, различные запреты на использование виртуальных активов, предоставление необходимой информации денежных средствах потребителей и их криптоактивах, меры по обеспечению безопасности пользователей виртуальных активов и предотвращения рисков, которые могут возникнуть при торговле криптоактивами.

Кроме того, Японское агентство финансовых услуг (JFSA) является основным регулятором японской экономики, ответственным за защиту стабильности японского рынка, и использует передовые технологии для отслеживания торговли криптоактивами и транзакций.

В свою очередь, Республика Корея разрабатывает правила регулирования виртуальных активов с 2021 года. Корейский закон о защите виртуальных активов был принят в 2023 году. Поэтому страна стремится признавать виртуальные активы и регулярно продвигать их, чтобы предотвратить риски, связанные с торговлей криптовалютами.

В Монголии рынок виртуального капитала также является инновационным направлением, поэтому широкая общественность недостаточно осведомлена о виртуальных активах и рисках, которые могут возникнуть в связи с этими отношениями, и правительство склонно мириться с таким типом отношений. Таким образом, существует необходимость в дальнейшем совершенствовании правовой базы, связанной с виртуальной биржевой торговлей, а также в совершенствовании правил защиты прав пользователей виртуальных активов.

С учетом вышесказанного автором вносятся следующие предложения по совершенствованию монгольского законодательства о виртуальных активах.

Проведение мониторинга торговли и транзакций и получение отчетов от Комиссии по финансовому регулированию Монголии без ограничения регистрационной деятельности субъектов виртуального капитала.

Правительство Монголии должно регулярно информировать общественность о рисках, связанных с торговлей виртуальными акциями.

Закон должен запрещать поставщикам услуг по виртуальным активам рекламировать спекулятивные инвестиции без предварительного рассмотрения.

Внедрение системы учета и платформы для отслеживания транзакций с виртуальными активами для выявления рискованных транзакций и предупреждения отмывания денег, финансирования терроризма.

Поставщик услуг виртуальных активов или виртуальная фондовая биржа для предотвращения кибератак должны внедрять систему двойной аутентификации пользователя с целью обеспечения его безопасности.

Литература

Законы и нормативные акты

1. Закон о поставщиках услуг виртуальных активов Монголии. 17.12.2021 г.
2. Закон о нарушениях Монголии. 11.05.2017 г.
3. Уголовный кодекс Монголии. 03.12.2015 г.

Электронные источники

1. Санхүүгийн зохицуулах хороо : FRC.mn (дата обращения: 20.06.2024).
2. 資金決済に関する法律 | e-Gov 法令検索 (дата обращения: 20.06.2024).
3. Guide: Japan Crypto Asset Regulation - Sygna (дата обращения: 20.06.2024).

4. Japan's Cryptocurrency Regulation Updates: What You Need to Know - Chainalysis (дата обращения: 20.06.2024).
5. 金融機関におけるマネロン・テロ資金供与・拡散金融対策について：金融庁 (fsa.go.jp) (дата обращения: 20.06.2024).
6. Japan - Cryptocurrency Laws and Regulation - Freeman Law (дата обращения: 20.06.2024).
7. Japan's Cryptocurrency Regulation Updates: What You Need to Know - Chainalysis (дата обращения: 20.06.2024).
8. Japan Cryptocurrency Regulations (complyadvantage.com) (дата обращения: 20.06.2024).
9. The evolution of ETFs and their entry into the crypto world. | Lukka (дата обращения: 20.06.2024).
10. Metaverse in China: Beware of these Potential Legal Issues | Insights & Resources | Goodwin (goodwinlaw.com) (дата обращения: 20.06.2024).
11. 資策會科技法律研究所科技法制要聞：防制洗錢金融行動工作組織針對虛擬資產與其服務提供業者發布進一步監理指引 (iii.org.tw) (дата обращения: 20.06.2024).
12. <https://www.law.go.kr/> (дата обращения: 20.06.2024).
13. <https://eiec.kdi.re.kr/policy/material> (дата обращения: 20.06.2024).
14. <https://medium.com/despread-creative/2023> (дата обращения: 20.06.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Ахметшин Эдуард Ринатович**, студент 3-го курса Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, ea19825@mail.ru
2. **Антонов Алексей Владиславович**, преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, alexeyantonov@mail.ru
3. **Борисова Лика Павловна**, студентка 2-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, likab6570@gmail.com
4. **Болормаа Хайдав LL.M.**, Монгольский государственный университет, институт юридический, факультет публичного права, г. Улан-Батор, Монголия, Bolormaa_kh@num.edu.mn
5. **Будрагчаа Орхон**, бакалавр права, лаборант Университета внутренних дел, г. Улан-Батор, Монголия, o.bud0105@gmail.com
6. **Гаврилов Борис Яковлевич**, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Академия управления МВД России, г. Москва, profgavrilov@eandex.ru
7. **Давааням Ганхуяг**, доктор юридических наук, старший преподаватель, юридический факультет, Национальный университет Монголии, г. Улан-Батор, Монголия, davaanyam@num.edu.mn
8. **Дулам Гантумур**, старший преподаватель, факультет публичного права, Юридический институт, Монгольский государственный университет, г. Улантаатор, Монголия, Gantumur_d@num.edu.mn
9. **Захарова Ольга Игоревна**, адвокат Адвокатской палаты Воронежской области, г. Воронеж, oizakh@mail.ru
10. **Климова Алина Александровна**, студентка 2-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, alineklimm333@gmail.com
11. **Кобысов Иван Сергеевич**, магистрант 1-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, kobysov.ivan@mail.ru
12. **Ли Ваньли**, магистрант 1-го курса Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия; г. Харбин, КНР, liwanli6000@163.com
13. **Люттов Валерий Александрович**, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Международного факультета права и бизнеса Забайкальского государственного университета, г. Чита, lyutovva89@gmail.com
14. **Пархоменко Дмитрий Александрович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, parkhomenkoda@mail.ru
15. **Петров Валентин Сергеевич**, старший преподаватель кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, pretorianv@rambler.ru
16. **Попова Елена Ильинична**, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий; профессор кафедры «Уголовно-правовые дисциплины», Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, доктор юридических наук, доцент, г. Улан-Удэ, popovaelena03@yandex.ru
17. **Попова Ирина Евгеньевна**, студентка 1-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Popovaelena03@yande.ru
18. **Сафина Анжелика Васильевна**, магистрант 1-го курса Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, safina.anshelika@yandex.ru
19. **Сизова Виктория Николаевна**, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр Академии управления МВД России, г. Москва, svnn@inbox.ru
20. **Тарасенко Данил Андреевич**, студент 2-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, gek4@mail.ru
21. **Тарчимаева Эржена Владимировна**, магистрант 2-го курса Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e.tarchimaeva@mail.ru
22. **Туулай Дарийма**, студентка 1-го курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия; г. Улан-Батор, Монголия, t.dariimaa1013@gmail.com

23. **Файзуллаев Мухриддинхон Садриддинович**, адвокат, адвокатское бюро «PREMIUM LEGAL», соискатель PHD, г. Ташкент, Республика Узбекистан, leon-84@mail.ru

24. **Шангин Александр Иванович**, магистрант 1-го курса Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, heartbae@mail.ru

25. **Шарифходжаев Шарифходжа Исломходжаевич**, аспирант 1-го года обучения Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, sharif.sharif.sharif12@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

1. **Akhmetshin Eduard Rinatovich**, student of the 3rd year of the Kazan Institute (branch) of VSU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), g. Kazan, ea19825@mail.ru
2. **Antonov Alexey Vladislavovich**, lecturer at the department of constitutional law, of the Faculty of Law, St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg, alexeyantonov@mail.ru
3. **Borisova Lika Pavlovna**, student of the 2nd year of the Buryat State University. D. Banzarova, g. Ulan-Ude, likab6570@gmail.com
4. **Bolormaa Khaidav LL.M**, Mongolian National University, Law Institute, Faculty of Public Law, Ulaanbaatar, Mongolia, Bolormaa_kh@num.edu.mn
5. **Budragchaa Orkhon**, bachelor of laws, laboratory assistant at the University of Internal Affairs of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, o.bud0105@gmail.com
6. **Gavrilov Boris Yakovlevich**, Professor of the Department of Management of Criminal Investigation Bodies, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, g. Moscow, profgavrilov@eandex.ru
7. **Dr. Davaanyam Gankhuyag**, Doctor of laws, Nagoya University, Graduate school of law, Japan; Senior lecturer, National University of Mongolia, School of Law Associate lecturer, CJLM, Nagoya University; Mongolia, Ulaanbaatar, labatr@mail.ru
8. **Dulam Gantumur**, Senior Lecturer, Mongolian National University, Law Institute, Faculty of Public Law, Mongolia, Ulantaator, Gantumur_d@num.edu.mn
9. **Zakharova Olga Igorevna**, lawyer at the Voronezh Region Bar Association, Voronezh, oi-zakh@mail.ru
10. **Klimova Alina Aleksandrovna**, 2nd year student, Buryat State University named after D. Banzarova, Ulan-Ude, alineklimm333@gmail.com
11. **Kobysov Ivan Sergeevich**, 1st year Master's student, Buryat State University named after D. Banzarova, Ulan-Ude, kobysov.ivan@mail.ru
12. **Li Wanli**, 1st year master's student, Transbaikal State University, Chita/Harbin, PRC, liwanli6000@163.com
13. **Lyutov Valery Aleksandrovich**, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminal Procedure, International Faculty of Law and Business, Transbaikal State University, Chita, Russia, lyutova89@gmail.com
14. **Parkhomenko Dmitry Aleksandrovich**, associate professor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL), candidate of legal Sciences, associate professor, parkhomenkoda@mail.ru
15. **Petrov V.S.**, Senior Lecturer Department of "Criminal Law Disciplines" East Siberian State University of Technology and Management Russia, Ulan-Ude, pretorianv@rambler.ru
16. **Popova Elena Ilyinichna**, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian State University of Technology and Management, Doctor of Law, Associate Professor, Ulan-Ude, popovaelena03@yandex.ru
17. **Popova Irina Evgenievna**, 1st year student of the Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Popovaelena03@yande.ru
18. **Safina Anzhelika Vasilievna**, 1st year master's student of the Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, safina.anschelika@yandex.ru
19. **Sizova Victoria Nikolaevna**, Leading Researcher, Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Moscow, svnn@inbox.ru
20. **Tarasenko Danil Andreevich**, 2nd year student of the Buryat State University named after D. Banzarova, Ulan-Ude, gek4@mail.ru
21. **Tarchimaeva Erzhena Vladimirovna**, 2nd year Master's student, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e.tarchimaeva@mail.ru
22. **Tuulai Darima**, 1st year student, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia/ Ulaanbaatar, Mongolia, t.dariimaa1013@gmail.com

23. **Fayzullaev Mukhriddinkhon Sadriddinovich**, Attorney, PREMIUM LEGAL Law Firm, PhD candidate Republic of Uzbekistan, Tashkent, eleon-84@mail.ru

24. **Shangin Aleksandr Ivanovich**, 1st year master's student of the East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, heartbae@mail.ru

25. **Sharifkhodjaev Sharifkhodja Islomkhodjaevich**, 1st year postgraduate student, Saratov State Law Academy, Saratov, sharif.sharif.sharif12@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

Предисловие / Preface.....	5
I. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ	
I. COMPARATIVE LAW: NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF ASIAN COUNTRIES	
<i>Попова И. Е.</i> История становления и развития прокуратуры в Монголии.....	10
II. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СТРАНАХ АЗИИ	
II. CONSTITUTIONAL-LEGAL AND INTERNATIONAL-LEGAL PROBLEMS IN ASIAN COUNTRIES	
<i>Антонов А. В.</i> Модели конституционного судебного контроля в Азии (на примере отдельных органов конституционного контроля в странах Восточной и Юго-Восточной Азии).....	13
<i>Шарифходжаев Ш. И.</i> Международное сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в борьбе с транснациональной организованной преступностью: основные направления, проблемы и пути их преодоления.....	19
III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ	
III. CIVIL LAW PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIAN COUNTRIES	
<i>Ахметшин Э. Р.</i> Сравнительно-правовое исследование проблем семейного права в странах Азии: особенности, тенденции и перспективы развития.....	23
<i>Борисова Л. П., Климова А. А.</i> Онлайн-репутация и право на уничтожение информации: российский и зарубежный опыт.....	26
<i>Budragchaa Orkhon.</i> Some issues and problems of legal regulation of virtual assets services.....	30
<i>Davaanyam Gankhuyag.</i> A comparative study on apparent authority in the Civil Law of Mongolia	34
<i>Ли Ваньли.</i> Проблемы органов юридического лица, опыт Китайской Народной Республики	40
<i>Люттов В. А.</i> Электронные средства платежа по законодательству России и Китая.....	43

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В АЗИИ

IV. CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIA

<i>Bolormaa Khaidav LL.M.</i> Comparison of the legal regulation and protection of juvenile witnesses and victims.....	49
<i>Гаврилов Б. Я.</i> Уголовный проступок в структуре российского законодательства: pro и contra	53
<i>Захарова О. И.</i> Цифровизация в адвокатской деятельности в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ.....	58
<i>Кобысов И. С.</i> Осуществление отдельных оперативно-розыскных мероприятий с использованием современных технологий при раскрытии убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: опыт Российской Федерации и Китайской Народной Республики.....	61
<i>Пархоменко Д. А.</i> Дифференциация ответственности лиц, впервые совершивших преступление, как инструмент профилактики уголовно наказуемого поведения.....	65
<i>Попова Е. И.</i> Общая характеристика уголовно-процессуальных прав потерпевшего в Монголии.....	68
<i>Сизова В. Н.</i> Институт уголовной ответственности юридических лиц в российском и зарубежном уголовном законодательстве: современное состояние и развитие.....	71
<i>Тарасенко Д. А.</i> Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за незаконную охоту в Российской Федерации и Монголии.....	75
<i>Тарчимаева Э. В., Петров В. С.</i> Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за террористический акт.....	80
<i>Шангин А. И., Файзуллаев М. С.</i> Институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве России и ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона.....	84

V. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКИХ СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

V. TRANSFORMATION OF MODELS OF SOCIAL-ECONOMIC, ECOLOGICAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ASIAN COUNTRIES IN MODERN CONDITIONS

<i>Дулам Гантумур.</i> Социальные гарантии госслужащих в Монголии.....	89
<i>Сафина А. В.</i> Защита добросовестной конкуренции в Российской Федерации и Республике Корея: сравнительно-правовой анализ.....	96
<i>Туулай Дариймаа.</i> Современное состояние правового регулирования услуг в сфере использования виртуальных активов (на примере Монголии, Японии, Кореи и Китая).....	100
Сведения об авторах / Information about authors	109

Научное издание

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИИ — XV
(в рамках I Азиатского юридического форума)

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(смешанный формат)*

(Улан-Удэ, 27 июня 2024 г.)

Редактор
А. М. Бянкина

Компьютерная верстка
Т. И. Гармаевой

Свидетельство государственной регистрации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 24.10.24. Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд. л. 10,96. Усл. печ. л. 13,49. Тираж 100. Заказ 106.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
gio@bsu.ru

Отпечатано в типографии БГУ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а